

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ПОЛЕВЫЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОМ II

Материалы Всероссийской научной конференции

2021-2022 гг.

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2

ISBN 978-5-907671-25-6

9 785907 671256

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы Всероссийской научной конференции 2021-2022 гг.

ТОМ 2

Избранные доклады

Москва
2023

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

*Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор:

Ю.А. Пронина, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты:

Д.Б. Прусаков, док. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Э.Е. Кормышева, док. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Востоковедные полевые исследования: Материалы Всероссийской И90 научной конференции (2021-2022 гг.). В 2 т. Т. 2. Избранные доклады: Ин-т востоковедения Росс. акад. наук: отв. ред.: Ю.А. Пронина — М.: ИВ РАН, 2023. — 304 с.: ил.

ISBN 978-5-907671-06-5 (общ.)

ISBN 978-5-907671-25-6 (т.2)

Данное издание представляет собой сборник избранных докладов, представленных на первой и второй сессиях ежегодной Всероссийской научной конференции «Востоковедные полевые исследования», которые проходили 19-20 апреля 2021 г. и 20-21 апреля 2022 г. Основным направлением тематики докладов стали проблемы, результаты и перспективы полевых востоковедных исследований – подводно-археологических, археологических, антропологических, лингвистических, эпиграфических, этнографических, социологических и других. В работе данного научного мероприятия приняли участие представители самых разных научных институтов, музеев, высшей школы из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Конференция была организована и проведена сотрудниками Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН.

ISBN 978-5-907671-25-6 (т.2)
ISBN 978-5-907671-06-5 (общ.)

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Каландаров Т.С.

«САКРАЛЬНОЕ ПОЛЕ»: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ
ОБЩИН ТАДЖИКИСТАНА) 5

Кормышева Э.Е.

РАСКОПКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН В ГИЗЕ (ЕГИПЕТ).
СЕЗОН 2021 13

Кормышева Э.Е.

РАСКОПКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
В ЗАПАДНОМ ДРАГАБЕ (РЕСПУБЛИКА СУДАН) 23

*Крол А.А., Березина Н.Я., Гордеев Ф.И., Калинина О.С.,
Толмачева Е.Г., Чиркова А.Х., Лейбова Н.А.*

ИССЛЕДОВАНИЯ НУБИЙСКОЙ
АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
НИИ И МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ МГУ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ АТБАЕ (2017–2022) 38

Лебединский В.В., Пронина Ю.А.

ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
У БЕРЕГОВ АБХАЗИИ (2021–2022 гг.) 77

Янь Ли

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ В ТЯНЬЦЗИНЕ:
ВЫЯВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ 86

Лидова Н.Р.

МУДИЕТТУ — ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕАТРА КЕРАЛЫ 99

Мадуров Д.Ф.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СУВАРА X–XIII ВЕКОВ 118

Мелентьев Д.В.

ЭТНОГРАФИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ТУРКЕСТАНСКИХ ЖЕНОТДЕЛАХ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х 132

Меняев Б.В.

СОБРАНИЕ РУКОПИСЕЙ НА ОЙРАТСКОМ ЯЗЫКЕ,
ХРАНЯЩИХСЯ В СЕЛЕ УЛАН–ХОЛ КАЛМЫКИИ 152

Миклухо–Маклай Н.Н.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ
И ПАПУА — НОВОЙ ГВИНЕЕЙ 169

Прудников В.В.

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАМКА МАРГАТ
(МАРКАБ) В СИРИИ 189

Прудников В.В.

ЭКСПАНСИЯ НОРМАННОВ НА ВОСТОКЕ В XI–XII вв.
ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ 200

Рыжакова С.И.

ПАРСЫ ИНДИИ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛИТЕЛЬНОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (2003–2022 гг.) 207

Сызранов А.В.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСЛАМА
В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ 221

Тяньгэ Чу

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ШЭНЬЯНСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ–МУЗЕЕ (КНР, 2021) 233

Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Дружинина И.А., Рассказова А.В.

ГРОЗОЮ БУДЬ ЕРЕТИКОВ, ОПОРОЙ ПРАВОСЛАВНЫХ:
ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА ИЗ СРЕДНЕГО ЗЕЛЕНЧУКСКОГО ХРАМА 247

Шапвалова С.Н.

АРТЕФАКТЫ КУЛЬТУРЫ САНЬСИНДУЙ,
ТАЙНИК ИЛИ РИТУАЛЬНОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ 257

«САКРАЛЬНОЕ ПОЛЕ»: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН ТАДЖИКИСТАНА)

Тохир Сафарбекович Каландаров

Институт этнологии и антропологии РАН
tohir_s70@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>

***Аннотация.** В статье рассказывается о тех вызовах, которые «поле» преподносит исследователям, занимающимся сбором научной информации во время своих экспедиций. Автор убежден, что после ухода атеистической идеологии исследователям не стало легче изучать ислам в среднеазиатском регионе. Наоборот, ученые столкнулись с новыми сложностями, так как исламские сообщества стремительно теряют свою открытость и готовность к сотрудничеству с исследователями. На примере изучения мусульманских сообществ Таджикистана анализируются не только вызовы, но и новые перспективы данного направления. Одним из таких перспективных направлений, по мнению автора, является изучение частных историй мусульман Средней Азии. Кроме этого, в частных архивах и ВУЗах Средней Азии сохранилось немало материалов по изучению ислама в регионе в советское время. Автор на примере частного архива историка Ю. Г. Зинченко показывает значимость их ввода в научный оборот.*

Ключевые слова: ислам; Таджикистан; мусульмане Средней Азии; Ю. Г. Зинченко; Хаджи Мирзо; атеизм; антропология ислама

SACRED FIELD: CHALLENGES AND PROSPECTS (ON THE EXAMPLE OF THE STUDY OF MUSLIM COMMUNITIES IN TAJIKISTAN)

Tokhir S. Kalandarov

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
tohir_s70@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>

Abstract. *The article focuses on the challenges that the «field» presents to researchers who collect scientific information during their expeditions. The author is convinced that after the end of the atheistic ideology, it did not become easier for researchers to study Islam in the Central Asian region. On the contrary, researchers faced new difficulties because Muslim communities are rapidly losing their openness and willingness to cooperate with scholars. Based on the studies of the Muslim communities in Tajikistan the paper analyses not only challenges but also new perspectives. One of such promising directions, according to the author, is the study of private histories (personal stories) of the Muslims of Central Asia. In addition, many materials on the regional Islam studies during the Soviet era have been preserved in private archives and universities in Central Asia. Based on the example of a private archive of Yu. G. Zinchenko the author shows the importance of their introduction into academic circuit.*

Keywords: Islam; Tajikistan; Muslims of Central Asia; Zinchenko; Haji Mirzo; atheism; anthropology of Islam

Введение

Осознанно проводить полевые изучения мусульманских сообществ Таджикистана я начал в 1996 г., когда вместе со студентами Хорогского государственного университета им. М. Н. Назаршоева принимал участие в археологических раскопках в Рошткалинском районе Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Они проходили в долине

Джавшангоз под руководством известного археолога М. А. Бубновой. С тех пор практически каждый год минимум месяц я нахожусь в «поле».

Все те коллеги, которые занимаются исследованием религиозных сообществ тех или иных стран и регионов, понимают, насколько стремительно данное «поле» становится «сакральным». Казалось, что после распада Советского Союза и ухода атеистической идеологии с политического Олимпа, стало легче изучать исламские сообщества. Исследователям в целом, а этнологам в частности, не надо было больше соблюдать идеологические рамки, требующие от ученых «единственно правильных» и идеологически выверенных выводов о всеобщем переходе народов в стан приверженцев атеизма.

Материалы исследования

Вслед за Россией в других среднеазиатских республиках «научный атеизм» как предмет исчез из университетских программ. Как справедливо отмечает российский историк А. К. Аликберов: «В новой России “научный атеизм” был признан не научной, а идеологической дисциплиной...» [1, с. 55].

Если характерной чертой социалистического общества являлось господство научно-материалистического, атеистического мировоззрения, то в нынешних условиях отличительной чертой среднеазиатского общества можно признать господство мировоззрения религиозного. Именно поэтому в последние три десятилетия после обретения бывшими союзными республиками независимости в этом регионе наблюдается возрождение ислама.

После распада СССР религиозная ситуация в бывших союзных республиках кардинально изменилась. Фактический советский запрет на вероисповедание сменился всплеском интереса к исламу и последующим возрождением многих мусульманских практик. В некоторых государствах Средней Азии возникли новые религиозные течения, открылись исламские научные и научно-образовательные центры. Казалось бы, все эти факторы объективно должны были помочь исследователям религии для свободной работы «в поле». Однако уже скоро выяснилось, что работать в этой сфере вовсе не так легко.

Вообще изучение религии любого народа является чрезвычайно сложной задачей для исследователей, поскольку затрагивает сакральную сторону повседневной жизни изучаемой группы. Это всегда взгляд «чужака» в «сокровенную глубину» изучаемых. При этом даже если ученый — единоверец, доверие к нему очень осторожное. Изучаемые люди, а иногда и информанты, не всегда верят, что ученый, проводя тщательные расспросы среди членов общины касательно того или иного религиозного обряда, на самом деле преследует исключительно научные цели. Иногда они видят в исследователе кого угодно, но только не специалиста, ведущего изыскания. Вспоминается случай в 1996 г. после проведенного мною интервью с 80-летним стариком на безобидную, казалось бы, тему о «святых местах» в отдаленном кишлаке долины реки Шахдары на Памире. Через день этот информант передал моему отцу просьбу, чтобы я не публиковал его слова, поскольку он опасается «неприятностей с госорганами». В памяти этого старика еще сохранились годы сталинских репрессий, и он увидел во мне не исследователя, а «человека из госорганов».

Непосредственная полевая работа оголяет «слабые звенья» в цепи методологических знаний исследователя. Несмотря на достаточно большой опыт работы с исмаилитской общиной Таджикистана и России, каждый мой выход «в поле» выявляет новые сложности в процессе изучения таких сообществ.

Рамки настоящего материала для научного журнала не позволяют подробно останавливаться на методологических вопросах изучения ислама, поэтому отмечу некоторые вызовы и перспективы этнологического изучения ислама в Таджикистане. Конечно, это только предварительные комментарии автора к данной проблеме, они возникли во время полевых работ и, разумеется, не претендуют на исчерпывающие ответы.

Говоря о вызовах «сакрального поля», в первую очередь надо отметить, что ислам все больше приобретает политический характер. Фактически ислам уходит из поля зрения антропологов и религиоведов и переходит в компетенцию политологов. Нынешняя ситуация в ближневосточных странах демонстрирует, что осознанно или инстинктивно ислам в этих странах воспринимается как единственный метод политической борьбы.

Антропологов всегда интересовало разнообразие в исламском обществе с его различными ритуалами, культурами, взаимоотношениями и т. д. Что же касается политического ислама, то он, как мы видим, не терпит никакого плюрализма.

Ислам в Средней Азии в целом и в Таджикистане в частности принимает форму борьбы за «чистоту религии». Вызовом для исследователей является то, что каждую опубликованную статью будут рассматривать как «опровержение» или «доказательство» «правоты» или «заблуждение» тех или иных религиозных групп или сообществ¹.

Влияние исламских академических работ на мировоззрение самих изучаемых народов становится все меньше. Современные исламские богословы в регионе не уделяют должного внимания научным публикациям по исламоведению. Основная причина заключается даже не в языковом барьере (хотя это существенная преграда, ведь исследователи пишут, главным образом, на русском и английском, а местные религиозные лидеры — на местных языках и арабском) а, скорее, в методологических подходах к теме. Местные улемы более сосредоточены на идее спасительного характера (в день Страшного суда) того или иного течения в исламе. Они игнорируют работы тех авторов, которые не ставят своей целью доказать правдивость и истинность какого-либо течения в регионе. Понятно, что антропологи не могут ставить перед собой такие задачи. Все это приводит к невозможности дискуссии между учеными и служителями культа. При этом, конечно, исследователю очень важно быть выше своих эмоций и чувств, и, скорее всего, права религиовед Е. С. Элбакян: «Только так — будучи никак не ангажированным и беспристрастным, религиоведу — исследователю и преподавателю — можно оставаться на твердых научных позициях» [5, с. 155].

---

¹ К примеру, Центр исламоведения при Президенте Республики Таджикистан своей основной целью считает обеспечение научных основ государственной политики отношения к религии и свободе совести, другими словами, фундаментом своей деятельности считает научный подход, в то время как некоторые бескомпромиссные неформальные религиозные лидеры науку противопоставляют религии. Публикации данного Центра свидетельствует о приверженности научного подхода [2;3]. Интересно было бы сделать сравнительный анализ современного научного подхода наших коллег с господством научно-материалистического мировоззрения советского периода, которое освещено в работе Т. С. Саидбаева [4].

При этом понятно, что в борьбе за аудиторию в современном мире выступают новые технические возможности. Официальный ютуб канал Хаджи Мирзо — одного из популярного религиозного авторитета Таджикистана, насчитывает 336 тысяч подписчиков, и каждое его выступление имеет сотни тысяч просмотров. Конечно, научным академическим институтам и центрам невероятно сложно конкурировать с такими ютуб каналами или группами социальных сетей.

При этом, понятно, что данное поле все еще «не паханное», и есть некоторые перспективы в дальнейшей работе. Изучения письменных и устных источников в самом Таджикистане продолжается. Во время экспедиции в Кулябе в сентябре 2017 г. я услышал много интересных устных историй о мусульманских проповедниках данного региона, о паломничестве к «святым местам» этих краев и многое другое, которое, безусловно, является интересным материалом для этнологов и религиоведов.

Для этнологического изучения большое значение и хорошие перспективы имеет частные истории мусульман. До сих пор исламоведы Таджикистана очень мало уделяли внимания этой сфере. Часто истории жизни одного религиозного лидера, причем не важно — формального или неформального, позволяют лучше понять и раскрыть исторический контекст, чем целые письменные источники, которые написаны не в контексте границ, как условных, так и не условных. Другими словами, письменный источник, который написан в г. Ош (Кыргызстан) о суфийских песнопениях каратегинских (Таджикистан) суфиев дает не совсем полную картину в сравнении с жизнеописанием одного из лидеров этих суфиев².

Следующий момент, на котором хотелось бы остановиться, — это критический анализ и публикация неизданных результатов исследований, проведенных в советское время. Высшие учебные заведения советского Таджикистана проводили сбор полевых материалов, и, к сожалению, их большая часть до сих пор не введена в научный оборот. Некоторые материалы уже безвозвратно пропали, а другие хранятся в личных коллекциях. Немало уникальных материалов содержит архив Юрия Григорьевича

---

² В последние годы исследователи Таджикистана обратили внимание на родословную некоторых мусульманских религиозных авторитетов. (См.: [6]).

Зинченко — кандидата философских наук, преподавателя Кулябского государственного педагогического института³. В 1970-е гг. он работал в Кулябе (юг Таджикистана) и со своими студентами собирал материал об исламе в регионе. Материал представлен в виде машинописных карточек для каждого информанта. В карточке собраны биографические данные о респонденте: их имена, возраст, образование, а также их ответы на поставленные вопросы. Помимо индивидуальных бесед, в карточках есть данные и о «фокус группах», т.е. фиксирует общение с группой респондентов. Для примера, приведем фото одной такой карточки.

Как видно из карточки, исследователей в первую очередь интересовал вопрос о религиозности населения. Наводящими вопросами ученые хотели понять, насколько население прониклось идеями «научного мышления». Практически во всех своих интервью Ю. Г. Зинченко и его группа спрашивали своих информантов об их отношении к науке. Что касается данной «фокус группы», то речь идет об экзорцизме в исламе. «Если человек стал сумасшедшим, то надо обратиться к мулле, а если человек обратится к врачу, то он останется сумасшедшим», — отвечает один из участников группы.

Примечательно, что экзорцизм как религиозная практика и сегодня остается чрезвычайно популярным в Таджикистане (и не только там). Его антропологическое исследование в наше время стало бы достаточно интересным явлением нашей науки. Есть исследования экзорцизма в таджикских мигрантских кругах Москвы [7], было бы перспективным изучение этого явления и в стране исхода мигрантов.

Заключение

XXI век открывает новые горизонты «сакрального поля». Видео проповеди, никах и разводы, совершенный по Ватсапу и т.д., еще ждут своих исследователей, но уже сейчас ясно, что это поле будет весьма интересным и богатым в контексте различных теорий и гипотез. При этом трудности изучения ислама, как в интернет-пространстве, так и непосредственно —

---

³ Выражаю благодарность научному сотруднику ИЭА РАН Дмитрию Опарину и Екатерине Зинченко, племяннице Ю. Г. Зинченко, за предоставленную информацию об архиве и за ознакомление с некоторыми его документами.

вживую, его многочисленных течений и проявлений, многоплановость трактовок различных постулатов исламской веры всегда преподносили и продолжают преподносить для исследователей новые вызовы. И насколько мои коллеги готовы к этим вызовам, покажет время.

Литература

1. Аликберов А. К. Российское исламоведение, его предмет и место в системе гуманитарных знаний (По следам одной научной дискуссии). В: Пиотровский М. Б., Аликберов А. К. (сост. и отв. ред.) *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова*. М.: Восточная литература; 2016. С. 51–76.
2. Мақом ва нақши ислом дар Тоҷикистон. Душанбе: «ЭР-граф»; 2018. 296 с. (на тадж. яз.)
3. Мақом ва нақши ислом дар Тоҷикистон. Душанбе: «ЭР-граф»; 2016. 292 с. (на тадж. яз.)
4. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М.: Наука; 1984. 253 с.
5. Элбакян Е. С. Феномен советского религиоведения. *Религиоведение*. 2011;3:141–162.
6. Шаҷараи Мир Саййид Алии Ҳамадонӣ. Таҳияи матн, муқаддима ва тавзеҳоти Ф. Баротзода ва А. Шарифзода. Душанбе: «Дониш», 2015. 36 с. (на тадж. яз.)
7. Опарин Д. А. Одержимость и экзорцизм в миграционном мусульманском контексте. *Неприкосновенный запас*. 2021;4:169–195.

References

1. Alikberov A. K. Russian Islamic studies, its subject and place in the system of humanitarian knowledge (Following one scientific discussion). In: Piotrovsky M. B., Alikberov A. K. (eds) *Ars Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov*. M.: Vostochnaya literature; 2016. pp. 51–76. (In Russ.)
2. Place and role of Islam in Tajikistan. Dushanbe: Er Graf; 2018. 296 p. (In Tajik.)
3. Place and role of Islam in Tajikistan. Dushanbe: Er Graf; 2016. 292 p. (In Tajik.)
4. Saidbaev T. S. *Islam and Society. Experience of historical and sociological research*. Moscow: Nauka; 1984. 253 p. (In Russ.)
5. Elbakyan E. S. The phenomenon of Soviet religious studies. *Religiovedenie*. 2011;3:141–162.
6. Barotzoda F. Sharifzoda A. (eds). *Genealogy of Mir Said Ali Hamadoni*. Dushanbe: Donish; 2015. 36 p. (In Tajik.)
7. Oparin D. Possession and Exorcism in the Muslim Migrant Context. *Neprikosnovenniy zapas*. 2021;4:169–195.

РАСКОПКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН В ГИЗЕ (ЕГИПЕТ). СЕЗОН 2021

Элеонора Ефимовна Кормышева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

eleonora45@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9274-5661>

Аннотация. *В статье публикуются и предварительно анализируются данные раскопок последних археологических сезонов в Гизе — раскопки гробницы GE 89 и проведенное сканирование скелетов карликов, найденных в Малом некрополе к востоку от гробницы Ченти I, также раскопанной нашей экспедицией. Гробница 89 была открыта нашей экспедицией 2 года назад. Раскопки последнего сезона показали наличие двухкомнатного помещения гробницы, разделенного пирами. В культовом помещении на южной стене были найдены 4 скальные статуи мужчин и женщин. В помещении отделенном пирами обнаружены незавершенные ложные двери и жертвенная плита с именами владельцев гробницы. Помимо этого приведены результаты раскопок погребений карликов в Малом некрополе II и результаты экспертизы скелетов антропологом.*

Ключевые слова: Египет, Гиза, скальная гробница, скальные статуи, жертвенная плита, ложные двери, карлик, скелеты, шахта, погребальная камера

EXCAVATIONS OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL
STUDIES RAS AT GIZA (EGYPT). SEASON 2021.

Eleonora E. Kormysheva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

eleonora45@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9274-5661>

Abstract. *The article presents a preliminary publication and analyzes the excavation materials of the recent archaeological seasons of the Russian archaeological mission at Giza, namely excavations of the tomb GE 89 and a CT scan of the dwarf skeletons found in the Minor cemetery to the east of the tomb of Tjenti I, also excavated by our mission. Tomb 89 was detected by our expedition and started to be excavated 2 years ago. The excavations of the last season showed the presence of a two-room chamber of the tomb, divided by pillars. In the offering room on the south wall, 4 rock statues of men and women were found. In a room separated by pillars, unfinished false doors and an offering slab with the names of the owners of the tomb were found. In addition, the results of excavations of the burials of dwarfs in the Minor cemetery II and the results of the examination of skeletons by an anthropologist are presented.*

Keywords: Egypt, Giza, rock tomb, rock statues, offering slab, false doors, dwarf, skeletons, shaft, burial chamber

ГИЗА (ЕГИПЕТ). Российская археологическая экспедиция в Гизе работает с 1996 года в зоне восточной оконечности Восточного плато Гизы в зоне скальных гробниц. Российская концессия занимает территорию от Сен эль Агуз до восходящей дороги Хуфу (рис. 1), а также часть территории G 7000 перед гробницей Итети G 7391.

Многие из гробниц, раскопанных на территории российской концессии, фрагментарно нашли отражение в отчетах Лепсиуса, их посещали фотографы Рейснера, о чем имеются свидетельства в его дневниках.

К востоку от скальных гробниц располагается Малый некрополь II (Малый некрополь 1 был найден к востоку от гробницы Хафраанха и опубликован во 2 томе Трудов Российской археологической экспедиции в Гизе).

В течение последних двух полевых сезонов были проведены раскопки скальной гробницы GE 89 (рис. 2). В течение сезона 2021 был расчищен вход в гробницу, который был частично заблокирован большими каменными блоками.

Раскопанный вход в гробницу в его нынешнем виде имеет высоту 1,72 м и ширину 77 см.

Проход был разрушен в верхней части, скорее всего, из-за утраченных барабана и архитрава. Отметки уровня на северной части входа 46, 44 a.s.l.— 45, 75 a.s.l.

Внутренние помещения гробницы были почти полностью забиты фрагментами керамики, мумий, костных останков, фрагментов фаянса и бусин. Перед началом раскопок были построены продольные и поперечные стратиграфические разрезы.

Проход был разрушен в верхней части, скорее всего, из-за утраченных архитрава и барабана.

Скальная гробница 89 представляет собой L-образное сооружение, состоящее из двух комнат (А и В), разделенных 4 пирами (рис. 3), образующих 4 прохода в комнату (В), с северной стороны стена, по всей вероятности, была разрушена и в настоящее время здесь имеется ниша С в ней пробит большой проем, уходящий внутрь, и только верхний контур исходной стены, который остается видимым, указывает на первоначальную конфигурацию стены.

Комната А была почти полностью раскопана в течение этого сезона. Размер помещения А — L 5, 38 м; Н 2, 60 м; Ш. 1, 72 см.

Западная стена помещения А состоит из 3-х пиляров, по всему периметру перекрытых сплошным архитравом. Пиляры и архитрав вырезаны из материковой скалы. Высота пиляра 219 см, ширина каждой поверхности колонны 51 см.

На южной стене помещения (217 см по оси восток-запад) обнаружены четыре скальные статуи (рис. 3), стоящие на подиуме — высота от пола помещения 67–69 см, размеры ниши, где вырезаны статуи, длина 187 см; высота 167 см; глубина 29 см.

В направлении восток-запад расположены: женская фигура, правая рука которой согнута в локте и держит за руку мужскую фигуру. Градуированный парик, подчеркнутые женские формы, сохраненные черты лица. Вероятно, на ней было длинное платье, но никаких следов в настоящее время не прослеживается.

Следующая мужская фигура (нумерация справа налево) представляет владельца гробницы, мужа той госпожи, что показана справа от него. Далее еще две фигуры — женская и мужская.

Статуя 1 (женщина), размеры:

Высота — 153 см

Высота головы от парика до шеи— 22 см

Длина и ширина лица— L. 15 см; W 14 см

Парик — 29 см

Ширина плеч 40 см

Ширина груди 29 см

Высота торса 45 см

Длина рук 33 см до локтя, 27 см рука от локтя

Длина ладони 15 см

Длина ног 77 см

Длина платья — не определяется

Глубина ниши 29 см

Статуя 2 (мужчина), размеры:

Высота — 160 см

Высота головы от парика до шеи— 24 см

Длина и ширина лица — длина. 19 см; ширина 15 см

Парик — 18 см (нижняя часть), 21 см (верхняя часть)

Ширина плеч 48 см

Ширина груди 30 см

Высота торса 40 см

Длина рук 74 см

Длина ног 78 см

Длина юбки (приблизительно) 35 см

Расстояние между концом юбки и ногами (приблизительно 56 см)

Статуя 3 (женщина), размеры:

Высота — 146 см

Высота головы от парика до шеи— 27 см

Длина и ширина лица — длина. 20 см; ширина 15 см

Парик — 18 см (нижняя часть), 28 см верхняя часть

Ширина плеч 44 см — левое плечо заходит за правое плечо ее мужа.

Ширина груди 30 см

Высота торса определить невозможно, разлом.

Длина рук 73 см

Ноги повреждены, сохранившаяся нижняя часть 57 см

Длина платья — не определяется

Расстояние между ногами и концом юбки (приблизительно 25 см)

Статуя 4 (мужчина), размеры:

Высота — 158 см

Высота головы от парика до шеи — 27 см

Длина и ширина лица — длина. 19 см; ширина 15 см

Парик — 22 см

Ширина плеч 49 см

Ширина груди 30 см

Высота торса 32 см

Длина рук — 75 см

Длина ног 58 см

На восточной стене (в крайней юго-восточной части) обнаружены контуры ложной двери. Перед ней (в западном направлении) на полу гробницы обнаружено устье шахты, которая не была вырублена.

Комнаты А и В разделены пирами (рис. 3). Комната В раскопана частично. На западной стене видны очертания двух ложных дверей. Шахты пока обнаружены не были.

Размеры помещения В: длина 5,70 м; ширина 141 см., высота 2,33 м. Около южной стены вырублен подиум, длина 172 см, ширина 141 см, высота. 50 см.

На западной стене помещения видны намеченные контуры ложной двери (FD 1). Перед ней высечен подиум, размеры: длина 89 см; ширина 54 см; высота 16,5 см. Внутри этого подиума был вырезан небольшой бассейн для возлияний размером 30, 5 см x 20 см, глубиной 5 см. Такой же бассейн был вырублен перед ложной дверью Херенки в гробнице Хафраанха.

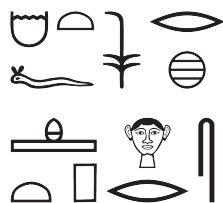
FD 1 осталась незавершенной, существует только ее контур, предполагаемый размер 2, высота 24 м, размер архитрава 33 см x 141 см. Жертвенная плита в верхней части ложной двери вырезана, но на ней нет ни надписей, ни изображений. Ее размер 61 x 34 см. Размер внешних панелей 32 x 190 см. Нижний архитрав — размер 75 x 7 см. Внутренняя панель ложной двери — 29 x 135 см. Внутренняя закрытая ниша — размер 122 x 155, толщина 9,5 см.

Севернее, на расстоянии 70 см от первой ложной двери вырезана вторая ложная дверь (FD 2), того же типа и габаритных размеров. На уцелевшей жертвенной плите дверного окна, размером 38 x 74,5 см, толщина 6,5 см. сохранились фигуры мужчины и женщины сидящих напротив друг друга перед столом с хлебами (рис. 4). Правая рука каждого персонажа прижата к груди, левая лежит на коленях. Сиденье скамьи заканчивается бутоном лотоса. На женском сиденье также хорошо сохранилась подушка. На женщине длинное платье, на мужчине юбка. Ножки сиденья оканчиваются копытами, которые размещены на трапециевидном возвышении.

rx nswt wsr imy-r pr

Тот, которого знает царь, Усер, глава дома/имения.

Hmt.f rx nswt @tpHrs

Его жена, та, которую знает царь, Хетепхерес.

Имя Усер достаточно распространенное в Египте как самостоятельное имя и составная часть имен, в данном палеографическом варианте начертания и диспозиции знаков встречается в гробницах Древнего царства в Гизе и Саккаре [1, 334–335]¹. Имя Хетепхерес («удовлетворено лицо ее») встречается в различных некрополях [1, 570–571].

¹ В предшествующих изданиях по просопографии данный вариант не был учтен [2, 85; 3, 461–462].

Такое же изображение двух сидящих персонажей, для которых создавалась гробница, имеется в гробнице Несемнау (GE 63) на восходящей дороге Хуфу. Однако, такие изображения имеют очень широкую датировку от III до VI династии [4, 84, fig.22, Criterion 31], такая же датировка у ножек мебели, которые оканчиваются копытами [4, 82, fig. 65, Criterion 82]. Форма подушки на стуле, где сидят хозяин гробницы и его жена встречаются в гробницах от четвертой до шестой династии [4, 92, Criterion 86]. Сходство планировки в данном случае полностью сравнимой с гробницей Кахерптаха, а также ее расположение позволяют предположительно датировать сооружение гробницы V династией. Один из вариантов предлагаемой датировки этой гробницы — Джедкара-Унас [5, 160], а гробница Несемнау LG 64)² может быть датирована концом V династии [5, 166].

Исследование керамического материала из заполнения гробницы GE 89, проведенное С. Е. Малых (со ссылками на литературу), показало, что стратифицированном заполнении первого помещения гробницы доминируют поздние керамические образцы, представленные, главным образом, фрагментами крупных толстостенных продолговатых широкогорлых кувшинов с двумя ручками и округлым донцем, имеющих аналогии в керамическом корпусе Саккары и датированных исследователями концом VI–V в. до н.э. [6, p. 101, fig. 15–16.] Здесь же обнаружен небольшой кувшин со схематичным декором, изображающим лицо бога Бэса. Аналогичные по форме и оформлению сосуда датированы концом V — первой четвертью IV вв. до н.э. [7, 205–208, fig. 27–29].

Кроме этого, в первом помещении гробницы GE 89 обнаружена импортная керамика — фрагменты чернолакового гидриска и финикийской амфоры типа «торпедо». По заключению С. Е. Малых, гидриск по глине является импортом из Аттики и датируется V–IV вв. до н.э. Глина амфоры-торпедо характерна для Восточного Средиземноморья; данная разновидность типична преимущественно для второй половины V — начала IV вв. до н.э.

Найденную в первом помещении гробницы GE 89 керамику логично связать с вторичными погребениями, устроенными здесь же: вероятно

---

² Эта гробница также раскопана Российской археологической экспедицией в Гизе, но пока еще не опубликована.

сосуды входили в состав погребального инвентаря, и, следовательно, указывают на время совершения погребений в конце V — начале IV вв. до н.э.

На территории Российской концессии в Гизе было найдено два малых некрополя, представляющих собой простые погребения без суперструктуры, которые располагаются к востоку от гробниц чиновников более высокого ранга с надписями и изображениями³.

Впервые в практике изучения египетских древностей на территории одного некрополя в соседних шахтовых комплексах Гизы (GE 60 и GE 52) были найдены погребения карликов, относящиеся к одному периоду. Это были мужчины 40–49 лет, похороненные на протяжении близкого периода времени. Находки были сделаны несколько лет назад, но только в предыдущем сезоне удалось получить разрешение и провести КТ сканирование скелетов в Египетском музее в Каире, что дало возможность исследования и публикации результатов.

Следов мумификации в погребальном обряде не обнаружено. Эти погребения расположены непосредственно перед гробницей Ченти 1 (GE 11), на стене которой имеется изображение карлика, ведущего быка. Впервые в практике изучения египетских древностей на территории одного некрополя в соседних шахтовых комплексах Гизы (GE 60 и GE 52) были найдены погребения карликов, относящиеся к одному периоду. Это были мужчины 40–49 лет, похороненные на протяжении близкого периода времени

Скелет 52 был потревожен, тем не менее, он лежал в анатомической позиции, положение подскорченное. Скелет находился в погребальной камере, восстановить в чем был похоронен карлик, невозможно. Деревянные доски лежали поверх камней над карликом. Вряд ли это были остатки гроба: под карликом следов истлевшего дерева найдено не было. Череп получил значительные повреждения.

Погребение 60 уникально (рис. 5), оно было найдено в стволе шахты. Скелет лежал на левом боку, на камнях, составляющих погребальное место (или подушку) для погребенного. Несмотря на странность такой диспозиции, удалось найти объяснение случившемуся. После снятия скелета

---

³ Один из таких некрополей был нами раскопан к востоку от гробницы Хафранха и опубликован во 2 томе трудов экспедиции [8].

и продолжения раскопок шахты выяснилось, что дно шахты имело отверстие и само дно провалилось в погребальную камеру другой шахты, расположенной ниже на глубине 5 метров. Образовавшаяся пустота была заполнена битой керамикой, среди которой доминируют образцы V династии.

Интересно, что оба погребения (шахты расположены вблизи друг от друга). При том, что одной погребение было совершено в теле шахты, а другое в погребальной камере, оба они были сделаны на одной и той же глубине — 2, 5 метра.

Как показало исследование скелетов, сделанное М. Б. Медниковой,, эти люди не были родственниками, поскольку они были носителями разных наследственных заболеваний, очень редких среди современного населения (1 на 34 000 или 1 на 40 000 случаев). В рамках дифференциальной диагностики, принятой в палеопатологических исследованиях, было установлено, что диагноз погребенного в гробнице 60 можно соотнести с множественной эпифизарной дисплазией. У него отмечены травмы левой руки и грудной клетки, а также остеопороз.

Для второго карлика (гробница 52) обсуждается диагноз ахондроплазия или псевдоахондроплазия. Длина тела карликов из Гизы, реконструированная по уравнению регрессии, разработанному для мужчин Древнего Царства, соответствует 152 и 121,56 см. На его скелете обнаружены зажившие переломы, остеопороз.

Несмотря на многочисленные врожденные деформации, травматизм, изнашивающую физическую активность, новые из погребений GE 60 и GE 52 достигли преклонных, по меркам той эпохи, лет, что может отражать их достаточно высокий социальный статус.

После выполненной в рамках исследования реконструкции облика карлика из погребения 60, сделанного М. Медниковой и А. Рассказовой (рис. 6), специалисты-антропологи не исключили, что он мог быть потомком Сенеба, по крайней мере, он мог быть носителем аналогичной генетической аномалии.

Литература

1. Scheele-Schweitzer K. Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014, S.
2. Ranke H. Die ägyptischen Personennamen, tome 1–3, Gluckstadt, J. J. Augustin, 1935, S.432.
3. Lieblein J. Hieroglyphisches Namen-Wörterbuch. Genealogisch und alphabetisch geordnet. Nach den ägyptischen Denkmälern herausgegeben. Leipzig, J. G. Hinrichs, 1871, S.555
4. Swinton J. Dating the tombs of the Egyptian Old Kingdom. Oxford: Archaeopress, 2014, 191 p.
5. Thuault S. Some remarks on the dating of 12 Old Kingdom tombs at Giza. Prague Egyptological Studies, XXIII, 2019, p. 152–169.
6. French P., Bourriau J. The Anubieion at Saqqara IV. Pottery of the Late Dynastic Period with Comparative Material from the Sacred Animal Necropolis. London, 2018.
7. Defernez C. Les vases Bès à l'époque perse (Égypte-Levant). Essai de classification. In: Briant P., Chauveau M. (eds.). Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire achéménide. Actes du colloque international organisé au Collège de France, 9–10 novembre 2007. Persika 14. Paris, 2009. Pp. 153–215.
8. Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. The Minor Cemetery to the East from the tomb G 4978. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2012, 350 p.

References

1. Scheele-Schweitzer K. Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014, S.
2. Ranke H. Die ägyptischen Personennamen, tome 1–3, Gluckstadt, J. J. Augustin, 1935, S.432.
3. Lieblein J. Hieroglyphisches Namen-Wörterbuch. Genealogisch und alphabetisch geordnet. Nach den ägyptischen Denkmälern herausgegeben. Leipzig, J. G. Hinrichs, 1871, S.555
4. Swinton J. Dating the tombs of the Egyptian Old Kingdom. Oxford: Archaeopress, 2014, 191 p.
5. Thuault S. Some remarks on the dating of 12 Old Kingdom tombs at Giza. Prague Egyptological Studies, XXIII, 2019, p. 152–169.
6. French P., Bourriau J. The Anubieion at Saqqara IV. Pottery of the Late Dynastic Period with Comparative Material from the Sacred Animal Necropolis. London, 2018.
7. Defernez C. Les vases Bès à l'époque perse (Égypte-Levant). Essai de classification. In: Briant P., Chauveau M. (eds.). Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire achéménide. Actes du colloque international organisé au Collège de France, 9–10 novembre 2007. Persika 14. Paris, 2009. Pp. 153–215.
8. Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. The Minor Cemetery to the East from the tomb G 4978. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2012, 350 p.

РАСКОПКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН В ЗАПАДНОМ ДРАГАБЕ (РЕСПУБЛИКА СУДАН)

Элеонора Ефимовна Кормышева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

eleonora45@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9274-5661>

Аннотация. В статье публикуются материалы археологических раскопок ИВ РАН в Западном Драгабе, где предположительно Гарстенгом был найден храм Исиды. Проведенные раскопки в течение полевых сезонов 2020 и 2021 доказали присутствие на этой территории храма — это найденные алтари, фрагменты колонн, помещение. Вымощенное песчанником, фрагменты цветной росписи по штукатурке. Памятник многослойны, о чем свидетельствует кладка стен, престройка сооружений. Ранняя стадия строительства относится к мероитскому периоду, что доказывает продольно-поперечная кладка, сохранившаяся на высоту 1–2 кирпичей. Из находок большой интерес представляет октогональная колонна с ромбовидным отверстием в теле фусты и большой фрагмент кратера с декором в виде виноградной лозы, что было характерно для мероитского ареала.

Ключевые слова: Мероз, Гарстенг, храм, кратер, колонна, Исиды, кениса

EXCAVATIONS OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS AT EASTERN DRAGAB (REPUBLIC OF SUDAN). SEASON 2021.

Eleonora E. Kormysheva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

eleonora45@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9274-5661>

Abstract. *Materials from the archaeological excavations of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in Western Dragab are published in this article. Presumably at this place, Garstang had found a temple of Isis. The excavations carried out during the field seasons of 2020 and 2021 proved the presence of a temple on this territory — these are found altars, fragments of columns, a room, which was paved with sandstone, fragments of color painting on plaster. The monument is multi-layered, as evidenced by the laying of walls, the reconstruction of structures. The early stage of construction belongs to the Meroitic period, which is proved by the longitudinal-transverse masonry, preserved to a height of 1–2 bricks. Among the finds are an octogonal column with a rhomboid hole in the body of the fust and a large fragment of a crater decorated with grapevine, which was typical of the Meroitic area.*

Keywords: Meroe, Garstang, temple, crater, column, Isis, kenisa

В 2019 году была получена концессия Института востоковедения РАН и начались раскопки в Западном Драгабе, расположенном примерно 300 м от окружной стены храма Амона в Royal city Мерое (рис. 1).

По данным Национальной корпорации древностей и музеев Судана в этом районе в 1911 году вел раскопки Дж. Гарстенг, согласно его отчету, он обнаружил там храм, который по согласованию с Ф. Гриффисом он назвал храм Исиды М 600 [1, 17–21; 2, fig. 170–173, pt 2, fig. 1, 28].

Дж. Гарстенг предположил, что сооружение было переиспользовано как христианский храм, отчего у местных жителей оно получило название Эль Кениса, он также отмечал, что данное предположение подтверждается археологическими находками [1, 17–18; 2, 170], однако, ни в его публикациях, ни в его архиве, который находится в Ливерпуле, конкретных данных, свидетельствующих о существовании здесь церкви, не найдено.

В ходе опроса местного населения в 2020 и 2021 годах ни один из информаторов не сообщал о нахождении здесь церкви. Более того, место, где якобы располагалась кениса (церковь), как говорят местные, находилось примерно в 500 метрах севернее на участке, который принадлежит Национальной корпорации музеев и древностей Судана.

Согласно полученной от местных жителей информации, на территории, где сейчас ведет раскопки археологическая экспедиция ИВ РАН под руководством автора с 1950 по 2003 годы существовала деревня Драгаб, которая была расселена на территорию к востоку, так как это место было включено в число археологических объектов. По рассказам старейшин здесь находился некий замок Фаддалы (“castel Faddala” или “Kom Faddala”), один из информаторов сказал, что Фадалла был не местным, а приехал сюда из Западного Судана. Находки образцов повседневной керамики, а также различных бытовых предметов в верхнем слое, свидетельствуют об использовании этой территории для жилья вплоть до нового времени. В настоящее время дома, окружающие памятник, с каждым годом все больше и больше разрушаются.

На территории Российской концессии выделяются два кома: Ком 1 и Ком 2 значительно меньшего размера, который расположен в южной части концессии.

Следующие координаты отмечены для данной территории:

N — 16°56'29,9”

E — 33°42'43,0”

H = 361

N — 16°56'29,9”

E — 33°42'43,0”

H = 362

N — 16°56'27,8”

E — 33°42'42,7”

H = 361

N — 16°56'27,6”

E — 33°42'44,0”

H = 359

Раскопки были начаты на Ком 1. В верхнем участке Кома I (рис. 1), в его центральной части памятника был выявлен верхний слой (3–4 см) из остатков сырцового кирпича, свидетельствующий о последней стадии оккупации, ниже появилась кладка из обожженного кирпича. Фрагмент колонны, который был виден на поверхности, оказался не *in situ*.

В сезонах 2020 и 2021 на Кома 1 было раскопано несколько помещений (рис. 2, 4), стены которых сложены из обожженного и сырцового кирпича.

В полевом сезоне 2020 года были начаты раскопки помещения 1, где были обнаружены фрагменты кратера и октогональной колонны. Выборка заполнения помещения была прекращена на уровне появления выступающего фундамента северной стены, после чего помещение было законсервировано. В полевом сезоне 2021 после удаления консервационной засыпки работы были продолжены и помещение было раскопано до материка.

Южная стена сохранилась на высоту до 21 ряда кладки (1,65 м). Она сложена из кирпича-сырца на глиняном растворе. Нижний ряд фундамента сложен из обожженных кирпичей на глиняном растворе. Судя по стратиграфии и характеру кладок, нижнюю часть стены 1 предварительно можно условно отнести к первому строительному периоду.

Северная стена сохранилась на высоту 8 рядов кладки (0,74 м). Сложена из сырцового кирпича на глиняном растворе. В восточной части стены 8 выступающий фундамент прерывается и в его восточной части заменен несколькими кирпичами, поставленными тычкой.

Кладка выступающего фундамента покоилась на слое рыхлой серой супеси с мелким бутовым камнем мощностью 0,2 м. Его подстилал слой желтого песка (мощностью ок. 0,85 м). На уровне 361.908 a.s.l., был зафиксирован верхний ряд кладки фундамента южной стены этого помещения. В целях обеспечения сохранности северной стены дальнейшая выборка заполнения помещения производилась только вдоль южной части.

Помещение 1 было раскопано до пола, где были выявлены остатки кладки, (рис. 3) выполненной из обожженных кирпичей. Кладка сохранилась около южной стены помещения и представляет собой типичную продольно-поперечную кладку, характерную для Мероитских сооружений. Уровень пола — 361.234–361.623 a.s.l. (западный тренч), 360.975 a.s.l. (восточный тренч).

Кладка фундамента, сохранившегося около южной стены, состояла из четырех рядов кирпича. Нижний ряд сложен из обожженных кирпичей, глиняное тесто которых из-за длительного обжига приобрело темно-фиолетовый цвет. В этом помещении сохранились два ряда такой кладки. Под кладкой были выявлены черные камни, которые встречаются и в других сооружениях под фундаментом.

Западная стена, в свою очередь, возможно, принадлежат более позднему — второму строительному периоду. В ней обнаружена выборка кирпичей, образующая проем неправильной формы, который открывается в другое помещение, назначение которого не совсем ясно.

Эта стена сохранилась на высоту до 15 рядов кладки (1, 38 м), она сложена из кирпича-сырца на глиняном растворе. В центральной части пятого ряда кладки (не считая фундамента) кирпич положен под наклоном.

Восточная стена сохранилась на высоту 16 рядов кладки (1, 64 м). Сложена из сырцового кирпича на глиняном растворе. Её северная часть, примыкающая к стене 8 была разобрана уже в древности. Об этом свидетельствует кладка кирпича «тычка», что говорит о перестройке стены. На стенах всего помещения сохранились следы пластора.

Вторая конструктивная стадия отмечена в северной части раскопа по полу, вымощенному песчанником, уровень 361.961–362.014 a. s. l. Размер 11, 1 кв.м. Пол, вымощенный известняком, указывает на священную территорию. Это единственное в настоящий момент помещение, имеющее вымостку пола из желтого песчанника. На этой территории и поблизости западнее найдены три большие подставки в форме кубов, а южнее два подиума два каменных изделия с ярко выделенными границами по сужающимся вверх поверхностям и с отличительным выпуклым обрамлением по горизонтальной поверхности.

На территории памятника (вне раскопанной зоны) были обнаружены два фрагмента черного камня, которые также использовались в храмах. Эти предметы дают доказательство существования храма на данной территории.

В данном помещении прослеживаются несколько конструктивных периодов. Самый низкий уровень level 360.975 a. s. l. прослеживается по двум стенам, ориентированным по оси север-юг и восток запад, высотой в 13 рядов кладки. На северной стене помещения этого уровня прослежен выступающий фундамент, который также встречается в сооружениях Мероитского царства¹. Кладка «тычка» в восточной части этой стены, где обрывается выступающий фундамент, а также искусственно сделанное

¹ См. например [3].

отверстие в западной стене свидетельствуют о еще одной конструктивной стадии, возможной перестройке сооружения.

Южнее помещения 1 располагается помещение 2 (квадраты 10–11). Восточная стена этого помещения в отчётном полевом сезоне выявлена только в его северо-восточном углу и полностью пока не прослежена (рис. 5). Размеры помещения 3,55 x 6,65 м.

После удаления верхнего слоя современного бытового мусора (мощностью ок. 0,1–0,15 м), был зафиксирован слой разрушения, состоящий из рыхлой серой супеси, насыщенный большим количеством каменной крошки (песчаник) и фрагментами битого красного кирпича (уровень 1). Толщина слоя составляла 0,2–0,3 м.

Ниже была выявлена поверхность наливного пола (уровень 2). На ней в восточной части помещения лежали крупные обломки песчаника (фрагменты архитектурных деталей?) и красных кирпичей. Толщина пола — 0,2 м. Его подстилают тонкие прослойки желтого песка и серой супеси (общей мощностью 0,05 м). Под ними зафиксирован слой рыхлой серой супеси с многочисленными включениями мелких камней, угольков и костей животных. Его мощность составляет 0,2 м.

Ниже, на отметке 361.547 выявлен слой светло-оранжевого песка. В нем встречались фрагменты костей животных, угольки и редко фрагменты керамических сосудов. Этот слой был выбран на глубину до 1,30 м от уровня современной дневной поверхности (отметка 361.008 a.s.l.). На этой отметке раскопки сезона 2021 были приостановлены.

Помещение 2 с севера (рис. 4,5) образует стена 1, в этой части она сохранилась на высоту до 17 рядов кладки (1,4 м). Фундамент в течение сезона 2021 остался не выявленным. В верхней части сохранились 10 рядов, сложенных из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Ниже — 5 рядов красных кирпичей.

С запада помещение стена 3, сложенная из сырцовых кирпичей на глиняном растворе, Стена 3 ориентирована по оси север-юг 1.50 м. высота 362.546 a.s.l. Ее западный фас сохранился на высоту 9 рядов кладки (0,98 м), пять из которых представляют собой выступающий фундамент. Выступающий фундамент (по оси восток-запад) представляет собой ряд

кирпичей, расположенных в один ряд кладки длиной 3.26 м., высота стены 2.00 м. Высота 361.875 a.s.l.

Стена 4 ограничивает помещение 2 с юга. Её северный фас открыт только в западной части помещения. Он сохранился на 9 рядов кладки (0,89 м). Она также сложена из сырцовых кирпичей на глиняном растворе.

Помещение 2 демонстрирует несколько строительных периодов. Стены сложены из красного кирпича и сырцовой кладки с характерным продольно-поперечным расположением кирпичей. Южная стена помещения повреждена, восточная стена также претерпела разрушения с внутренней стороны, от северной стены сохранилась часть высотой 8–9 рядов кирпичей. Западная стена разрушена, но ее уровень, на котором прослеживается прямоугольная форма помещения соответствует 360.972 a.s.l. В северо-западном углу помещения было найдено полукруглое сооружение из сырцового кирпича с небольшими включениями красного кирпича. Эта конструкция прижимается к северной стене, сложенной из обожженного кирпича.

Западная стена имеет выступающий фундамент, состоящий из двух рядов кладки. Этот фундамент соответствует такой же кладке на восточной стене помещения 3. В северо-западном углу помещения обнаружена полукруглая конструкция часть которой уходит под стену 3. Она сделана из сырцового кирпича с включениями обожженного кирпича

С севера от стены 4 во втором строительном периоде отмечено пристройка небольшого помещения — 2а. Его размеры остаются неизвестными, поскольку была открыта только его восточная половина. Заполнение в верхней части представляло собой рыхлую серую супесь с включениями мелких камней и угольков мощностью ок. 0,25 м. Ниже этого слоя (высота 361.932 a.s.l.) зафиксирована поверхность глиняного пола, на которой был зачищен завал из камней и красных кирпичей. Среди находок примечателен красный кирпич округлой формы (высота 362.032 a.s.l.).

Северная и западная стены помещения 2а сложены из сырцового кирпича на глиняном растворе. Северная стена сохранилась на высоту 5 рядов кладки, кирпичи третьего ряда стены положены на ребро. Под ними лежат два ряда кирпичей выступающего фундамента, сложенные из красного кирпича.

Фундамент покоится на слое серой рыхлой супеси с включениями мелких камней, угольков и костей животных (относится к 3 строительному периоду).

В северо-западной части помещения 2 (рис. 4) к Стене 2 было пристроено ещё одно небольшое помещение — помещение 2b (его размеры и планировка остаются не совсем понятными). Сохранились 2 ряда кладки из сырцовых кирпичей, положенных на слой серой супеси. Верхний ряд кирпичей оплыл и сохранился очень плохо. Заполнение в верхней части представляло собой очень рыхлую серую супесь с включениями угольков и мелких камней (мощность слоя ок. 0,4 м). В юго-западном углу помещения 2b был найден крупный гончарный сосуд. Внутри обнаружены фрагменты керамических сосудов, большое количество углей, также встречались кости животных. Дно сосуда было утрачено в древности, он был вкопан в специальной устроенную яму горловиной вниз и обложен рядом сырцовых кирпичей.

После извлечения сосуда и выборки слоя ниже (слой серой рыхлой супеси) в этой же западной части помещения 2 были открыты остатки кладки, параллельной Стене 3, образующей с ней ещё одно небольшое помещение 2с размерами 3,55 x 0,9 м. Эта кладка сохранилась на три ряда кирпичей в высоту и покоится на слое светло-оранжевого песка.

В этом помещении в его юго-западном углу была зафиксирована полукруглая конструкция (Str.1), сложенная из двух рядов сырцовых кирпичей. Размеры 1,63 x 0,6 м. Нижний ряд сложен из кирпичей, положенных на ребро. Внутреннее заполнение состояло из серой рыхлой супеси и большого количества углей. В этом слое было обнаружено скопление фрагментов чернолощеных сосудов с резным орнаментом (предварительно выделяются порядка 10 отдельных форм). После выборки слоя здесь был зачищен глиняный пол (высота 360.844 a. s. l.). Можно предположить, что данное помещение также относится ко второму строительному периоду.

Помещение 3 граничит с востока с помещением 2 и с севера с помещением 4 (рис. 4). Северная стена помещения 3 (одновременно южная стена помещения 4) сложена из обожженного кирпича и представляет собой в настоящее время искусственную лестницу с подъемом по линии запад-восток. С севера оно образовано Стеной 1, с востока Стеной 3, с юга сте-

ной 4 и, соответственно, с запада Стеной 5. Внутренний фас стен в южной и западной частях помещения был повреждён современной ямой для сброса бытового мусора. Размеры помещения 3,55 x 5,71 м.

Стена 1 (северная) здесь сохранилась на высоту до 15 рядов кирпичей (1,3 м). Фундаментный ряд не выражен, самый нижний ряд кладки положен на слой плотного светло-оранжевого песка. Нижние ряды сложены из красных кирпичей, верхние — частично из красных, частично из сырцовых кирпичей.

Стена 3 (восточная) сохранилась на высоту до 8 рядов кирпичей (0,85 м). В северной части стены кладка положена на слой рыхлого светло-оранжевого песка и примыкает к северному фасу стены 1 (рис. 4). В южной части она впущена в этот слой песка, а кирпичи нижнего ряда кладки положены под наклоном.

Стена 4 (южная) является общей для помещений 3 и 2. Она сохранилась на высоту до 11 рядов кладки (1,0 м). Она сложена из сырцовых кирпичей. В западной части открыты два нижних фундаментных ряда обожженных кирпичей (глиняное тесто красного и фиолетового цвета).

Стена 5 (западная), являющаяся одновременно общей стеной помещений 3 и 4, сохранилась на высоту до 7 рядов кладки (0,7 м). Два нижних ряда кладки сложены из обожженных кирпичей (глиняное тесто красного и фиолетового цвета).

Культурный слой в заполнении помещения 3 нарушен современной ямой для свалки бытового мусора (глубиной до 1 м). После удаления мусорной засыпки была зачищена поверхность слоя светло-оранжевого песка (выс. отм. 360.805). В западной половине помещения в этом слое зафиксировано углубление округлой в плане формы (размеры 2,20–2,00 м). Его засыпка в верхней части состоит из рыхлой серой супеси с включениями мелких камней и угольков. Этот слой был зачищен, зафиксирован и на отметке 360.237 исследования этого помещения в отчетном полевом сезоне были приостановлены.

В помещении 3 была обнаружена ещё одна полукруглая конструкция — объект 2 (Str.2)², примыкающая с юга к стене 1 (рис. 4). Её размеры — 1,7

² Подобная конструкция обнаружена в Хамадабе [4, 10]

х 1,3 м. Она сложена из сырцовых кирпичей на глиняном растворе (толщиной в один ряд) и сохранилась на высоту 9 рядов (0,76 м).

Внутренняя поверхность кладки была обмазана глиняным раствором, который частично осыпался. Заполнение объекта представляло собой рыхлую серую супесь, содержащую обломки сырцовых и обожженных красных кирпичей, мелкие камни, угли, редко встречались фрагменты керамических сосудов. В текущем полевом сезоне заполнение выбрано до отметки 360.446.

Можно предположить, что данная конструкция, вероятно, относится к первому строительному периоду и является остатками печи.

Помещение 4 (рис. 4) с востока ограничено Стеной 2, с юга — Стеной 1, с запада Стеной 5. Северная половина и северная стена помещения в полевом сезоне 2021 остались не исследованными. Надёжно установлена только ширина помещения, которая составляет 4,33 м, длина — не менее 3,96 м. Открытая часть помещения была полностью заполнена слоем современного бытового мусора до 0,9 м толщиной. Он лежал на слое плотного светло-оранжевого песка (уровень 360.715 а. с. л.). После его зачистки и фиксации раскопочные работы в этой части помещения были остановлены в связи с окончанием полевого сезона.

Стена 2 здесь сохранилась на высоту до 12 рядов кладки (1,0 м). Она сложена из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Северная часть положена на слое светло-оранжевого рыхлого песка, южная часть — примыкающая к стене 1, доходит до уровня фундаментного ряда последней. Она сложена из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Самый нижний фундаментный ряд выступает наружу на один кирпич. В этом помещении фундаментные ряды Стен 1 и 5 соотносятся друг с другом и расположены на одном уровне.

Стена 5 (рис. 4) сохранилась на высоту 9 рядов кладки (0,9 м). Пятый сверху ряд кладки является верхним рядом выступающего фундамента, самый нижний из них сложен из обожженных кирпичей красного и фиолетового цвета. В кладке фундамента было зафиксировано выложенное из кирпича углубление, назначение которого пока остаётся не ясным.

Раскопки в крайнем западном секторе показали наличие помещения с остатками круглых конструкций. Данные конструкции находятся на самом нижнем уровне раскопа и имеют виде полукружий, уходящих под перекрытие стены 6. Представляется, что все стены этого помещения относятся к первому строительному периоду.

В крайней западной части раскопанной территории в пространстве между стенами 5 и 6 на уровне поверхности слоя 2 была открыта Стена 7 (рис. 4), сложенная из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Кладка этой стены образует полукруглую в плане горловину ямы, примыкающую к Стене 6. Объект (Str.3) представляет собой углубление (до 0,6 м), резко расширяющееся в нижней части (рис. 4).

Размеры горловины 0,94x0,48 м. Заполнение представляло собой слой рыхлой серой супеси с большим количеством углей и костей животных. В углублении был зафиксирован развал керамических сосудов, в составе которого предварительно выделяются 5 крупных сосудов хозяйственного назначения. Скорее всего данный объект может быть интерпретирован как очаг, специально обустроенный для приготовления пищи. С большой долей уверенности объект может быть соотнесен со вторым строительным периодом.

В центральной части квадрата 43, к северу от объекта 3, была выявлена ещё одна полукруглая конструкция (Str. 4). Она сложена из одного ряда обожженных кирпичей, положенных на ребро, и вплотную примыкает к стене 6. Верхние ряды кладки стены 6 перекрывают её продолжение с запада. Размер зафиксированной части 1,2 x 0,1 м. Назначение этой конструкции и принадлежность к какому-то из строительных периодов пока не установлены. Однако, эти данные, как представляется, указывают на возможное наличие жилых помещений для населения, обслуживавшего храм или небольших мастерских. Фрагменты посуды повседневного использования также были найдены при раскопках.

Вся поверхность покрыта глинистым слоем, который состоит из сырцовых кирпичей с включениями обожженных кирпичей и мелких кусков песчаника. Как и в большинстве сооружений Мероз, строительным материалом в Западном Драгабе служил сырцовый кирпич и красный обожженный кирпич.

Песчаник использовался для покрытия пола в одном из помещений. Была также обнаружена некая прямоугольная конструкция из желтого песчаника, найденная на высшей точке Кома восточнее вымостки пола. Его ориентация юг-север. Точное назначение пока остается неясным. С западной стороны засвидетельствована четкая линия постройки из желтого песчаника, покрытой пластором.

Обнаруженные угловые элементы конструкции, также вырезанные из желтого песчаника, не имеют аналогов в других известных храмах Мероэ. Видны следы раствора, скреплявшего песчаниковые блоки конструкции.

На раскопанной территории были найдены — характерные капители колонн в виде полукруга, засвидетельствованные в других храмах Мероэ, барабаны от колонн, алтарные конструкции, а также фрагменты темного песчаника кубической формы и много остатков других предметов из желтого песчаника, который использовался при строительстве храмов.

Наиболее интересными находками являются:

- Три подставки кубической формы
- Крупные фрагменты алтарей (?) с отличительным выпуклым обрамлением по горизонтальной поверхности. Их форма сужается снизу вверх, с выраженными гранями выпуклой двойной линии границ по всем поверхностям. Возможно, это подставки для предметов культа.

M19–20 /sq 1/st 1 Level, 362, 51 a.s.l. Размер: длина 76, 0 см; ширина 51,5 см; Н 30 см.— темный песчаник.

M19–20 /sq 1/st 2 Level, 362, 50 a.s.l. Размер: длина 80, 0 см; ширина W 57,0; высота 30 см- темный песчаник.

Жертвенный стол M19–20/ sq 18/ st 3 Уровень 362, 50, Размер: Длина 137 см, Ширина 51 см, Высота 36 см. Материал — темный песчаник.

Размер по внутреннему отверстию между двух ножек и столешницей: 98 x 16 см.

На территории памятника (вне раскопанной зоны) были обнаружены два фрагмента черного камня, которые также использовались в хра-

мах. Эти предметы дают доказательство существования храма на данной территории.

К числу находок, свидетельствующих о существовании здесь храма, относятся также найденные в помещении 1 фуста и капитель колонны.

Фуста колонны октогональной формы.

M20/sq10/st1 — Уровень 390. 872 a. s. l. Фуста колонны в форме восьмигранника, на внутренней поверхности вверху с прорезью под-квадратной формы для закрепления другой детали. Размеры: диаметр 20, 5 см, Высота 40 см; Размер отверстия для стыковки деталей: 4,5 см x 5,5 см.

M20/sq10/st 2 — Уровень 390. 872 a. s. l. Размер: внешний диаметр капители 37 см; Внутренний диаметр капители 25 см; Диаметр сохранившейся части барабана 21 см.

Данная находка представляет большой интерес. Колонны-восьмигранники в принципе не характерны для региона Нильских цивилизаций, хотя многогранные колонны достаточно часто встречаются в египетских храмах разных эпох. Восьмигранная форма колонны фиксируется в храме Монтухотепа II в Дейр эль Бахри³ В греческой архитектуре восьмигранники довольно часто встречаются в основании колонн⁴.

В северной части раскопа (квадрат 19) была найдена другая капитель колонны.

M20/sq 19/ st 1 — Капитель колонны, Уровень 362.093 a. s. l. Размеры: диаметр капители 58 см, диаметр части фусты 36 см.

Кратер M20/sq17/c1–31 реставрирован из большого количества фрагментов одного сосуда (рис. 6).

Фрагменты были обнаружены на уровне 361.286 a. s. l. Высота декорированной поверхности — 15 см. Еще больше фрагментов было найдено в течение полевого сезона 2021 года и был составлен профиль изделия. Диаметр горла 50 см. Дно утеряно. Эта чаша была полностью окрашена краской минерального состава. Орнамент представляет собой листья виноградной лозы, расположенные по венчику, и диагональную сетку,

³ The Metropolitan Museum of Arts <http://www.metmuseum.org/art/collection/search/545300> [5,36]

⁴ [6, p. 227–262], <https://www.cairn.info/revue-archeologique-2011-2-page-227.htm>

протянутую по всему периметру чаши. Такие чаши использовались для хранения вина и соответствуют эллинистической традиции использования кратеров. Сетчатый орнамент керамики существовал до христианского времени⁵.

Технологический анализ, проведенный керамистом Верой Бахматовой с использованием микроскопа Levenhuk ZOOM 1B, выявил основной компонент кратера — Нильскую глину (светлые включения песка и железистые компоненты) с природными включениями — кварцевым песком (размером до 1–1,5 мм), небольшое природное образование черного цвета, включения слюды (желто-коричневого цвета до 0,5 мм). Глина использовалась в естественном (не сухом) виде. Круглая форма свидетельствует об использовании гончарного круга (уровень функции — 4) для формирования всего тела кратера.

Чаша была обожжена. Монотонный коричневый цвет всей поверхности говорит о высокой температуре с неограниченным прохождением кислорода во время обжига. Однако серый слой указывает на кратковременное нахождение под воздействием высокой температуры. Все данные свидетельствуют об использовании горна для обжига чаши.

Содержание и стилистика исполнения типичны для эллинистических орнаментов и встречаются на разных видах керамики Мероэ 1 начала 2 веков нашей эры.

Пять фрагментов цветной штукатурки на глиняной основе были обнаружены на восточной части пространства на полу, вымощенном песчаником. Цвет росписи — зеленый, коричневый, красный, желтый и белый. На полу обнаружено множество мелких обломков со следами окраски, некоторые в основном однотонные или с коричневой линией. Находки свидетельствуют о том, что стены сооружения были расписаны. В верхнем слое квадрата 17 была обнаружена разбитая бутылка с желтым порошком охры.

В настоящее время точно определить характер найденных сооружений не представляется возможным. Однако по сохранившимся остаткам достаточно очевидным является присутствие храма в верхнем слое Кома и жилых помещений или мастерских в нижних слоях.

---

⁵ Примеры из Соба [7, 177–185, fig. 8]

В результате раскопок сезона было обнаружено минимум 3 строительных горизонта, два из которых содержат следы храма. Это части колонн, алтари, жертвенный стол, большие подставки кубической формы, мощение пола песчаником со следами отверстий, предназначенных, вероятно, для установки подставок для горящего ладана, которые имели круглые выступы на дне, предназначенные для фиксации глиняным раствором, остатки которого сохранились в углублениях.

Большая часть кратера, украшенная растительным мотивом, известна в Мeroитском царстве, но чаще встречается во второй половине его бытования. Способ строительства, как показывает найденный материал, в ряде случаев отличается от более раннего этапа развития Мероэ, что позволяет предположительно датировать найденный комплекс примерно 2 веком нашей эры.

Полученные результаты говорят о наличии храма в Западном Драгабе, о чем свидетельствуют находки фрагментов колонн, кратера, подставок для статуй. По предварительному заключению, храм мог относиться ко второй половине существования Мероэ (конец 1–2 век н.э.). Первоначальная его планировка в настоящее время еще не выявляется.

Литература

1. J. Garstang, A. H. Sayce, F.L.L.Griffith, Meroe City of the Ethiopians. Being an account of a first season's excavations on the site 1909–1910 Oxford 1911.
2. L. Török, Meroe city. An ancient Gastang's excavations in the Sudan. Pt 1, London 1997.
3. Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S., Vetokhov S. Abu Erteila. Excavations in Progress.. Moscow IVRAN 2019.
4. Wolf et al., Hamadab. Urban living at the Nile in Meroitic times. Qsap, 2014
5. Wilkinson, John Gardner, The Architecture of Ancient Egypt: In Which The Columns Are Arranged In Orders, And The Temples Classified; With Remarks On The Early Progress Of Architecture, Etc.; With A Large Volume Of Plates Illustrative Of The Subject, And Containing The Various Columns And details, From Actual Measurement (Text). London, 1850
6. Nils Hellner ÜBERLEGUNGEN ZU ACHTECKIGEN STÜTZEN IN DER ANTIKEN GRIECHISCHEN ARCHITEKTUR « Revue archéologique » 2011/2 n° 52
7. Danys K., Zielinska D. Alwan art. Towards an insight into the aesthetics of the Kingdom of Alwa through the painted pottery decoration. Sudan and Nubia N 21, 2017

ИССЛЕДОВАНИЯ НУБИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НИИ И МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ МГУ В ЦЕНТРАЛЬНОМ АТБАЕ (2017–2022)

Алексей Александрович Крол^{1,5a}, Наталия Яковлевна Березина^{1b},
Федор Игоревич Гордеев^{1c}, Ольга Станиславовна Калинина^{2d},
Елена Геннадьевна Толмачева^{3,4e}, Алина Харисовна Чиркова^{1,4f},
Наталья Александровна Лейбова^{5g}

¹ Научно-исследовательский институт и Музей антропологии
имени Д. Н. Анучина МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

² Московский Архитектурный Институт (Государственная Академия),
Москва, Россия

³ Российский православный университет Иоана Богослова, Москва, Россия

⁴ Научно-просветительский Центр палеоэтнологических исследований,
Москва, Россия

⁵ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия

^a alexykrol@gmail.com, ORCID ID: 0000–0002–5601–2890

^b berezina.natalia@gmail.com, ORCID ID: 0000–0001–5704–9153

^c fedorgordeev98@gmail.com, ORCID ID: 0000–0003–1647–8327

^d olikku@gmail.com, ORCID ID: 0000–0003–2533–7913

^e etolma@mail.ru, ORCID ID: 0000–0002–9003–409X

^f melnichuk.alina@mail.ru, ORCID ID: 0000–0002–4332–0747

^g nsuvorova@mail.ru, ORCID ID: 0000–0003–0635–0725

Аннотация. В коллективной статье, авторы которой являются участниками Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ, излагаются основные результаты работы экспедиции за четыре сезона полевых работ на памятнике Дерахейб, расположенном у истоков Вади-аль-Аллаки, в северной части Нубийской пустыни (Цен-

тральный Атбай), на территории Республики Судан. С 2017 по 2022 гг. Нубийская экспедиция провела раскопки Северной крепости, Здания 3 (Мечеть) на городище Дерахейб, Южного некрополя; была совершена разведывательная поездка в кольцевую структуру Ониб. На основании изучения полученных археологических материалов (прежде всего анализа керамики и текстиля), а также данных письменных источников было установлено, что средневековый период истории памятника приходится на IX–XI вв. Археологический памятник Дерахейб может быть отождествлен с городом Аль-Аллаки, упоминающимся в арабских источниках как центр золотодобычи в Нубийской пустыне, торговый город, лежавший на одном из караванных путей, связывавших Красноморский порт Айзаб и город Асуан. Материалы раскопок Северной крепости позволили выдвинуть гипотезу о том, что здание, возведенное в IX в., функционировало скорее как укрепленный замок местного правителя, нежели крепость. Изучение Здания 3 позволяет с уверенностью говорить о том, что это была пятничная мечеть, основанная в начале X в. Продолжающиеся раскопки на Южном некрополе выявили мусульманские погребения (25 из 31 исследованного погребения) и погребения, которые связаны с обитавшим на территории Северного Атбая в позднеантичный — раннесредневековый период населением, известным по античным источникам как блеммии. Группой антропологов были получены важные данные о половозрастном составе населения Дерахейба, следах повседневной деятельности и патологиях, отразившихся на скелете.

Важным направлением исследований комплексной экспедиции МГУ является изучение современного населения Центрального Атбая, прежде всего племени бишариин племенного союза беджа. В статье изложены основные направления этих исследований и предварительные результаты.

Ключевые слова: Судан, Центральный Атбай, Нубийская пустыня, Вади-аль-Аллаки, Дерахейб, Ониб, блеммии

Благодарности. Академику Александре Петровне Бужиловой, заместителю директора по науке ЦПИ Денису Валерьевичу Пежемскому за помощь в организации экспедиции и ценные советы и замечания

в ходе проведения научного исследования. Благодарим также Британский музей (и лично Р. Вокер), Компанию «Геокомплекс», компанию «Куш», Е. В. Бокову за финансовую и дружескую помощь, без которой экспедиция не смогла бы в полной мере выполнить поставленные задачи.

Работа выполнена в рамках плановой темы «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)». Номер ЦИТИС: ААА-А-А19–119013090163–2.

Археологическая документация, а также исследование тканей выполнялись на оборудовании, приобретенном по программе развития Московского государственного университета.

RESEARCH OF THE NUBIAN ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL EXPEDITION OF THE RESEARCH INSTITUTE AND THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY IN CENTRAL ATBAY (2017–2022)

Alexei A. Krol^{1,5a}, Natalia Y. Berezina^{1b}, Fedor I. Gordeev^{1c}, Olga S. Kalinina^{2d},
Elena G. Tolmacheva^{3,4e}, Alina Kh. Chirkova^{1,4f}, Natalya A. Leibova^{5g}

¹ Research Institute and Museum of Anthropology
of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

² Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia,

³ Russian Orthodox University of Saint John the Apostle, Moscow, Russia,

⁴ Paleoethnology Research Center, Moscow, Russia,

⁵ Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Science, Moscow, Russia,

^a alexykrol@gmail.com, ORCID ID: 0000–0002–5601–2890

^b berezina.natalia@gmail.com, ORCID ID: 0000–0001–5704–9153

^c fedorgordeev98@gmail.com, ORCID ID: 0000–0003–1647–8327

^d olikku@gmail.com, ORCID ID: 0000–0003–2533–7913

^e etolma@mail.ru, ORCID ID: 0000–0002–9003–409X

^f melnichuk.alina@mail.ru, ORCID ID: 0000–0002–4332–0747

^g nsuvorova@mail.ru; ORCID ID: 0000–0003–0635–0725

Abstract. *This article is collective research by the members of the Nubian archaeological and anthropological expedition of the Museum of Anthropology of Moscow State University. The article outlines the main results of the expedition's work over four seasons of work at the Deraheib site, located at the source of Wadi al-Allaqi, in the northern part of the Nubian desert (Central Atbay) in the Republic of Sudan. From 2017 to 2022 The Nubian expedition excavated the Northern Fortress, Building 3 (Mosque) at the Settlement of Deraheib, the Southern Necropolis; carried out an reconnaissance mission to the Onib ring structure. Based on the study of the obtained archaeological materials (primarily the analysis of ceramics and textiles), as well as data from written sources, it was established that the medieval part of history of the monument covers the period between the 9th and 11th centuries. The archaeological site of Deraheib can be associated with the city of Al-Allaqi, mentioned in Arabic sources as a gold mining center in the Nubian desert, a trading city that lays on one of the caravan routes connecting the Red Sea port of Aizab and the city of Aswan. The materials of the excavations of the Northern Fortress made it possible to put forward a hypothesis that the building, erected in the 9th century, functioned more like a fortified castle of the local ruler than a fortress. The study of Building 3 allows us to say with confidence that it was a Friday Mosque, founded at the beginning of the 10th century. Ongoing excavations in the Southern Necropolis have revealed Muslim burials (25 out of 31 investigated burials) and burials that are associated with the population that lived on the territory of Northern Atbay in the Late Antique — Early Medieval period, known from ancient sources as Blemmyes. A group of anthropologists obtained important data on the sex and age of the population of Deraheib, traces of daily activities and pathologies reflected in the skeleton.*

An important direction in the research of the MSU complex expedition is the study of the modern population of Central Atbay, primarily the Bishariin tribe of the Beja tribal union. The article outlines the main directions of these studies and preliminary results.

Keywords: Sudan, Central Atbay, Nubian Desert, Wadi al-Allaki, Deraheib, Onib, Blemmyes

Acknowledgements. To Academician Alexandra P. Buzhilova, Deputy Director of the Paleoethnology Research Center Denis V. Pezhemsky for help in organizing the expedition, valuable advice, and comments during the scientific research. We also thank the British Museum (and personally R. Walker), the Geocomplex Company, the Kush Company, E. V. Bokova for financial and friendly assistance, without it the expedition would not have been able to complete its tasks in full.

Введение

Под центральным Атбаем мы понимаем обширную территорию Нубийской пустыни между широтой Асуана на севере и Абу-Хамада на юге, ограниченную на западе Нилом, а на востоке — Красным морем.

Характерная черта ландшафта центрального Атбая — Красноморские горы, которые тянутся вдоль Красного моря от Суэца до отрогов Эфиопского нагорья, но наибольшей высоты (около 2 км) достигают именно в районе 22 параллели, где на территории Халаибского треугольника расположена гора Джебель-Шандиб.

Подобно большей части Египта и Северного Судана Атбай находится на докембрийской платформе магматических (диориты и граниты) и метаморфических горных пород (гнейсы и сланцы). Эта платформа богата драгоценными металлами (в первую очередь золотом) и поделочными камнями.

В середине центрального Атбая расположено самое крупное в Нубийской пустыне вади (араб.: пересохшее русло реки) Аль-Аллаки, берущее свое начало в горах на границе Египта и Судана и впадающее в озеро Насер 300 км северо-западнее. От Вади-аль-Аллаки до Абу-Хамада с севера на юг тянется Вади-Габгаба.

Своеобразие исторического развития населения центрального Атбая в Древности, Средневековье и в настоящее время определяется геологическими и географическими особенностями этой территории: северная часть Нубийской пустыни, равно как и примыкающая к ней с запада территория Нижней Нубии (долина Нила между первым и вторым порогами от Асуана до Вади-Хальфы) зажаты «между двух миров», по образному

выражению Л. Тёрока [1]: Египтом и Суданом, создававших цивилизации, находившиеся в постоянном противоборстве. Таким образом, центральный Атбай и Нижняя Нубия — своеобразное пограничье, где не только сталкивались геополитические интересы «двух миров», но также шел активный обмен как товарами, так и идеями. Причем, если Нубия, по выражению В. Адамса, давшему название его известной книге, была «коридором в Африку» [2], то центральный Атбай — коридором, связывавшим цивилизации долины Нила с культурами Красноморского бассейна. Другой особенностью региона является изобилие золотоносного песка, заполняющего дно вади, и богатые золотом кварцевые жилы Красноморских гор. Золото является основным полезным ископаемым Нубийской пустыни. Наиболее золотоносным считается регион Вади-аль-Аллаки и Вади-Габгаба. Начиная с эпохи Среднего царства и вплоть до сегодняшнего дня именно золото привлекает в центральный Атбай старателей как из окрестных, так и далеких стран.

Наконец, именно северная часть Нубийской пустыни была и остается наиболее обжитой, так как близко расположенные к поверхности водоносные горизонты обеспечивают богатую по сравнению с остальной частью пустыни растительность (различные виды акации и многочисленные кустарники *Acacia tortilis* A. Raddiana, *Balanites aegyptiaca*, *Leptodenia pyrotechnia*, *Salsola imbricate*, *Salvatora persica*, *Zilla spinosa*) [3, с. 4]. В Атбае ежегодно выпадает до 200 мм осадков. Дожди, вызванные тропическими муссонами, проходят чаще всего в октябре — ноябре.

На протяжении тысячелетий жизнь обитателей Атбая была теснейшим образом связана с Нижней Нубией. Территория между первым и вторым нильским порогами была досконально исследована археологами в ходе трех спасательных кампаний (1907–1911, 1929–1934), связанных с постройкой и последовавшими надстройками Английской плотины в Асуане и масштабной кампанией ЮНЕСКО 1960–1970 гг., вызванной возведением Египтом при финансовой и технической помощи СССР Асуанского гидроузла. В рамках этой компании в Нубии в течение двух сезонов (1961–1963) работала в том числе и Нубийская археологическая экспедиция АН СССР [4].

Что же касается территории центрального Атбая, то она относится к числу малоисследованных археологами частей Судана [5, с. 121]. До недавнего времени изучение культур Нубийской пустыни не привлекало ни египтологов, ни ученых, занимающихся «классическими» культурами Судана (Керма, Напата, Мерое). Кроме того, археологическое изучение памятников Нубийской пустыни представляет определенную логистическую сложность. Передвижение возможно только на внедорожниках, которыми должны управлять опытные водители, что является достаточно дорогим удовольствием. Сотовая связь в пустыне отсутствует. Дополнительным препятствием, которое на протяжении многих лет не позволяло проводить полномасштабные археологические и этнографические исследования центрального Атбая, является близость этой территории к государственной границе между Египтом и Суданом и к спорной территории Халаибского треугольника.

До настоящего времени предпринималось лишь несколько крупных попыток систематического изучения древностей Атбая.

В феврале — марте 1832 года французский инженер Л. Линан де Бельфон исследовал древние и средневековые золотые прииски северной части Нубийской пустыни между Асуаном и Джебель-Эльбой [6].

Около недели провел исследователь на городище Дерахейб в верховьях Вади-аль-Аллаки. Помимо подробного описания городища, французский инженер составил схематичный план, на котором были отмечены собственно поселение, две крепости, два некрополя и многочисленные шахты — следы золотодобычи, которая велась в Дерахейбе. По мнению де Бельфона, город у истоков Вади-аль-Аллаки был основан в фараоновский период как центр золотодобычи в Нубийской пустыне [6].

В 1961–1963 годах стокилометровый участок Вади-аль-Аллаки, примыкающий к Нилу, был исследован Нубийской экспедицией АН СССР под руководством Б. Б. Пиотровского. Советской экспедицией было обнаружено и изучено 200 древнеегипетских надписей, преимущественно времени XVIII, XIX, XX династий, оставленных экспедициями, отправлявшимися в Нубийскую пустыню для добычи золота и строительного камня [7].

Следующий этап исследования памятника связан с деятельностью Центра изучения Восточной пустыни (Centro Ricerche sul Deserto Orientale, CeRDO), организованного в 1989 году братьями Анжело и Альфредо Кастильоне и Джанкарло Негро. В задачи Центра входило исследование археологических памятников Нубийской пустыни в северо-восточной части Судана. За период с 1989 по 1994 г. Центр исследовал огромную территорию — около 50 000 км². Было обнаружено, нанесено на карту и описано около 200 археологических памятников, среди которых присутствовали древние и средневековые шахты; каменоломни; поселения золотодобытчиков, относящиеся к различным периодам от Среднего царства до средневековья; некрополи и отдельные погребения; наскальные рисунки [8, с. 203–204; 9, с. 52–57]. Открытые древности Нубийской пустыни были представлены исследовательскому сообществу что стало крупной научной сенсацией [10].

Особый интерес исследователей вызвало городище Дерахейб. В 1989–1994 гг. Центр изучения Восточной пустыни проводил разведки на памятнике. В 1997–1999 гг. были начаты систематические археологические исследования. Как следует из до сих пор не изданных отчетов, за два полевых сезона каждый приблизительно по месяцу длиной было заложено 14 шурфов с целью выявления стратиграфии памятника и датировки различных его частей.

Исследователями было выдвинуто предположение, что в античный период на территории Дерахейба располагался город Береника Панхрися (Береника Всезлатая), упомянутый в VI книге «Естественное знание» Плиния Старшего [11]. Возможно также, что в период правления XIX династии Нового царства у истоков Вади-аль-Аллаки находилось поселение старателей, работавших на окрестных золотых рудниках [12, с. 27; 13]. Впрочем, убедительных доказательств высказанным предположениям представлено не было [11].

В начале 2000 г. в Восточной пустыне Египта и Нубийской пустыня на территории Судана проводились исследования германских ученых Розмари и Дитриха Клемм в рамках проекта по изучению золотодобычи в регионе [14].

В 2018 году стартовал проект по изучению Атбая (Atbai Survey Project) под руководством Джулиена Купера [5]. Проект направлен на изучение

взаимосвязей между кочевыми культурами Атбая и речными культурами Египта и Нубии, проникавшими в пустыню. Цель проекта — нанести на карту все памятники, связанные с освоением пустыни древними египтянами и изучить местные кочевнические культуры. В рамках проекта до настоящего времени был проведен лишь один сезон полевых исследований в 2018 году.

С 2017 года в центральном Атбае работает комплексная экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ. Российская концессия включает археологический памятник Дерахейб и территорию вокруг (ок. 25 кв. км), а также территорию котловины Ониб (ок. 1024 кв. км).

До настоящего времени были проведены один разведывательный (ноябрь-декабрь 2017) и три полевых сезона исследований на памятнике Дерахейб (ноябрь-декабрь 2018, февраль 2020, февраль-март 2022). В ходе четвертого сезона была совершена разведывательная поездка в кольцевую структуру Ониб, где расположен элитный некрополь населения Атбая 5–8 вв.

Целями комплексной экспедиции являются:

- исследование городов и поселений, расположенных в центральном Атбае;
- проведение антропологических, в первую очередь палеоантропологических исследований с целью изучения древнего и средневекового населения региона;
- изучение каменного века в центральном Атбае;
- исследование эпиграфики и петроглифики центрального Атбая;
- изучение добычи полезных ископаемых, которая велась в регионе в древности и средневековье;
- исследование караванных путей, которые связывали Красное море и Нил;
- этнографические исследования населения центрального Атбая, в первую очередь различных племен племенного союза беджа;
- проведение палеогеографических, палеоклиматических, палеоэкологических реконструкций.

Основные работы комплексной экспедиции в настоящее время ведутся на памятнике Дерахейб.

Памятник Дерахейб

Этот археологический памятник расположен в провинции Красное Море Республики Судан у истоков Вади-аль-Аллаки в шести километрах от 22 параллели на расстоянии около 400 километров от Нила и 200 — от Красного моря. Отдаленность от «цивилизации» объясняет уникальную сохранность и слабую изученность Дерахейба.

Памятник включает в себя следующие археологические объекты: Северная Крепость, Южная Крепость, Городище, Южный Некрополь, поселения золотодобытчиков, места древней и средневековой золотодобычи.

В настоящее время исследуются слои, относящиеся к средневековому периоду истории Дерахейба, который на основании данных письменных и археологических источников датируется IX–XIII вв. Через Дерахейб, известный в арабских источниках под названием Аль-Аллаки, в этот период проходил караванный маршрут, по которому товары из арабских и африканских стран, Индии и Китая, доставлялись по Красному морю в порт Айзаб и перевозились через Нубийскую пустыню в расположенный на Ниле верхнеегипетский город Асуан. Главными товарами, которые доставлялись этим путем, были пряности и благовония из Индии и Аравийского полуострова, а также шелк и керамические изделия (прежде всего селадон) из Китая [15]. Город также был центром золотодобычи в Нубийской пустыне [11]. Через Аль-Аллаки лежал путь многих паломников, направлявшихся в хадж из стран Магриба, Египта и мусульманской Испании.

Основными объектами исследования в 2017–2022 гг. являлись: Северная крепость, Южный некрополь и Объект 3 (Мечеть) на городище Дерахейб, а также элитный некрополь в кольцевой структуре Ониб.

Ниже — детальное описание исследований каждого из этих объектов.

Северная крепость

Раскопки здесь были начаты в 2020 г. с целью установления конструктивных особенностей этого объекта (глубина залегания фундамента, высота стен и т. д.), а также установления возможной даты основания Крепости.

Объект Северная крепость (СК) представляет собой фортификационное сооружение квадратной в плане формы $26,50 \times 26,50$ м. В более позднее время участок 10×10 м, примыкающий к юго-западной стене СК, был дополнительно обнесен стеной. В центре юго-восточной стены Крепости расположена башня, в которой находится вход, представляющий собой высокий арочный проем. Он открывает доступ во внутреннюю часть башни, где расположен другой более низкий проем, ведущий во внутреннее пространство СК. Углы СК укреплены контрфорсами, возведенными для защиты основания крепости от воздействия селевых потоков. Стены СК сложены из плит сланца, уложенных на связующий раствор. Высота наиболее хорошо сохранившейся восточной части юго-западной стены достигает около 10 м.

Внутри СК представляет собой комплекс разновременных построек, перекрытых завалами стен.

В конце 1980–1990 гг. в ходе работ на памятнике Дерахейб экспедиции Центра изучения восточной пустыни, был взят для радиоуглеродного датирования фрагмент деревянной балки над входом в крепость. Проведенный анализ дал дату 740 г. [16, с. 42–43].

По мнению Ан. и Ал. Кастильоне, Дерахейб был одной из столиц царства блеммиев. Исследователи считали, что после того, как в середине VI в. блеммии были разгромлены царем нобадов Силко, их основной территорией обитания осталась Нубийская пустыня. В этот период их столицей был Дерахейб, где была возведена крепость [9, с. 55].

Исследования Нубийской экспедиции МГУ не подтверждают выдвинутую итальянскими специалистами гипотезу.

В 2020 г. экспедиция МГУ провела зачистку стратиграфического разреза рядом с башней в центре юго-западной стены, в которой располагался вход в крепость. Здесь в 2000-е гг. с помощью строительной техники грабители вырыли глубокий котлован. Их целью, вероятно, было обрушение стены, что открыло бы вход во внутренние помещения Крепости. Однако наткнувшись на подпорную стену, которая укрепляет фундамент, и разобрав лишь незначительный фрагмент кладки, грабители остановились. Нами был расчищен «заплывший» грабительский котлован, что

позволило выявить наличие подпорной стены. Кроме того, был зачищен один из бортов котлована, который позволил проследить строительную историю памятника.

В слое, связанном со строительством (или перестройкой) крепости, была найдена сильно окисленная монета. После реставрации выяснилось, что медная монета представляет собой фельс Ахмеда Ибн Тулуна, правившего в Египте в 868–884 гг. Монета была отчеканена в Египте в 258 г. по хиджре, что соответствует 871/2 г. Интересно, что найденный фельс относится к первому чекану, выпущенному Ибн Тулуном после того, как в 258 г. он получил контроль над финансами Египта [17]. Благодаря этой находке нам удалось датировать слой, связанный со строительством (или перестройкой) крепости.

Второй участок работ российской экспедиции располагался у прямоугольного (55×65 см) сквозного проема в центре северо-западной стены Северной крепости. Под этим проемом находился холм грабительского выброса из Помещения I, расположенного внутри Крепости). Судя по дате, сохранившейся на пачке египетских сигарет «Клеопатра», грабители действовали здесь в 2005 г. Выброс был тщательно просеян через несколько сит, после чего было принято решение выбрать грабительский перекоп внутри Помещения I, что позволило получить важную информацию о времени использования Северной крепости и характере ее функционирования.

Находки из грабительского выброса и перекопа условно делятся на следующие группы: керамика (нубийская лепная, асуанская керамика, поливная керамика (см. раздел Керамика. Предварительные замечания); предметы, связанные с бытом обитателей Крепости: украшения (бусины, серьга), фрагменты изделий из стекла; фрагменты бумаги с арабской вязью, текстиль, предметы, связанные с ткачеством (костяное пряслице), фрагменты настенной резьбы по туфу), бронзовая чаша декоративные накладки на мебель (?), предметы личной гигиены (расческа, палочки для чистки зубов); кожаные изделия; изделия, плетеные из растительных волокон; растительные остатки.

Отдельный и многочисленный тип находок составляют кости животных, угли и пористые, черные фрагменты органики, которые оказались человеческими фекалиями.

Вероятно, на завершающем периоде существования Северной крепости Помещение I использовалось для выброса разнородного мусора и содержимого отхожих мест.

В сезоне февраля — марта 2022 были продолжены исследования Северной крепости. Под сквозным проемом в центре северо-западной стены был заложен шурф 2×2 м. и глубиной 220 см. Весь выбранный грунт тщательно просеивался. Анализ находок (керамика, кости животных, угли) показывает, что у северо-западной стены был обнаружен многометровый зольник, образовавшийся за весьма непродолжительный период функционирования замка. На основании анализа люстровой керамики, в значительном количестве происходящей из шурфа, нами было предположено, что образование зольника относится к X в.

Исходя из характера обнаруженных при раскопках предметов, нами была сформулирована гипотеза о том, что Северная крепость являлась, скорее, замком местного правителя, а не крепостью, в котором располагался воинский гарнизон.

Это мнение подтверждает и пассаж из сочинения арабского географа Йākūта (1179–1229) «Алфавитный перечень стран»: «Ал-‘Аллākī — крепость в стране буджа [расположенной] на юге земли Египта. Близ него, между Ал-‘Аллākī и городом Асуан, на обширном пространстве находится золотой рудник. Человек копает землю, и если что-либо в ней найдет, то часть находки принадлежит копающему, а часть — султану ал-‘Аллākī. А он человек из племени ханифа из группы раби‘а. Между Ал-‘Аллākī и А‘йзāбом восемь переходов» [18, с. 142].

Раскопки Здания 3 (Мечеть) на городище

В 2018 г. были начаты раскопки Здания 3, расположенного в центре городища. Здание 3 является самым крупным сооружением на городище, имеет размеры 29 × 16 м и ориентировано по оси запад — восток. Восточная стена здания выходит на главную улицу. Его стены возведены из плит сланца, уложенных на раствор на основе туфа. Кладка имеет высоту от 1 до 3 м. В восточной стене здания расположены два полностью сохранившихся и два частично разрушенных арочных проема. По бокам здания

находятся два входа и полукруглый выступ, который, вероятно, является михрабом, если принять предположение о культовом назначении постройки. В юго-западном и северо-восточном углах Здания 3 сохранились башни. В северо-восточной башне прослеживаются несколько ступеней винтовой лестницы.

В Здании 3 была заложена стратиграфическая траншея размерами 7×2 м. с внешней и внутренней сторон от восточной стены. Под слоями запустения и разрушения был обнаружен хорошо сохранившийся плотный пол здания толщиной около 5–7 см. Пол был сделан, вероятно, путем заливки раствора на основе туфа [19]. В западном конце траншеи была найдена база колонны квадратной формы, сложенная из сланца, и фрагмент рухнувшей колонны или арки. Эта находка позволяет нам предположить, что восточная часть внутреннего пространства Здания 3 была перекрыта, и что перекрытие покоилось на колоннах или арочных сводах. К сожалению, в процессе раскопок не было найдено артефактов, которые бы позволили датировать время функционирования или запустения Здания 3, и с уверенностью определить его назначение. В слое запустения были обнаружены многочисленные фрагменты повторяющихся декоративных элементов, вырезанных из материала на основе туфа.

В качестве рабочей гипотезы нами было выдвинуто предположение, что Здание 3 служило пятничной мечетью города Аль-Аллаки. На это, в первую очередь, указывает архитектурные особенности здания — традиционный для культовых сооружений раннеисламской архитектуры гипостиль, внутреннее пространство которого делилось на две почти равные части: открытый двор (сахн) и крытую молитвенную часть, примыкающую к стене, в середине которой располагался полукруглый выступ, ниша — михраб, указывающий направление на Мекку и являющийся важнейшей частью любой мечети.

Тестовая траншея была продолжена с внешней стороны восточной стены (2×2 м.). Был выявлен фундамент полукруглого выступа. В самых нижних слоях кладки была обнаружена ниша, сформированная горизонтальной сланцевой плитой и двумя сланцевыми плитами, поставленными «на ребро». В нишу была помещена нижняя часть сосуда ручной лепки

без дна. В закладе находились полностью корродированный железный (?) предмет и угли. Радиоуглеродный анализ дал калиброванную дату 931 г.¹

Исследования Южного некрополя

Южный некрополь расположен на небольшом плато размерами около 85 × 65 м. Раскопки здесь велись в 2018 и 2022 гг. За два сезона была исследована территория 150 м², на которой было найдено 31 погребение.

За исключением шести погребений все исследованные захоронения относятся к исламскому периоду, о чем свидетельствует единый погребальный обряд. Могильные ямы ориентированы по оси север — юг с небольшим смещением головной части к западу. В нижней части восточной стены могилы вырубался подбой, в который помещался погребенный. Умерший лежал на правом боку в вытянутом положении, головой на юго-запад, лицом на восток (направление на Мекку). Судя по находкам истлевших однотипных фрагментов тканей в большинстве могил, все умершие были завернуты в саван. Никаких предметов заупокойного инвентаря в могилах обнаружено не было, что является другой характерной особенностью исламских погребений. Подбой с телом покойного закладывали длинными плитами сланца, после чего могильная яма засыпалась землей. На дневной поверхности местоположение погребений отмечалось либо скоплением камней, положенных по оси север — юг, либо могильным камнем — сланцевой плитой, вертикально врытой в том месте, где находилась голова покойного. Виноградные косточки, обнаруженные в погребении № 6, были сданы для проведения радиоуглеродного анализа, который дал калиброванную дату 925 г.²

Особняком стоят шесть погребений, в которых умершие погребены в неглубокой яме овальной формы в скорченном положении на левом или на правом боку с руками, расположенными у лица или (как в случае с погребением № 5) у пятки и у лица; лицом на север, юг или восток. Наиболее «богатым» с точки зрения находок оказалось погребение № 5. Под камен-

---

¹ Анализ был сделан в Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН

² Анализ был сделан в Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН

ным завалом, вытянутым по оси север — юг и состоящим из крупных камней, было обнаружено погребение в овальной яме глубиной 25–30 см. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, правая рука находилась у лица, а левая обхватывала правую пятку. Запястья умершего были украшены браслетами из раковин каури и кожаным браслетом, в ногах находились крупные морские раковины. Также в ногах было обнаружено сильно фрагментированное кожаное изделие со следами швов.

В районе живота и грудной клетки умершего были обнаружены плоды зизифуса колючего (*Ziziphus spina-christi*), *Cocculus hirsutus* и *Cocculus pendulus*. Радиоуглеродный анализ внутриплодника зизифуса колючего дал калиброванную дату 307 г.³ Это позволяет предположить, что Южный некрополь использовался для погребения населения Атбая в позднеантичный период, когда огромная территория Восточной и Нубийской пустыни находилась под властью народа, известного в античных источниках под именем блеммии.

Разведка в кольцевой структуре Ониб

Во время полевого сезона февраля — марта 2022 г. была предпринята разведывательная поездка в котловину Ониб, расположенный на расстоянии около 40 км к югу от Дерахейба. В юго-восточной части кольцевой структуры на плато размерами около 700 на 400 м итальянскими исследователями Алфредо и Анжело Кастильоне в марте 1990 г. был обнаружен обширный некрополь [13]. Разведка на памятнике в феврале 2022 г. показала, что некрополь состоит из десятка кольцевых платформ, сложенных из камня и обложенных по периметру каменными плитами. Диаметр крупных кольцевых платформ около 10 м. Пространство между кольцевыми платформами занято многочисленными погребениями иных типов. Кастильоне предположили, что в Онибе находился некрополь царей беджа, которые жили в Дерахейбе.

До проведения раскопок, впрочем, нет веских оснований для того, чтобы подтвердить или опровергнуть подобную гипотезу.

³ Анализ был сделан в Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН

Могильные сооружения в виде кольцевой платформы, действительно распространены на широком пространстве от Аль-Муаллы в Верхнем Египте до Хор-Нубта в Судане. Их, как правило, и связывают с населением Нубийской пустыни позднеантичного-раннесредневекового периода, которое в греческих и латинских источниках именовалось блеммиями, а в арабских письменных памятниках — беджа [20; 21; 22]. Размеры погребальных сооружений в Онибе позволяют предполагать, что здесь находится элитный некрополь обитателей Северного Атбая. Однако кольцевые платформы, обнаруженные в Онибе, по размерам не относятся к числу наиболее крупных погребальных сооружений такого типа в Нубийской пустыне. В Хор-Нубте, например, были найдены курганы кольцевидной формы, два из которых имеют диаметр около 20 м.

Арабский географ Аль-Йакуби в IX в. писал о том, что у беджа было пять царств, которые простирались от Асуана на юг почти до границы с современной Эритреей. В каждом из них был свой царь [23]. Возможно, что одно из царств имело центр в Вади-аль-Аллаки, в таком случае усыпальницей его правителей теоретически мог быть Ониб.

Надеемся, что систематические раскопки на памятнике, которые начнутся в ближайшее время, смогут ответить на некоторые из этих вопросов.

Во время разведывательной поездки в Ониб был проведен сбор каменных орудий, которые по большей части изготовлены из кварца. На настоящий момент мы не можем с уверенностью утверждать, относятся ли они к эпохе палеолита, или неолита. Систематическое исследование в Онибе специалистом по каменному веку должно ответить на этот и другие важные вопросы.

Антропологические исследования на памятнике Дерахейб⁴

Материалы и методы

Материалы, доступные для антропологических исследований, представляют собой скелетированные останки разновозрастных индивидов. Мягкие ткани практически не сохранились, у некоторых индивидов присутствуют волосы. Сохранность костной ткани индивидов, погребенных в Южном некрополе Дерахейба, хорошая, но в связи со значительной утратой органической составляющей, кости очень хрупкие. За два сезона раскопок некрополя (2018 и 2022 гг.) было исследовано 32 индивида, из них 6 погребены в скорченном положении и 26 — по исламскому обряду захоронения.

Определение пола и возраста погребенных производилось по краниальной и посткраниальной частям скелета, согласно стандартным антропологическим методикам. Возраст взрослых индивидов фиксировался по степени зарастания швов костей черепа, состоянию зубной системы, наличию возрастных изменений на тазовых костях, наличию костных разрастаний и остеофитов [24, 25, 26, 27, 28]; для детской и подростковой категории учитывалось соотношение прорезывания молочных и постоянных зубов, прирастание эпифизов к кости и длина диафизарного фрагмента длинных трубчатых костей конечностей [28].

Для краниологического анализа использовались черепа только взрослых индивидов. Измерение черепов проводилось по принятой в отечественной антропологии методике [29, 25, 30, 31].

Для фиксации дискретно-варьирующих признаков черепа (ДВП) применялась авторская программа (111 признаков), сформированная на основе опубликованных методических работ [32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40] и авторских признаков Д. В. Пежемского.

Одонтологическое исследование выполнено в рамках методической системы А. А. Зубова [41, 42, 43, 44].

---

⁴ Раздел написан старшим научным сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ, к.б.н. Н. Я. Березиной, младшим научным сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ и Центра палеоэтнологических исследований, к.и.н. А. Х. Чирковой, и старшим научным сотрудником ИЭА РАН, к.и.н. Н. А. Лейбовой

Остеометрическое исследование проводилось по классической для отечественной антропологии программе: по методикам Р. Мартина [31] в обработке В. П. Алексеева [45]. Для остеометрических исследований были использованы как взрослые, так и детские костяки.

Программа фиксации маркеров стресса и патологических состояний была применена ко всем исследованным индивидам. Дегенеративно-дистрофические заболевания суставов фиксировались по классификации М. Шульца [46]. Определение маркеров кумулятивного и эпизодического стресса, а также иных патологических изменений на костях черепа и посткраниального скелета проводилось по программам А. П. Бужиловой и Д. Ортнера [47, 48, 49]. Эти методики позволяют оценить уровень здоровья исследуемого населения, наличие инфекционных заболеваний, бытовых травм или ранений военного характера, оценить уровень стрессового воздействия окружающей среды на исследуемую группу.

Результаты изучения антропологических материалов

Из шести исследованных костяков индивидов, погребенных в скорченном положении, все оказались взрослыми. Сохранность костей большей части индивидов из этой группы оказалась очень плохой, поэтому категории биологического возраста, определенные для некоторых взрослых индивидов, были ограничены широкими возрастными интервалами.

Среди 26 погребенных по исламскому обряду были представлены все половозрастные категории: всего было исследовано 9 мужчин, 5 женщин и 12 детей разного возраста. Детская смертность, выявленная на данном этапе исследования некрополя, составляет 46%, из которых больше четверти — это дети, умершие до года.

Для краниометрических исследований оказались доступны 17 черепов, из них 4 (2 мужских и 2 женских) принадлежали индивидам, погребенным в скорченном положении, и 13 (8 мужских и 5 женских) — в вытянутом. Сохранность черепов индивидов, захороненных скорченно, в большинстве случаев позволяла взять лишь некоторые размеры краниометрической программы, поэтому для этой группы возможно провести только индивидуальное описание. Мужские черепа из мусульманских погребений

характеризуются средней длиной мозгового отдела при малой ширине и высоте, лоб и затылок узкие, как и основание черепа. Скуловой диаметр относится к категории малых величин. Нос среднеширокий и средневысокий. Орбиты среднеширокие и средневысокие. Указатель выступания лица для группы попадает в среднюю категорию, но на индивидуальном уровне для одного индивида (погребение № 25) этот указатель попадает в категорию больших величин, что говорит об общем прогнатизме лицевого отдела. Погребенные по исламскому обряду женские индивиды, в целом, по размерным характеристикам попадают в те же рубрикации. Из серии также выделяется один женский череп с прогнатизмом (погребение № 15). При межгрупповом анализе с контрастными европеоидными и экваториальными группами большая часть индивидов из Дерахейба относятся к европеоидам, в то время как отдельные индивиды демонстрируют экваториальные черты.

По программе ДВП было изучено 32 черепа, принадлежащих взрослым индивидам обоих полов и детям. Учитывая флуктуирующий характер полового диморфизма ДВП, деление материала по полу и возрасту не проводилось [33], за исключением только некоторых признаков, которые зависят от возраста индивида (например, метопический шов, отверстия на барабанном кольце). На данном этапе исследования подсчет частот билатеральных признаков производился на одного индивида.

Серия черепов из захоронений, совершенных по исламскому обряду, характеризуется высокими частотами заднемышцелковых отверстий (90,9%), сосцевидными отверстиями в затылочно-сосцевидном шве (72,2%), добавочным отверстием нижней челюсти (69,2%), сквозным теменным отверстием (60%), каменисто-чешуйчатыми швами (60%), Везалиевым отверстием (50%), вставочными косточками в лямбдовидном шве (47,1%) и клиновидно-верхнечелюстными швами (КВШ) (45,4%).

Популяционные особенности мусульманского населения группы из Дерахейба были оценены на фоне краниофенетического разнообразия Африки в целом [36]. По результатам данного сравнительного анализа менее половины признаков по своим частотам хорошо укладывается в африканский размах изменчивости. При этом более трети изученных признаков

имеет очень высокие частоты, не характерные для известного разнообразия популяций Африки [33].

На черепе одного ребенка (погребение № 23) было обнаружено раннее сращение затылочно-сосцевидного шва. Учитывая возраст ребенка (6–12 месяцев), можно предположить, что это либо врожденная аномалия, либо возникшая вскоре после рождения. Граница между двумя костями видна, несмотря на сращение, поэтому данный случай скорее относится не к внутриутробному агенезу шва, а к его ранней облитерации. Частота сращения затылочно-сосцевидного шва довольно велика на фоне других синостозов: по опубликованным данным, в серии из 725 детей, умерших в возрасте 3–6 лет такая аномалия встречалась в 9,3% случаях [50].

По одонтологической программе были изучены зубы 22 индивидов, принадлежащих взрослым обоим полам и детям. Результаты одонтологического исследования стоит рассматривать как сугубо предварительные, так как число наблюдений на признак в основном не больше 10. Для изученной серии характерно отсутствие лопатообразных форм верхних резцов — ведущего фена восточного одонтологического ствола. Так же мы не обнаружили дистальный гребень тригонида и коленчатую складку метаконида на первых нижних молярах. Однако в наших немногочисленных материалах встретился шестибугорковый первый нижний моляр, характерный для популяций восточного одонтологического ствола. Мы не наблюдаем редукцию верхних латеральных резцов и даже тенденцию к ней (то есть балл 1). По предварительной оценке, одонтологический комплекс серии Дерахейб относится скорее к грацильным вариантам, на что указывают высокие частоты трехбугорковых вторых верхних моляров (44,4%) и сравнительно высокие — четырехбугорковых первых нижних (14,3%). Значения такого признака как Бугорок Карабелли близки к частотам восточноафриканских выборок (50%) [51]; тамі пока встречен в одном случае.

По данным остеометрии для мужской группы вытянутых костяков характерны средняя длина плечевых костей при большой длине костей предплечья, а также средняя длина бедренной при большой длине костей голени. Анализ пропорций тела на основании длин сегментов верхних и нижних конечностей показал следующие результаты: интермембраль-

ный указатель средний и ниже среднего, берцово-бедренный и луче-плечевой указатели попали в категории очень больших величин [52]. Иными словами, можно говорить об удлинённой нижней конечности относительно верхней, а также удлинённых дистальных отделов рук и ног, относительно проксимальных, что отражает одну из черт тропического адаптивного типа [53]. Изучение частоты встречаемости *cribra orbitalia*, не выявило этого признака у скорченных погребённых. Среди похоронённых по исламскому обычаю в группе из 26 индивидов признак *cribra orbitalia* отмечен у 11 (42,3%), причем практически все случаи (10 индивидов) относятся к детской части серии, что составляет 83,3% от детской выборки. Ещё один случай *cribra orbitalia* отмечен у мальчика-подростка. Во взрослой части выборки данный признак не обнаружен. *Cribra orbitalia* в биоархеологических реконструкциях рассматривается как следствие анемии, которая может быть вызвана множеством причин, от недостатка питательных веществ или врождённых нарушений обмена, до различных паразитарных инвазий, включающих разные виды малярии [54]. Для течения всех типов малярии характерна гемолитическая анемия. В группе риска по инфицированию находятся беременные женщины, младенцы и дети до 5 лет, кроме того, у этих же групп малярия нередко протекает в тяжёлой форме. Вероятно, что в данном регионе малярия — это одна из основных причин анемии и гибели детей раннего возраста, наряду с быстротекущими кишечными и детскими инфекциями.

Керамика

Керамический материал, происходящий из разных археологических объектов на памятнике, богат и разнообразен. Керамические комплексы представлены как лепной, так и гончарной керамикой. Большинство находок предварительно может быть отнесено к средневековому времени (IX–XII вв.). Вопрос о наличии на памятнике единичных фрагментов керамики более раннего времени (нубийской пост-мероитской и керамики Восточной пустыни), которая обычно датируется в литературе позднеантичным периодом — IV–VI вв. [55, 56], остается открытым. Точную датировку этих фрагментов и их место в археологическом контексте еще предстоит уточнить.

Предварительно нам удалось выделить несколько основных групп керамики, наличие которых в археологическом слое является важным хронологическим маркером. Среди них египетская и иракская глазурованная керамика, (прежде всего, т.н. люстровая керамика), асуанская раннеисламская и средневековая гончарная керамика и нубийская гончарная и лепная керамика. Среди импортов, помимо иракского люстра, следует отметить палестинские сосуды для оливкового масла (Nebi Samvil jar), датируемые обычно IX–X веками, и китайскую селадоновую керамику.

Главным датирующим показателем стало присутствие на памятнике люстровой керамики⁵. Фрагменты сосудов, покрытых люстровой росписью, были обнаружены в Помещении I Северной крепости, в шурфе в центре северо-западной стены Северной крепости и в районе зольника на Городище. Большинство фрагментов люстровой керамики (около 20 находок) происходят из шурфа.

Согласно определению В. Ю. Коваля, люстр — это сложный красочный состав, наносимый на поверхность глазури после первого обжига и закрепляемый на ней в процессе второго, низкотемпературного (600–700 °C), обжига. При этом из окислов и сульфидов меди и серебра, содержащихся в наносимом на глазурь «сыром» люстре, происходило восстановление чистых металлов, образывавших на поверхности глазури тончайшую пленку. Преломление и отражение световых лучей в этой пленке и придавало изделию своеобразный блеск или люстр — «Lustre» [57, с. 40]. Согласно одной из основных версий происхождения люстра, появляется люстровая керамика впервые в IX в. в Басре, в Ираке [58, 59, 60] и просуществовал этот центр вплоть до конца Аббасидского правления во второй четверти X в., когда, по всей вероятности, мастера-гончары перебираются из Басры в Фустат, столицу фатимидского Египта. Следует подчеркнуть, что иракский люстр IX в. был полихромным или, позднее, двухцветным — подобного рода изделия не встречаются на памятнике Дерахейб. Большинство найденных в Дерахейбе фрагментов относятся к группе мо-

---

⁵ Вопросы, связанные с классификацией, определением и поисками истоков происхождения люстровой керамики широко дискутируются в российской и зарубежной литературе, однако это не является предметом обсуждения в рамках данной статьи.

нохромного иракского люстра X в., для которого характерно т.н. басрское тесто [58, 59] и оливково-зеленый, светло-коричневый декор с металлическим отблеском. Эта керамика представлена фрагментами венчиков и тулова небольших чаш с фигуративными изображениями на внутренней поверхности (в частности, на одном из фрагментов читается изображение ноги человека и характерным декором из точек и линий на внешней стороне. Другой чертой декора таких чаш были овальные медальоны с выписанными в них арабской вязью благословениями пьющему, размещенные обычно на внешней поверхности сосуда. Среди многочисленных аналогий следует отметить найденную в Нишапуре (однако, несомненно, имеющую иракское происхождение) чашу из музея Метрополитен (инв. № 40.170.27) с изображенным на ней человеком с музыкальным инструментом (?) или чашу с играющим на лютне музыкантом из Национального музея Кувейта [61, с. 191] — все они относятся к кругу керамики с т.н. сценами «дворцовых удовольствий».

Происхождение еще нескольких фрагментов керамики с люстровой росписью, найденных в шурфе, представляется спорным. В их числе венчик сосуда с арабской надписью по внутренней стороне и растительным орнаментальным декором. На внешней стороне чаши видны характерные изображения деревьев и птиц. Также обращают на себя внимание фрагмент венчика чаши с растительным орнаментом и изображением зайца и фрагмент чаши на кольцевом поддоне с помещенной в центре пальметтой. Известные аналогии — сосуд из музея Метрополитен (инв. № 63.16.3), чаша из музея Бенаки [62, Pl. X, fig. 309] и другие, как правило, относят к фустатскому люстру начала правления Фатимидов и датируют концом X века, однако вполне вероятно и предположение о принадлежности этих фрагментов также к группе иракской керамики.

В числе керамических комплексов Дерахейба представлено большое количество египетской глазурованной керамики. Вопрос о ее происхождении в настоящее время широко обсуждается в литературе. Среди возможных центров производства называются, в частности, Асуан, Александрия, Фустат. Датируется эта керамика X–XI вв. — группы G1 и частично G2 по Адамсу.

Около 60–70 процентов, подавляющее большинство, найденной на памятнике керамики относится т.н. поздним группам асуанской керамики — АIII — АIV по У. Адамсу [63, с. 546–557]. Характерно, что из одного слоя, например в шурфе у Северной крепости, происходит керамика относящаяся как к группе АIII (IX–X вв.), так и А IV (X–XIV вв.), что говорит об одновременном их бытовании на памятнике, ситуация, аналогичная той, что фиксируется среди находок, относящихся к средневековым слоям в самом Асуане. На памятнике Дерахейб в разной пропорции представлены практически все типы групп АIII — АIV: асуанские раннеисламские белые сосуды (Aswan Early Islamic White Ware W22), асуанские средневековые белые сосуды (Aswan Medieval White Ware W12), асуанские средневековые красные расписные сосуды (Aswan Medieval Decorated Red Ware R24), асуанская раннеисламская кухонная посуда, хозяйственная и транспортная тара (Aswan Early Islamic Utility Ware U8), асуанская средневековая кухонная посуда, хозяйственная и транспортная тара (Aswan Islamic Utility Ware U6).

Следует отметить, что преобладание асуанской керамики на памятнике не случайно. Начиная с Птолемеевского времени этот регион известен как крупный керамический центр. Для асуанского керамического теста характерны каолиновые глины бледно-розового, розового и розовато-бежевого цвета с большим количеством включений песка, шамота, а также дресвы, редко слюды, органики (солома). Сосуды покрыты «белым» и «красным» ангобом. Часто встречаются орнаментальные фризы с растительным и геометрическим декором. Функциональное назначение подобного рода сосудов было самым разнообразным, среди находок присутствуют миски на кольцевом поддоне, фрагменты венчиков небольших горшков и чашек, тарелки, амфоры и кувшины. Преобладают типы U8 и U6, то есть, кухонная посуда, хозяйственная и транспортная тара.

Лепная и гончарная нубийская керамика также представлена на памятнике в значительном количестве (15–20% от общего числа находок). Следует подчеркнуть, что средневековая лепная керамика продолжает общую традицию нубийской керамики, берущую начало с эпохи неолита [57, с. 47], что нашло свое отражение в системе декора, способах изготовления и некоторых, наиболее распространенных формах.

Большую часть лепных сосудов, найденных в Дерахейбе, можно отнести к группе DIII (X–XV вв.) по У. Адамсу [63, с. 420–433]. Это лепные сосуды разных форм, в основном небольшие горшки, чаши и чашки (рис. 5.7). Глина чаще всего коричневого и темно-коричневого цвета. Поверхность некоторых сосудов частично лощеная, но встречается хозяйственная утварь без лощения. Многие сосуды украшены снаружи врезанным декором в виде волнистых линий, а также геометрическим орнаментом, состоящим из X-образных элементов, треугольников и прямоугольников, заполненных решеткой из врезанных линий. Интерес представляют украшенные врезным декором предметы, которые в литературе чаще определяют как курильницы, со сквозными отверстиями в донце, происходящие из разных археологических слоев на памятнике. Аналогичный объект (определенный как керамическая подставка) был опубликован К. Садром, Ал. и Ан. Кастильони [64, с. 165] и отнесен к группе керамики Восточной пустыни. Однако все подобного рода объекты из Дерахейба происходят из слоев, которые можно датировать по присутствующей в них поливной и люстровой керамике временем не раньше X в. Более того, У. Адамс относит курильницы с декором в виде врезанного креста, заполненного ромбовидной сеткой (N24), к группе керамики DIII средневекового времени [63, с. 267]. Аналогичные курильницы были найдены и на других нубийских и египетских памятниках, также в средневековых слоях [65, fig. 7B; 66, pl.15d].

В заключение необходимо подчеркнуть, что найденная на памятнике Дерахейб керамика не исчерпывается представленными выше группами, однако важной характеристикой керамических сосудов этих групп является тот факт, что они встречаются на памятнике повсеместно и часто происходят из одного археологического слоя. Также следует отметить сходство керамических комплексов Дерахейба с аналогичным материалом из средневековых слоев Асуана — фиксируются аналогичные группы и типы сосудов, причем приблизительно в равных пропорциях. Единственным четко выраженным отличием является наличие в Дерахейбе значимого числа средневековой лепной керамики.

Археологический текстиль

Большое значение с точки зрения уточнения датировок, особенностей погребального обряда, понимания социального статуса и быта населения, некогда проживавшего на памятнике Дерхейб, имеет изучение археологического текстиля. Благодаря климатическим особенностям Египта и Судана, ткани, найденные на поселениях и в погребениях, нередко становятся одним из хорошо сохранившихся и информативных источников.

Весь археологический текстиль Дерхейба можно разделить на две основные группы: это ткани, происходящие из грабительского выброса у северо-западной стены Северной крепости, и ткани из погребений.

В грабительском выбросе среди прочих находок было найдено около 150 фрагментов тканей. В результате изучения этого текстильного комплекса стало очевидно, что он уникален и практически не имеет аналогов на других памятниках Верхнего Египта и Нубии. Уникальность определяется как набором тканей, так и их количеством и технологическим разнообразием. Большинство находок (около 57%) составляют хлопковые ткани. Довольно много фрагментов шерстяных тканей (около 17%). Как и на других нубийских средневековых памятниках процент льняных тканей невелик — 11%.

Однако прежде всего следует отметить довольно значительное количество шелка — в результате разбора и анализа материалов было обнаружено 10 фрагментов шелковых тканей, четыре из которых, вероятно, могли относиться к одному изделию.

Одной из самых интересных находок стали несколько фрагментов шелковой ткани с декором в виде восьмиконечных звезд и изображениями птиц, сотканной в сложной технике лампас, появившейся в XI веке. Судя по имеющимся у нас в распоряжении аналогиям (например, из Кливлендского музея искусств, инв. № 1950.525) из этой ткани мог бы быть сшит мусульманский головной убор — шапочка-калансува, которую в средние века носили знатные люди, обладавшие высоким социальным статусом. К числу статусных тканей относятся также и фрагменты шарфа или шали, украшенного шелковым гобеленовым декором. Важной также оказалась находка единственного целого предмета, льняного мешочка, украшенно-

го вышивкой с арабской вязью, вероятно, выполненного из вторично использованного тираза.

Если говорить о тканях из погребений, то комплекс археологического текстиля некрополя также является уникальным по сравнению с другими текстильными находками на средневековых некрополях. В сезоне марта 2022 года фрагменты полуистлевшего текстиля были обнаружены в 14 погребениях, и все эти ткани представляют более-менее единую группу: в основном, хлопок хорошего и среднего качества, полотняного сбалансированного переплетения, насколько позволяет судить сохранность, без следов износа, швов, ремонта. Шерстяные и шелковые ткани на некрополе отсутствуют. То есть, можно предположить, что это не фрагменты одежды, а некое подобие савана, подготовленного специально к погребению. Интерес представляет наличие большего количества тканей с круткой Z (в 9 погребениях), вероятно, импорта. Льняных тканей было найдено всего две. Местный хлопок с круткой S был обнаружен всего в 4 погребениях. Дальнейшие исследования покажут, является ли присутствие на памятнике тканей с Z и S круткой хронологическим маркером.

Перспективы изучения беджа бишарин Атбая

В рамках работы Нубийской археолого-антропологической экспедиции в соответствии с одной из ее задач, с 2020 года ведутся этнографические исследования племен беджа бишариин, проживающих в окрестностях археологического памятника Дерахейб.

Современные беджа представлены несколькими социо-политическими группами, самые крупные из которых носят названия амар'ар, бишариин, хадендоуа, халенга и бени-амер. Некоторые исследователи наряду с перечисленными называют также абабде, однако вопрос о принадлежности этого «племени» к общности беджа остается дискуссионным. В лингвистическом отношении беджа принадлежат к кушитской семье: большинство их секций говорит на языке ту-бедауйе. Как правило, беджа также хорошо говорят на суданском диалекте арабского языка, который они используют для внешних контактов. Каждое из «племен» беджа, которые на суданском арабском называются «габилами» (ед.ч.: габила), имеет свой

собственный диалект ту-бедауйе, своего лидера — «назыра» (ед.ч.: назыр), власть которого передается по наследству, и «назаару» (ед.ч.: назаара) — землю, которую они традиционно считают своей. Крупные габилы делятся на более мелкие секции — дивабы (ед.ч.: диваб), которые также сегментированы и состоят из больших и малых семей. В Атбае проживают беджа бишариин секции умм-али, которые, в отличие от своих соседей беджа бишариин умм-наги, населяющих долину реки Атбара, сохраняют традиционную форму хозяйствования, которая в исследовательской литературе обозначается термином «мультиресурсное кочевничество» [67]. Этот тип устойчивой экономики, основанной на кочевом скотоводстве, предполагает диверсификацию источников семейного дохода, что позволяет беджа бишариин выживать в условиях климатической непредсказуемости региона. Несмотря на эту практику экономического приспособления к окружающей среде, выработанную беджа за многие столетия, засуха 1980-90-х гг. оказала разрушительное воздействие как на хозяйственный уклад жизни беджа, так и на социальную структуру их сообществ. Многие беджа Атбая были вынуждены переселиться в города и районы «интенсивного земледелия», созданные в рамках модернизационных проектов суданского правительства [68]. Урбанизация неизбежно повлекла за собой «арабизацию», а точнее сказать — «суданизацию» беджа, которая выражается в утере ими родного языка, ослаблении брачных запретов эндогамии и распаду агнатных идеологий, играющих важную роль в традиционном мировосприятии сообщества. Всё это, на наш взгляд, обуславливает насущную необходимость активных полевых этнологических исследований среди тех секций беджа, которые до сих пор сохраняют традиционные социальные структуры, обычаи и культурные особенности.

Беджа бишариин умм-али, живущих в Вади-аль-Аллаки недалеко от археологического памятника Дерахейб, без сомнений можно отнести к той части сообщества, которая придерживается традиционного уклада кочевой экономики и сохраняет кушитскую культуру, отличную от культуры арабоязычного суданского большинства. Одной из особенностей габитуса сообществ беджа является их закрытость от внешнего вмешательства и контроль за распространением информации, которая потенциально

может нанести вред дивабу. Это обстоятельство несколько затрудняет проведение полевых исследований среди беджа бишариин, однако не делает их невозможным. Так, в ходе этнологической полевой разведки, проведённой в рамках Нубийской археолого-антропологической экспедиции МГУ в феврале 2020 г. были установлены первые контакты с жителями близлежащих к Дерахейбу поселений. В сезоне 2022 г. эти контакты были расширены. Беджа бишариин не только одобрили проведение археологических раскопок на их земле, признав значимость этой работы с точки зрения сохранения истории их сообщества, но и приняли предложенную экспедиционным врачом медицинскую помощь. По нашему мнению, развитие добрососедских отношений с населением Вади-аль-Аллаки не только гарантирует безопасность и плодотворность археологических раскопок, но и открывает широкие перспективы как для узкоспециализированных этнологических, так и для комплексных междисциплинарных исследований культурного ландшафта региона. В рамках этих исследований особый интерес представляет изучение феномена идентичности беджа умм-али. Групповая идентичность сообществ беджа — комплексное и заслуживающее самого пристального научного внимания явление, потому как она строится на пересечении различных стратегий консолидации и разграничения. С одной стороны, большинство секций беджа, судя по исследовательской литературе и словам наших информантов, ассоциируют себя с жителями Аравийского полуострова, что, кроме прочего, находит своё выражение и в арабских самоназваниях габил. С другой стороны, последние исследования показали, что кушитская идентичность также играет важную роль для многих беджа. Она выступает альтернативой суданской арабо-мусульманской культурной парадигме жителей долины Нила, которую центральное правительство республики навязывает всем гражданам страны в рамках политики культурной ассимиляции этнических меньшинств и борьбы с «трайбализмом». Третьей стороной идентичности беджа являются их собственные генеалогические нарративы и историческая память, выраженная в устной литературной традиции.

По нашему мнению, дальнейшие исследования трансформации идентичности беджа бишариин под влиянием сложных современных

культурно-исторических и политических процессов, будет способствовать накоплению важнейшего эмпирического полевого материала. Теоретическое осмысление полученных в ходе исследований данных позволит не только продвинуться в понимании этнической, исторической и культурной ситуации в регионе, но и послужит референсом для изучения схожих процессов в других «традиционных» сообществах Африки.

Особый интерес представляет материальная культура сообщества беджа. Поселения бишарин в Атбае представляют собой «лагеря» (tu-bed.: dua), состоящие из нескольких построек различного назначения (жилые и хозяйственные). Постройки возводятся из сплетённых ветвей акаций, жилые покрываются лоскутами ткани. Чаще всего в каждом отдельном поселении живёт семья беджа или близкие родственники. Эти поселения не являются постоянным жилищем, во время сезонных кочевий они могут быть полностью оставлены. Дальнейшее изучение назначений каждой из построек в поселениях беджа, а также правил обустройства их жилого помещения, на наш взгляд, поможет расширить научные знания о социальных структурах сообщества. Материальный быт беджа также открывает широкие возможности для этноархеологических исследований. В литературе была отмечена схожесть способов захоронений у современных беджа с древними доисламскими погребениями в Восточной пустыне [22]. Видится, что изучение традиционных исторических нарративов беджа о Вади аль-Аллаки с одной стороны, и сравнение их материальной культуры с археологическими находками с другой, позволят значительно расширить исследовательскую перспективу и продвинуться в понимании вопроса о культурном континуитете населения Атбая.

Литература

1. Török L. Between Two Worlds: The Frontier Region Between Ancient Nubia and Egypt, 3700 BC-AD 500. *Probleme der Ägyptologie*. 2009; Vol. 29. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004171978.i-606>
2. Adams W. Y. *Nubia, Corridor to Africa*. Princeton: Princeton University Press, 1977. <https://doi.org/10.1086/ahr/83.5.1233>
3. Barnard H. Introduction to Part 1: From Adam to Alexander (500 000–2500 Years Ago). In: *The History of the Peoples of the Eastern Desert* by Hans Barnard (Editor), Kim Duistermaat (Editor) *Monographs (Book 73)*. The Cotson Institute of Archaeology Press, 2012: 3–23. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdjrr5t.3>
4. Крол А. А. Путешествие в страну Куш. Советские археологи на берегах Нила. М, 2021.
5. Cooper J. Goldmines, nomad camps, and cemeteries: The 2018 season of the Atbai Survey Project. *Sudan & Nubia*. 2021; 25: 121–134. https://doi.org/10.32028/sudan_and_nubia_25_pp121-134
6. Linant de Bellefonds L. M. A. *L'Etbaye ou pays habite par les rabes Bichariehs: Geographie, ethnologie, mines d'or*. Paris, 1868. (На франц. яз).
7. Пиотровский Б. Б. *Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии*. М: Наука, 1983.
8. Sadr, K., Castiglioni, A., and Castiglioni, A. Nubian Desert Archaeology: A Preliminary View. *Archeologie du Nil Moyen*. 1998; № 7: 203–235.
9. Sadr K., Castiglioni Al., Castiglioni An. *Deraheib: Die goldene Stadt der Nubischen Wüste*. *Mitteilungen der Sudanarchäologische Gesellschaft zu Berlin*. 1999; 9: 52–57.
10. Williams B. *Das Goldland der Pharaonen: Die Entdeckung von Berenike Pancrisia*. *Journal of Near Eastern Studies*. 2002; 61(2): 147–148. <https://doi.org/10.1086/469010>
11. Бухарин М. Д., Крол А. А. Береника Всезлатая — Аль-Аллаки-Дерахейб: археологическая реальность в контексте исторической географии. *Вестник древней истории*. 2020; № 1: 172–192. <https://doi.org/10.31857/s032103910008632-8>
12. Paul A. *History of the Beja Tribes of the Sudan*. Cambridge, 1954.
13. Castiglioni Al., Castiglioni An., Vercoutter J. *Das Goldland der Pharaonen. Die Entdeckung von Berenike Pancrisia*. Mainz, 1998.
14. Klemm R., Klemm D. *Gold and Gold Mining in Ancient Egypt and Nubia. Geoarchaeology of the Ancient Gold Mining Sites in the Egyptian and Sudanese Eastern Deserts*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2013. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-22508-6>
15. Крол А. А. Маршруты хаджа из Египта в Ал-Хиджаз через Восточную пустыню и порт Айзаб в IX–XV вв. *Восток (Oriens)*. 2018; № 2: 21–30. <https://doi.org/10.7868/s0869190818020024>
16. *Travelling the Korosko Road Archaeological Exploration in Sudan's Eastern Desert* (Eds: Davies, W. Vivian Welsby, Derek A.). Oxford: Archaeopress Archaeology, 2021. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1bjc3dk>

17. Grabar O. Coinage of the Tūlūnids. Numismatic Notes and Monographs № 139. New York, 1957.
18. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Арабские источники X–XII веков. Л.: Наука, 1965.
19. Кандинов М. Н., Крол А. А. Строительные материалы в средневековой архитектуре археологического памятника Дерахейб (Судан). Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2021; № 3: 109–119.
20. Lassányi G. Tumulus burials and the nomadic population of the Eastern Desert in Late Antiquity. In: Between the Cataracts. Proceedings of the 11th Conference of Nubian Studies Warsaw University, 27 August-2 September 2006. Part 2, Warszawa, 2010. [https://doi.org/10.31338/uw.9788323533429.pp.595–606](https://doi.org/10.31338/uw.9788323533429.pp.595-606)
21. Cooper J. A Nomadic State? The ‘Blemmyean-Beja’ Polity of the Ancient Eastern Desert. The Journal of African History. 2021; № 61(3): 1–25. <https://doi.org/10.1017/s0021853720000602>
22. Krziwinski K., The eastern desert Tombs and cultural continuity. In: The History of the Peoples of the Eastern Desert by Hans Barnard (Editor), Kim Duistermaat (Editor) Monographs (Book 73). Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology Press, 2012. 141–158. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdjrr5t.12>
23. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Арабские источники VII–X веков. Л.: Наука, 1960.
24. Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. Медгиз, М., 1963.
25. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
26. Todd T. W. Age changes in the pubic bone. I The male White pubis. American Journal of Physical Anthropology. 1920; 3: 285–334.
27. McKern T. W., Stewart T. D. Skeletal Age Changes in Young American Males, Analysed from the Standpoint of Age Identification. Natick, MA: Headquarters Quartermaster Research and Development Command, Technical Report EP-45; 1957. <https://doi.org/10.21236/ad0147240>
28. Ubelaker D. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Washington DC: Taraxacum, 1989.
29. Дебец Г. Ф. К унификации краниологических исследований. Антропологический журнал. 1935; 1: 118–124.
30. Ширококов И. Г. Насколько серьезное влияние оказывают межисследовательские расхождения на результаты краниологических исследований? (некоторые итоги семинара по коннекции краниометрических признаков в МАЭ РАН). Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016; 3: 36–48.
31. Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Bd. II. Jena, 1928. (In. Germ.).
32. Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. Программа и методика исследования аномалий черепа. Вопросы антропологии. 1975; 51: 58–77.

33. Мовсесян А. А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга; 2005. 272 с.
34. Козинцев А. Г. Заднескуловая щель как расоразграничительный признак. Вопросы антропологии. 1984; 74: 55–61.
35. Козинцев А. Г. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука; 1988. 165 с.
36. Томашевич Т. В. Закономерности распределения частоты третьего решетчатого канала черепа человека. Вопросы антропологии. 1990; 84: 106–113.
37. Berry A. C., Berry R. J. Epigenetic variation in the human cranium. *Journal of Anatomy*. 1967; Vol. 101 (2): 361–379.
38. Choudry R., Choudry S., Anand C. Duplication of optic canalis in human skulls. *Journal of Anatomy*. 1988; 159: 113–116.
39. Shapiro R., Robinson F. The foramina of the middle fossa: a phylogenetic, anatomic and pathologic study. *The American journal of roentgenology radium therapy and nuclear medicine*. 1967; 101: 779–794.
40. Hauser G., De Stefano G. F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: Schweizerbart, 1989. 301 p.
41. Зубов А. А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
42. Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. 200 с.
43. Зубов А. А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: ЭТНО-ОНЛАЙН, 2006. 72 с.
44. Зубов А. А., Халдеева Н. И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993. 224 с.
45. Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
46. Schultz M., Paläopathologische Diagnostik. In: R. Knußmann (ed.), *Anthropologie*, 1. Teil, Bd. I. Stuttgart, 1988: 480–496.
47. Бужилова А. П. Древнее население. Палеопатологические аспекты исследования. М.: ИА РАН, 1995. 167 с.
48. Бужилова А. П., Козловская М. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., Старый Сад, 1998. 260 с.
49. Ortner D. J. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Amsterdam: Academic Press, 2003. 645 p. <https://doi.org/10.1016/b978-012528628-2/50038-7>
50. Lewis M. *Paleopathology of Children: Identification of Pathological Conditions in the Human Skeletal Remains of Non-Adults*. Academic Press. Amsterdam (The Netherlands) and New York: Elsevier, 2018.
51. Зубов А. А., Халдеева Н. И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989. 232 с.

52. Пежемский Д. В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Дисс. ... канд. биол. наук. М., 2011.
53. Алексеева Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: Изд-во МГУ, 1986.
54. Wapler U., Crubézy E., Schultz M., Is cribra orbitalia synonymous with anemia? Analysis and interpretation of cranial pathology in Sudan. *American Journal of Physical Anthropology*. 2004; 123: 333–339. <https://doi.org/10.1002/ajpa.10321>
55. Barnard H. Eastern Desert Ware: A first introduction. *Sudan & Nubia*. 2002; 6: 53–67.
56. Barnard H. Eastern Desert Ware: Traces of the Inhabitants of the Eastern Deserts in Egypt and Sudan during the 4th-6th Centuries CE. Oxford: BAR International Series, 2008.
57. Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVIII века. М., 2010.
58. Mason R. B. Shine like the sun. Lustre-painted and associated pottery from the Medieval Middle East (Bibliotheca Iranica: Islamic Art and Architecture series, 12). Toronto, 2004.
59. Pradell T., Molera J., Smith A. D., Tite M. S. The invention of lustre: Iraq 9th and 10th centuries AD. *Journal of Archaeological Science*. 2008; 35: 1201–1215. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2007.08.016>
60. Pradell T., Molera J., Smith A. D., Tite M. S. Early Islamic lustre from Egypt, Syria and Iran (10th to 13th century AD). *Journal of Archaeological Science*. 2008; 35: 2649–2662. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2008.05.011>
61. Watson O. *Ceramics from Islamic Islands*. London, 2004.
62. Philon H. *Benaki Museum Athens Early Islamic Ceramics, Ninth to Late Twelfth Centuries*. Islamic Art Publications, South Africa, 1980.
63. Adams W. *Ceramic Industries of Medieval Nubia (Memoirs of the UNESCO Archaeological Survey of Sudanese Nubia vol 1, Parts 1 & 2)*. Lexington, 1986.
64. Sadr K., Castiglioni An., and Castiglioni Al. Sur les traces des Blemmis: les tombes Bejas au premier millénaire après J.-C. dans les collines de la Mer Rouge. *Acts Lille* 1994, vol. II, 163–167.
65. Phillips J. Islamic pottery in the Middle Nile. *Azania Archaeological Research in Africa*. 2004; № 39(1): 58–68. <https://doi.org/10.1080/00672700409480387>
66. Williams G. *Syene VI: A Center on the Edge. Early Islamic Pottery from Aswan*. Gladbeg, 2022.
67. Weschenfelder P. Towards Variability: Cultural Diversity in the Economic Strategies of the Beja Peoples. In: *The History of the Peoples of the Eastern Desert*. Ed. H. Barnard. Los Angeles, 2012. 345–359.
68. Young J. *Beja Local conflict, marginalisation, and the threat to regional security*. Pretoria (RSA), 2007.

References

1. Török L. Between Two Worlds: The Frontier Region Between Ancient Nubia and Egypt, 3700 BC-AD 500. *Probleme der Ägyptologie*. 2009; Vol. 29. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004171978.i-606>
2. Adams W. Y. *Nubia, Corridor to Africa*. Princeton: Princeton University Press, 1977. <https://doi.org/10.1086/ahr/83.5.1233>
3. Barnard H. Introduction to Part 1: From Adam to Alexander (500 000–2500 Years Ago). In: *The History of the Peoples of the Eastern Desert* by Hans Barnard (Editor), Kim Duistermaat (Editor) *Monographs (Book 73)*. The Cotson Institute of Archaeology Press, 2012: 3–23. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdjrr5t.3>
4. Krol A. A. *Journey to the land of Kush. Soviet archaeologists on the banks of the Nile*. Moscow, 2021. In: Russ.
5. Cooper J. Goldmines, nomad camps, and cemeteries: The 2018 season of the Atbai Survey Project. *Sudan & Nubia*. 2021; 25: 121–134. https://doi.org/10.32028/sudan_and_nubia_25_pp121-134
6. Linant de Bellefonds L. M. A. *L'Etbaye ou pays habite par les rabes Bichariehs: Geographie, ethnologie, mines d'or*. Paris, 1868. (На франц. яз).
7. Piotrovsky B. B. *Wadi Allaki — the path to the gold mines of Nubia*. Moscow: Nauka, 1983. In: Russ.
8. Sadr K., Castiglioni, A., and Castiglioni, A. *Nubian Desert Archaeology: A Preliminary View*. *Archeologie du Nil Moyen*. 1998; № 7: 203–235.
9. Sadr K., Castiglioni Al., Castiglioni An. *Deraheib: Die goldene Stadt der Nubischen Wüste*. *Mitteilungen der Sudanarchäologische Gesellschaft zu Berlin*. 1999; 9: 52–57.
10. Williams B. *Das Goldland der Pharaonen: Die Entdeckung von Berenike Pancrisia*. *Journal of Near Eastern Studies*. 2002; 61(2): 147–148. <https://doi.org/10.1086/469010>
11. Bukharin M. D., Krol A. A. *Berenice the All-Golden — Al-Allaki-Deraheib: Archaeological Reality in the Context of Historical Geography*. *Vestnik drevney istorii*. 2020; № 1: 172–192. In: Russ. <https://doi.org/10.31857/s032103910008632-8>
12. Paul A. *History of the Beja Tribes of the Sudan*. Cambridge, 1954.
13. Castiglioni Al., Castiglioni An., Vercoutter J. *Das Goldland der Pharaonen. Die Entdeckung von Berenike Pancrisia*. Mainz, 1998.
14. Klemm R., Klemm D. *Gold and Gold Mining in Ancient Egypt and Nubia. Geoarchaeology of the Ancient Gold Mining Sites in the Egyptian and Sudanese Eastern Deserts*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2013. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-22508-6>
15. Krol A. A. *Routes of the Hajj from Egypt to Al-Hijāz through the Eastern Desert and the port of Aizab in the 9th-15th centuries*. *Vostok (Oriens)*. 2018; № 2: 21–30. In: Russ. <https://doi.org/10.7868/s0869190818020024>
16. *Travelling the Korosko Road Archaeological Exploration in Sudan's Eastern Desert* (Eds: Davies, W. Vivian Welsby, Derek A.). Oxford: Archaeopress Archaeology, 2021. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1bjc3dk>

17. Grabar O. Coinage of the Tūlūnids. Numismatic Notes and Monographs № 139. New York, 1957.
18. Ancient and medieval sources on the ethnography and history of sub-Saharan Africa. Arabic sources of the X–XII centuries. L: Nauka, 1965.
19. Kandinov M. N., Krol A. A. Building materials in the medieval architecture of the archaeological site of Deraheib (Sudan). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya. 2021; № 3: 109–119. In: Russ.
20. Lassányi G. Tumulus burials and the nomadic population of the Eastern Desert in Late Antiquity. In: Between the Cataracts. Proceedings of the 11th Conference of Nubian Studies Warsaw University, 27 August-2 September 2006. Part 2, Warszawa, 2010. [https://doi.org/10.31338/uw.9788323533429.pp.595–606](https://doi.org/10.31338/uw.9788323533429.pp.595-606)
21. Cooper J. A Nomadic State? The ‘Blemmyean-Beja’ Polity of the Ancient Eastern Desert. The Journal of African History. 2021; № 61(3): 1–25. <https://doi.org/10.1017/s0021853720000602>
22. Krziwinski K., The eastern desert Tombs and cultural continuity. In: The History of the Peoples of the Eastern Desert by Hans Barnard (Editor), Kim Duistermaat (Editor) Monographs (Book 73). Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology Press, 2012. 141–158. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdjrr5t.12>
23. Ancient and medieval sources on the ethnography and history of sub-Saharan Africa. Arabic sources of the 7th-10th centuries. Leningrad: Nauka, 1960. In: Russ.
24. Pashkova V. I. Essays on forensic osteology. Medgiz, M., 1963. In: Russ.
25. Alekseev V. P., Debets G. F. Craniometry. Methods of anthropological research. Moscow: Nauka, 1964. In: Russ.
26. Todd T. W. Age changes in the pubic bone. I The male White pubis. American Journal of Physical Anthropology. 1920; 3: 285–334.
27. McKern T. W., Stewart T. D. Skeletal Age Changes in Young American Males, Analysed from the Standpoint of Age Identification. Natick, MA: Headquarters Quartermaster Research and Development Command, Technical Report EP-45; 1957. <https://doi.org/10.21236/ad0147240>
28. Ubelaker D. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Washington DC: Taraxacum, 1989.
29. Debets G. F. Toward the unification of craniological research. Antropologicheskii zhurnal. 1935; 1:118–124. In: Russ.
30. Shirobokov I. G. How serious is the impact of inter-research discrepancies on the results of craniological studies? (Some results of the seminar on the connection of craniometric features at the MAE RAS). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya. 2016; 3: 36–48. In: Russ.
31. Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Bd. II. Jena, 1928. (In. Germ.).
32. Movsesyan A. A., Mamonova N. N., Rychkov Yu. G. Program and methodology for the study of skull anomalies. Voprosy antropologii. 1975; 51: 58–77. In: Russ.

33. Movsesyan A. A. Phenetic analysis in paleoanthropology. Moscow: Universitetskaya kniga, 2005. 272 p. In: Russ.
34. Kozintsev A. G. Posterior zygomatic fissure as a race-delimiting feature. *Voprosy antropologii*. 1984; 74:55–61. In: Russ.
35. Kozintsev A. G. Ethnic craniology. Racial variability of the sutures of the skull of modern man. Leningrad: Nauka; 1988. 165 p. In: Russ.
36. Tomashevich T. V. Patterns of frequency distribution of the third ethmoid canal of the human skull. *Voprosy antropologii*. 1990; 84:106–113. In: Russ.
37. Berry A. C., Berry R. J. Epigenetic variation in the human cranium. *Journal of Anatomy*. 1967; Vol. 101 (2): 361–379.
38. Choudry R., Choudry S., Anand C. Duplication of optic canalis in human skulls. *Journal of Anatomy*. 1988; 159: 113–116.
39. Shapiro R., Robinson F. The foramina of the middle fossa: a phylogenetic, anatomic and pathologic study. *The American journal of roentgenology radium therapy and nuclear medicine*. 1967; 101: 779–794.
40. Hauser G., De Stefano G. F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: Schweizerbart, 1989. 301 p.
41. Zubov A. A. *Odontology: Methods of anthropological research*. Moscow: Nauka, 1968. 199 p. In: Russ.
42. Zubov A. A. *Ethnic odontology*. Moscow: Nauka, 1973. 200 p. In: Russ.
43. Zubov A. A. *Methodological manual for the anthropological analysis of odontological materials*. Moscow: ETNO-ONLINE, 2006. 72 p. In: Russ.
44. Zubov A. A., Khaldeeva N. I. *Odontology in anthropofenetics*. Moscow: Nauka, 1993. 224 p. In: Russ.
45. Alekseev V. P. *Osteometry. Methods of anthropological research*. Moscow: Nauka, 1966. 251 p. In: Russ.
46. Schultz M., *Paläopathologische Diagnostik*. In: R. Knußmann (ed.), *Anthropologie*, 1. Teil, Bd. I. Stuttgart, 1988: 480–496.
47. Buzhilova A. P. *Ancient population. Paleopathological aspects of the study*. Moscow: IA RAN, 1995. 167 p. In: Russ.
48. Buzhilova A. P., Kozlovskaya M. V., Mednikova M. B. *Historical human ecology. Methods of biological research*. Moscow: Stary Sad, 1998. 260 p. In: Russ.
49. Ortner D. J. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Amsterdam: Academic Press, 2003. 645 p. <https://doi.org/10.1016/b978-012528628-2/50038-7>
50. Lewis M. *Paleopathology of Children: Identification of Pathological Conditions in the Human Skeletal Remains of Non-Adults*. Academic Press. Amsterdam (The Netherlands) and New York: Elsevier, 2018.
51. Zubov A. A., Khaldeeva N. I. *Odontology in modern anthropology*. Moscow: Nauka, 1989. 232 p. In: Russ.

52. Pezhemsky D. V. Variability of the longitudinal dimensions of human tubular bones and the possibility of reconstructing the physique: Thesis ... PhD in Biology. Moscow, 2011. In: Russ.
53. Alekseeva T. I. Adaptive processes in human populations. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1986. In: Russ.
54. Wapler U., Crubézy E., Schultz M., Is cribra orbitalia synonymous with anemia? Analysis and interpretation of cranial pathology in Sudan. *American Journal of Physical Anthropology*. 2004; 123: 333–339. <https://doi.org/10.1002/ajpa.10321>
55. Barnard H. Eastern Desert Ware: A first introduction. *Sudan & Nubia*. 2002; 6: 53–67.
56. Barnard H. Eastern Desert Ware: Traces of the Inhabitants of the Eastern Deserts in Egypt and Sudan during the 4th-6th Centuries CE. Oxford: BAR International Series, 2008.
57. Koval V. Yu. Ceramics of the East in Rus' in the 9th-18th centuries. Moscow, 2010. In: Russ.
58. Mason R. B. Shine like the sun. Lustre-painted and associated pottery from the Medieval Middle East (*Bibliotheca Iranica: Islamic Art and Architecture series*, 12). Toronto, 2004.
59. Pradell T., Molera J., Smith A. D., Tite M. S. The invention of lustre: Iraq 9th and 10th centuries AD. *Journal of Archaeological Science*. 2008; 35: 1201–1215. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2007.08.016>
60. Pradell T., Molera J., Smith A. D., Tite M. S. Early Islamic lustre from Egypt, Syria and Iran (10th to 13th century AD). *Journal of Archaeological Science*. 2008; 35: 2649–2662. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2008.05.011>
61. Watson O. Ceramics from Islamic Islands. London, 2004.
62. Philon H. Benaki Museum Athens Early Islamic Ceramics, Ninth to Late Twelfth Centuries. Islamic Art Publications, South Africa, 1980.
63. Adams W. Ceramic Industries of Medieval Nubia (*Memoirs of the UNESCO Archaeological Survey of Sudanese Nubiavol 1, Parts 1 & 2*). Lexington, 1986.
64. Sadr K., Castiglioni Al., and Castiglioni An. Sur les traces des Blemmis: les tombes Bejas au premier millénaire après J.-C. dans les collines de la Mer Rouge. *Acts Lille* 1994, vol. II, 163–167.
65. Phillips J. Islamic pottery in the Middle Nile. *Azania Archaeological Research in Africa*. 2004; № 39(1): 58–68. <https://doi.org/10.1080/00672700409480387>
66. Williams G. Syene VI: A Center on the Edge. *Early Islamic Pottery from Aswan*. Gladbeg, 2022.
67. Weschenfelder P. Towards Variability: Cultural Diversity in the Economic Strategies of the Beja Peoples. In: *The History of the Peoples of the Eastern Desert*. Ed. H. Barnard. Los Angeles, 2012. 345–359.
68. Young J. Beja Local conflict, marginalisation, and the threat to regional security. Pretoria (RSA), 2007.

ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У БЕРЕГОВ АБХАЗИИ (2021–2022 гг.)

Виктор Викторович Лебединский¹,

Юлия Александровна Пронина²

¹ Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук,

v_lebednski@mail.ru, ORCID: 0000–0002–6801–0497

² Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук

julia_pronina@mail.ru, ORCID: 0000–0002–5169–8598

Аннотация: *Статья посвящена исследованиям российско-абхазской подводно-археологической экспедиции в сезоны 2021 и 2022 гг. в Республике Абхазия. Совместные работы были организованы Севастопольским государственным университетом, Институтом востоковедения Российской академии наук и Абхазским государственным музеем. В ходе двух сезонов работы международной подводно-археологической экспедиции были проведены масштабные разведки морского дна в регионе восточной части Черного моря. Работы проводились в четырех районах Абхазии — в акватории городов Гудаута, Новый Афон, Сухум, Очамчира, которые были отобраны исходя из геоморфологических особенностей морского дна (например, Гудаутская и Очамчирская банки), на основании данных исторических источников и предыдущих изысканий, в районах расположения древних прибрежных городов (например, Сухумская бухта, акватория Очамчиры), по зафиксированным данным находок керамического материала. С помощью гидролокационного комплекса, профилографа и телеуправляемого необитаемого подводного аппарата была обследована площадь 17,4 кв. км, было выявлено 305 подводных объектов*

(целей), что показало перспективность изучения этого региона. Еще одним направлением работы экспедиции стало создание цифровой коллекции основных экспонатов Абхазского государственного музея и создание виртуальной экскурсии по залам музея. Также были созданы цифровые двойники четырех христианских храмов византийского периода.

Ключевые слова: подводная археология, Абхазия, кораблекрушения, затопленные сооружения.

UNDERWATER ARCHEOLOGICAL RESEARCH ON THE COAST OF ABKHAZIA (2021–2022)

Victor V Lebedinski¹

Julia A. Pronina²

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
v_lebednski@mail.ru, ORCID: 0000–0002–6801–0497

² Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
julia_pronina@mail.ru, ORCID: 0000–0002–5169–8598

Abstracts: *The article is devoted to the research of the Russian-Abkhazian underwater archaeological expedition in the seasons of 2021 and 2022 in the Republic of Abkhazia. Joint work was organized by the Sevastopol State University, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the Abkhaz State Museum. During the two seasons of the work of the international underwater archaeological expedition large-scale exploration of the seabed in the region of the eastern part of the Black Sea was carried out. The work was carried out in four regions of Abkhazia — in the waters of the cities of Gudauta, New Athos, Sukhum, Ochamchira, which were selected based on the geomorphological features of the seabed (for example, the Gudauta*

and Ochamchira banks), based on data from historical sources and previous surveys, in areas where ancient coastal cities (for example, the Sukhum Bay, the Ochamchira water area), according to the recorded data of finds of ceramic material. With the help of a sonar complex, a profiler and a remote-controlled unmanned underwater vehicle an area of 17.4 sq. km, 305 underwater objects (targets) were identified, which showed the prospects of studying this region. Another area of the expedition's work was the creation of a digital collection of the main exhibits of the Abkhaz State Museum and the creation of a virtual tour of the halls of the museum. Digital twins of four Christian churches of the Byzantine period were also created.

Keywords: underwater archeology, Abkhazia, shipwrecks, flooded structures.

В 2021–2022 гг. были продолжены исследования российско-абхазской подводно-археологической экспедиции у берегов Республики Абхазия. Совместные работы были организованы¹ Севастопольским государственным университетом, Институтом востоковедения Российской академии наук и Абхазским государственным музеем. Научный руководитель с российской стороны — к. и. н. Лебединский В. В., с абхазской стороны к. и. н. Джопуа А. И.

Международные исследования проводятся и финансируются в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030».

В ходе двух сезонов работы экспедиции были проведены масштабные разведки морского дна в регионе восточной части Черного моря, выявлено значительное число подводных объектов (целей), что показало перспективность изучения этого региона. Для проведения исследовательских работ было выбрано четыре района — это акватории городов

---

¹ Работы проводились по открытому листу № 3100007, выданному Академией Наук Республики Абхазия от 11.08.2021 г. на имя директора Абхазского государственного музея А. И. Джопуа и доцента кафедры «Востоковедение» СевГУ, заведующего Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН В. В. Лебединского.

(с севера — на юг) Гудаута, Новый Афон, Сухум, Очамчира. С помощью специального оборудования — гидролокационного комплекса, профилографа, телеуправляемого необитаемого подводного аппарата была обследована площадь 17,4 кв. км и выявлено 305 подводных целей (объектов).

Район г. Гудаута

Рельеф морского дна Абхазии характеризуется большими глубинами у берега и резкими свалами до 100–150 м и более. Районы Гудауты и Очамчиры являются наиболее доступными для проведения подводно-археологических изысканий и для работы аквалангистов, так как здесь располагаются так называемые Гудаутская и Очамчирская банки, более мелкие участки дна. Важным основанием для выбора района акватории Гудауты при проведении работ стало обнаружение здесь керамического материала. В 2000 г. на траверзе Гудауты рыбаками была поднята с глубины 48–50 м амфора, датированная V в. до н.э. [1 с. 35, табл. 19,5]. Амфора представлена в экспозиции музея Абхазского царства (инв. номер 002). В 2010 г. в этом же районе рыбаки подняли с глубины 35–40 м амфору, датирующуюся IV–VI вв. [2, с. 19, класс 2], она хранится в Гудаутском музее-заповеднике «Абазгия». Данные находки позволяют сделать предположение, что на Гудаутской банке могут находиться места древних кораблекрушений.

В ходе предпринятой подводно-археологической разведки на траверзе Гудауты, с целью обследования наибольших площадей дна, был использован современный гидролокационный комплекс «Гидра» российского производства со встроенным промерным эхолотом. На глубинах 40 м — 60 м были обследованы три района общей площадью 16,5 кв. км, выявлено большое количество подводных целей (всего 97). Обследование обнаруженных объектов с использованием водолазной группы и телеуправляемого необитаемого подводного аппарата запланировано на сезоны 2023–2024 гг.

Район г. Новый Афон

Изучение следующего района, находящегося на траверзе Нового Афона, проводилось с использованием гидролокатора бокового обзора со встроенным промерным эхолотом. Обследованная площадь составила 0,3 кв. км, был выявлен 31 подводный объект. На самый крупный из них был спущен телеуправляемый необитаемый подводный аппарат Chaising M2, а также осуществлены водолазные спуски. Визуальное обследование подтвердило данные, полученные гидролокатором бокового обзора, что этот объект является крупным металлическим судном, 80 м в длину, судя по всему, — сухогрузом. Тип корпуса (клепаный корпус и обводы) позволяют датировать время его постройки — конец XIX — начало XX вв. В архивных документах содержится информация о судне русского флота под наименованием «Транспорт № 98», бывший итальянский «Сиракузы», которое затонуло на рейде Нового Афона в 1917 г., во время боевых действий на Черном море между российским и германо-турецким флотами. Существует и другая версия, что это может быть транспорт № 72 «Флорида», потопленный 10 июля 1916 г. немецкой подводной лодкой U-38 [3]. Более точно определить данный объект помогут дополнительные исследования.

Район г. Сухум

Одним из важных для изучения районов является Сухумская бухта. Здесь, на берегу, располагался римский Себастополис [4]. Некоторые исследователи предполагают, что в этом районе находилась и древнегреческая Диоскурия [5]. Однако вопрос о местонахождении этого древнего города до сих пор остается дискуссионным [6,7,8,9,10]. С целью выявления возможных строительных остатков, относящихся к античному или более поздним периодам, в акватории Сухумской бухты были проведены исследования с применением гидролокатора бокового обзора и профилографа. На глубинах от 1 м до 7 м было обследовано два района общей площадью 0,64 кв. км, выявлено 135 подводных целей.

В районе устья реки Беследки, на глубине 2,4 м, на морском дне были зафиксированы остатки строений в виде крупных фрагментов кладки,

возможно, фрагментов фортификационного или гидротехнического сооружения, предположительно, средневекового периода. У устья реки Беследки в 1953 г. был обнаружен мраморный барельеф, относящийся к периоду Античности [11].

Район г. Очамчира

Здесь обследовался район в северо-западной части современного Очамчира, в 5 км от центра города. Этот участок примыкает с запада к античному городу и ранневизантийскому поселению Гиенос [12,13]. Береговая полоса здесь подвергается волновому воздействию. Возможно, часть поселения Гиенос в настоящее время в результате процесса абразии берега находится на морском дне. Здесь было обследовано два района на глубинах 1,2 м — 6 м, общей площадью 0,25 кв. км. При проведении работ применялся гидролокатор серии «Гидра», с помощью которого было выявлено 42 подводные цели.

Еще одним направлением работы экспедиции стало создание цифровой коллекции основных экспонатов Абхазского государственного музея и создание виртуальной экскурсии по залам музея. Также были созданы цифровые двойники четырех христианских храмов византийского периода.

Работа российско-абхазской подводно-археологической экспедиции будет продолжена в сезон 2023–2024 гг. Планируется дальнейшее изучение обнаруженных на морском дне подводно-археологических объектов (целей) в районах исследования от Гудауты — до Очамчиры, дальнейшее обследование древних поселений, располагающихся в прибрежной зоне, продолжение проекта по созданию цифровых двойников храмов Абхазии. Данные исследования проводятся в контексте изучения истории мореплавания, судостроения и морской торговли в регионе Большого Средиземноморья в древности и средневековье и являются частью проекта по сотрудничеству Севастопольского государственного университета с Институтом востоковедения РАН и учреждениями науки, культуры и образования Республики Абхазия.

Литература

1. Монахов С. Ю. Греческое амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог — определитель. Москва-Саратов: Изд-во «Киммерида», Изд-во Саратовск, 2003
2. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Уральский университет, 1995.
3. Ёлкин А. В. Атлас затонувших судов Черного и Азовского морей — 2. Тольятти, 2017.
4. Шервашидзе Л. А. Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса. Советская археология. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. № 3. С. 171–180
5. Цецхладзе Г. Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. 1. VI — начало V в. до н.э. Вестник древней истории. 1997. № 2. С. 100–116
6. Иващенко М. М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. Известия Абхазского научного общества. Вып. IV. Сухум, 1926. С. 93–104
7. Гулиа Д. И. Сухум — не Диоскурия. Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. Сухум: Издание АБНИИК'а, 1934. С. 83–97
8. Воронов Ю. Н. О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады). Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухум: Алашара, 1974. С. 24–38
9. Скаков А. Ю., Джоуа А. И. Комплексы второй половины V–IV вв. до н.э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии. Боспорские исследования. Вып. 7. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2004. С. 27–46
10. Джоуа А. И., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., Шамба Г. К. Новые находки археологической греческой керамики из района Диоскурии. Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 51–56
11. Трапш М. М. Мраморный барельеф из Сухуми. Вестник древней истории. М.: Академия наук СССР, 1954. № 1 (47). С. 163–165
12. Скаков А. Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников. Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Т. 1. Абхазия. Отв. ред.: Скаков А. Ю. М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. С. 23–75
13. Скакова И. В., Скаков А. Ю., Джоуа А. И. Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. *ByzantinoCaucasica*. Вып. 1. М.: Институт Востоковедения РАН, 2021. С. 9–53

References

1. Monakhov S. Yu. Greek amphoras in the Black Sea region. Typology of amphoras of the leading centers-exporters of goods in ceramic containers. Catalog — determinant. Moscow-Saratov: Publishing House «Kimmerida», Publishing House Saratovsk, 2003 (in Russian)
2. Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. Amphorae from the Byzantine Cherson complexes. Yekaterinburg: Ural University, 1995 (in Russian)
3. Elkin A. V. Atlas of sunken ships of the Black and Azov seas — 2. Tolyatti. 2017.
4. Shervashidze L. A. Solovyov L. N. Exploration of ancient Sebastopolis. Soviet archeology. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 3. Pp. 171–180 (in Russian).
5. Tsetskhladze G. R. Greek Penetration in the Eastern Black Sea Region: Some Results of the Study. 1.6th — the beginning of the 5th century BC. Journal of Ancient History. 1997. 2. Pp. 100–116 (in Russian).
6. Ivashchenko M. M. On the question of the location of the Dioscuria of the ancients. Izvestia of the Abkhaz Scientific Society. V. IV. Sukhum, 1926 Pp. 93–104 (in Russian).
7. Gulia D. I. Sukhum is not Dioscuria. Proceedings of the Abkhazian Research Institute of Local Lore. V. II. Sukhum: ABNIK's edition, 1934. Pp. 83–97 (in Russian).
8. Voronov Yu. N. On the dynamics of the shores of the Sukhum Bay in historical times (in connection with the problem of the localization of the Dioscurias). Collection of works of young scientists-historians of Abkhazia. Sukhum: Alashara, 1974. Pp. 24–38 (in Russian).
9. Skakov A. Yu., Dzhopua A. I. Complexes of the second half of the 5th — 4th centuries BC with bronze «egrets» from Abkhazia. Bosphoros studies. Issue. 7. Simferopol: Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, 2004. Pp. 27–46 (in Russian).
10. Dzhopua A. I., Ksenofontova I. V. Erlikh V. R., Shamba G. K. New finds of archaeological Greek ceramics from the area of Dioscuria. The Bosphoran Phenomenon: Problems of Chronology and Dating of Monuments. Materials of the international scientific conference. V. 2. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2004. Pp 51–56 (in Russian).
11. Trapsh M. M. Marble bas-relief from Sukhumi. Journal of Ancient History. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1954. 1(47). Pp. 163–165 (in Russian).
12. Skakov A. Yu. Abkhazia in antiquity: an attempt to analyze written sources. Scientific notes of the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga region. V. 1. Abkhazia. Ed.: Skakov A. Yu. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2013. Pp. 23–75 (in Russian).
13. Skakova I. V., Skakov A. Yu., Dzhopua A. I. Plinfa of the Early Medieval Temple in Gienos (Ochamchira, Republic of Abkhazia): publication of excavation materials 2019–2021. Byzantino Caucasica. V. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2021. Pp. 9–53 (in Russian).

Информация об авторах

ЛЕБЕДИНСКИЙ Виктор Викторович — кандидат исторических наук, заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, заведующий кафедрой «Востоковедение», Севастопольского государственного университета, Севастополь, Россия.

ПРОНИНА Юлия Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ В ТЯНЬЦЗИНЕ: ВЫЯВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

Янь Ли

Аспирант департамента истории и археологии
Дальневосточного федерального университета, Владивосток,
остров Русский

yuanlai418@163.com; ORCID: 0000-0002-5715-695X.

***Аннотация.** Под руководством научного руководителя профессора ДВФУ А. А. Хисамутдинова автор исследует историю российских жителей Тяньцзиня (Китай), поэтому проведение полевых работ в Тяньцзине имеет важное значение в исследовании этой проблемы. Автор совершил две поездки в Тяньцзинь (октябрь и декабрь, 2021), чтобы познакомиться с русской материальной культурой Тяньцзиня. Актуальностью статьи является большая ценность русской материальной культуры Тяньцзиня. В статье автор исследует материальную культуру тяньцзиньских русских с исторической и современной реальности, излагая ее важное значение для современного анализа российской диаспоры в Китае. В Тяньцзине до сих пор имеются здания, тесно связанные с русскими тяньцзинцами: Российское консульство, Русско-Азиатский банк, культурно-религиозные здания — Гордон-Холл, Еврейская синагога, общественные места — отель Дакуо и кафе Виктория (Кисслинга). Автор провела исследования в Тяньцзиньском городском архиве, где имеются документы о русских в Тяньцзине. Эти здания и документы являются историческими свидетельствами и следами русских жителей Тяньцзиня. Посещение этих мест помогает исследователям расширить источниковую и материальную базу исследований.*

Ключевые слова: Тяньцзинь; полевые работы; материальная культура; русские тяньцзинцы; русские в Китае

FIELD WORK IN TIANJIN: IDENTIFICATION OF MATERIALS ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN DIASPORA

LI YAN

Post-graduate student of the Department of History and Archeology of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island.

yuanlai418@163.com, ORCID: 0000-0002-5715-695X.

Abstract. *Under the guidance of the scientific adviser, Professor FEFU A. A. Khisamutdinov, the author explores the history of the Russian inhabitants of Tianjin (China), so field work in Tianjin plays an important role in the research of this problem. The author made two trips to Tianjin (October and December, 2021) to get acquainted with the Russian material culture of Tianjin. The relevance of the article is the great value of the Russian material culture of Tianjin. In the article, the author explores the material culture of the Tianjin Russians from historical and modern reality, outlines its importance for the modern analysis of the Russian diaspora in China. There are still buildings in Tianjin that are closely associated with the Russian Tianjin: the Russian Consulate, the Russian-Asian Bank, cultural and religious buildings — Gordon Hall, the Jewish Synagogue, public places — the Dakuo Hotel and the Victoria (Kisslinga) café / restaurant. The author conducted research in the Tianjin City Archive, where there are documents about the Russians in Tianjin. These buildings and documents are historical evidence and traces of the Russian inhabitants of Tianjin. Visiting these places helps researchers expand the source and material base of research.*

Keywords: Tianjin; field work; material culture; Russian Tianjin; Russians in China

Введение

Актуальностью статьи является уникальность русской материальной культуры Тяньцзиня для исследования истории российской эмиграции и жизни русских за рубежом. По ряду причин в Китае сохранилось очень мало источников, связанных с русской эмигрантской культурой. К счастью, в китайских городах, где жили русские эмигранты, имеются некоторые исторические здания с мемориальными табличками, которые находятся под охраной Китайского правительства.

О русском Тяньцзине имеются публикации на китайском языке: Ду Ликуня опубликовал статью «Белоэмигранты в Тяньцзине» и «Процесс существования Русской православной церкви в Тяньцзине» [1], Лю Чжунчжи подчеркнул роль русских в экономике — «Русские эмигрантские коммерсанты Тяньцзиня» [2], Ван Вэньжуй и Чжоу Эньюй проанализировали русскую общину в «Истории района Сяо-Бай-Лоу в Тяньцзине» [3] и др.

На русском языке напечатал статью У Яньцю — «Исторические особенности жизни русских евреев в Тяньцзине в 1920-е гг.» выявил [4]. В. С. Смирнов дал информацию о военных — «Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е — начало 1940-х гг.)» [5]. А. А. Хисамутдинов издал много работ о российской эмиграции в Китае. Среди них имеет важное значение «Серебренниковы из Тяньцзиня» и «Тяньцзиньская ветвь эмиграции» [6].

Российское консульство. Тяньцзинь является третьим центром российской эмиграции по численности в Китае, и одним из двух городов, где располагались русские концессии. 9 ноября 1900 г. Российская империя подписала Тяньцзиньский концессионный договор с Династией Цин. В результате появилась концессия к востоку от реки Хайхо. Там же находилась Железнодорожная станция Лаолунтоу, что вызвало недовольство Британских властей и привело к переговорам между Великобританией и Россией в Санкт-Петербурге. При посредничестве Германии и США Россия отказалась от вокзала и дороги, ведущей к нему, и вернула их Китаю. Таким образом, Русская концессия была разделена на два района: восточный

и западный. Она занимала общую площадь 3,98 миллиона кв.м. Превышая Британскую концессию по площади, Русская концессия в то время стала самой большой территорией [7, с. 57]. Тогда же правительство Российской империи открыло в этом районе консульство. В 1902 г. здание консульства построили на Консульской улице (ныне № 88, Шицзин-роуд, район Хэдун). Сейчас в нем располагается городской отдел коммунального хозяйства Тяньцзиня. (Рис. 1) [8].

Автор два раза посещала это здание. 8 октября 2021 г. не получив разрешения зайти во внутрь, автор только обошёл здание. Во второй раз, 27 декабря 2021 г., автору удалось пройти на первый этаж этого здания. В коридоре обнаружена фотография здания с начальным экстерьером. Интерьер здания почти не изменился. На табличке, висящей на фасаде здания, написано: «3 апреля 2009 г. Тяньцзиньское муниципальное народное правительство объявило, что это здание является историческим памятником. 5 января 2013 г. китайские власти утвердили это место как важную «реликвию и физического свидетеля истории и культуры» [9].

Напротив здания консульства находился Русский парк. Этот парк разбили в 1900 г. В парке было множество высоких ветвистых деревьев с густой листвой, кустов и цветников и располагались большой глубокий пруд, спортивная площадка и теннисный корт [7, с. 311]. Кроме этого, в парке стояла Часовня-памятник русским воинам, погибшим во время Боксёрского восстания 1900 г. «Впоследствии,— писал И. И. Серебренников,— в 1900 году над этой могилой был возведен величественный каменный памятник-часовня, которая десятью годами позже была расширена и стала первой эмигрантской церковью Тяньцзиня. По четырём сторонам часовни находились плиты с именами погребённых русских воинов, павших при защите Тяньцзиня. К сожалению, при последовавшем в 1929 г. еще при большем расширении церкви, произведенном на средства купца И. В. Кулаева, две таблицы-плиты были убраны и общая надпись на фронтоне памятника была изменена» [10, с. 100]. Этот тихий и красивый парк стал любимым местом жителей. В Тяньцзиньском краеведческом музее показывается фотография, на которой иностранные дети готовятся к соревнованию по бегу в Русском парке.

О. Д. Расмуссен пишет: «Русского парк — самое гордое место в Русской концессии. Так же, как люди в Сан-Франциско гордятся своим парком «Золотые ворота», жители Русской концессии испытывают гордость, когда упоминают об этом прекрасном парке. В жаркий летний день, прогуливаясь в прохладной и густой тени деревьев, забываешь о бескрайних пыльных равнинах. Этим восхитительным местом действительно стоит гордиться Русской концессии» [11, с. 312]. Сейчас Русского парка уже нет, на его территории стоят разные современные здания, рядом с Шицзин-роуд располагается маленький парк.

Русско-Азиатский банк. Другим историческим зданием в Тяньцзине является бывшее помещение Тяньцзиньского отделения Русско-Китайского банка, расположенное на улице Виктория (ныне ул.Цзефанбэй № 121) в бывшей Британской концессии. Двухэтажное здание построено из кирпича и дерева. Крыша здания увенчана куполом. План здания выполнен в Г-образной форме. Главный вход находится на пересечении улиц Цзефанбэй и Датун. (Рис. 2).[12].

Русско-китайский банк учредили в декабре 1895 г., его штаб-квартира находился в Санкт-Петербурге. Банк финансировался совместно Россией и Францией в размере 6 млн рублей, из которых на Францию приходилось $\frac{5}{8}$, а на Россию — $\frac{3}{8}$. В совете директоров были три представителя французских акционеров и пять представителей России [13, с. 156–157]. Китай не финансировал создание банка, но название банка связано с Китаем и учрежден для развития экономических связей России с Китаем и другими странами Восточной Азии. В 1910 г. Русско-Китайский банк переименовали в Русско-Азиатский банк.

В 1896 г. Русско-китайский банк открыл первое отделение в Шанхае, и в том же году основали Тяньцзиньское отделение. Это отделение играло важную роль в экономике города, обеспечив покупку земли и дальнейшую деятельность Русской концессии [7, с. 85]. 7 февраля 1903 г. Тяньцзиньское отделение в газете «Да-Гун-Бао» рекламировало: «Русско-Китайский банк планирует продать 111 участков русской концессии

с аукциона в 10 часов 28 марта в Русском консульстве, которое находится в Русско-Китайском банке, каждый участок составляет около 1333–2000 кв. м. Покупатели должны были внести залог 5% от общей стоимости участка. Чертежи участков и уставы продажи участков можно уточнить в Тяньцзиньском отделении Русско-Китайского банка» [14].

В 1910 г. Тяньцзиньское отделение Русско-Китайского банка учредило валютную биржу для торговой конкуренции с использованием российских рублей (широко известных как Qiangtie) в качестве основных торговых фишек. Тяньцзиньское отделение Русско-Китайского банка в основном занималось китайскими налоговыми делами, проведением сделок с местным властями и государственной казной Китая и выпускало российскую валюту [7, с. 85]. В газете «Да-Гун-Бао» опубликовали следующее объявление: «Тяньцзиньское отделение Русско-Азиатского банка продает краткосрочные военные облигации с 0.55%, выпущенные Россией второй раз в 1916 г.» [15]. 8 мая 1917 г. «И-Ши-Бао» опубликовала рекламу: «Тяньцзиньское отделение Русско-Азиатского банка продает российские государственные облигации с 0.5%, выпущенные в 1917 г.» [16].

После Октябрьской революции головной офис Русско-Азиатского банка и его филиалы в России были национализированы Советским правительством. Парижский филиал преобразовали в головной офис этого банка. Тяньцзиньское отделение сохранилось под защитой Британской концессии. В 1926 г. Русско-Азиатский банк решил приостановить деятельность из-за валютных спекуляций и деловых трудностей. Тяньцзиньское отделение также закрылось после получения уведомления парижского совета директоров о приостановке деятельности в сентябре того же года. Рубли превратились в макулатуру [13, с. 157]. (Рис. 3) [17].

В том же музее автор увидела фотографию русских военных. С. В. Смирнов отмечает: «Появление русской военной эмиграции в Тяньцзине было связано с поражением Белого движения на востоке России и эвакуацией частей Белой армии на китайскую территорию в начале 1920-х гг.» [18, с. 128]. Автор не согласен с мнением этого исследователя. В книге «Обзор Тяньцзиня в начале XX в.» упоминается: «для обеспечения свободно-

го сообщения между столицей и побережьем и обеспечения безопасности посольств различные страны разместили расквартированные войска в Пекине, Тяньцзине и Шаньхайгуане. В апреле 1901 г. на совещании под ведением маршала Вальдерзее было решено количество войск каждой страны. Россия создала штаб в Тяньцзине, в котором служили 77 военных» [19, с. 155–159]. В 1900 г. восемь империалистических стран направили войска для подавления боксеров в Китай (Ихэтуаньское восстание). 21 мая 1900 г. союзники захватили форт Дагу, а затем атаковали Тяньцзинь. На следующий день более 2000 русских солдат ожесточенно сражались с восставшими на железнодорожной станции Лаолунтоу. 18 июня Тяньцзинь захватили, и Русская армия заняла большую территорию на восточном берегу реки Хайхэ, включая станцию Лаолунтоу.

О числе русской военной эмиграции С. В. Смирнов отмечает: «Наконец, в первой половине 1930-х гг. японцы оккупировали северо-восток Китая и сформировали на ее территории государство Маньчжоу-го. Военная эмиграция в Тяньцзине расширилась за счет, прибывших из Харбина и других городов Китая. В это время эмигрантская община в Тяньцзине достигла своей максимальной численности — более шести тысячи человек, среди которых насчитывалось до тысячи бывших военных» [18, с. 128].

Культурно-религиозные здания. На улице Цзефанбэй располагается часть здания бывшего Гордон-Холла. Театральная жизнь русских Тяньцзиня была тесно связана с Гордон-Холлом (муниципальное управление Британской концессии). А. А. Хисамутдинов пишет: «Позднее образовался еще один кружок под названием «Театр и музыка». Обычно его постановки проходили в помещении Британского муниципального совета, где имелся концертный зал — Гордон-холл. После конфликта на КВЖД в 1929 г. в Тяньцзинь из Харбина приехал известный артист В. И. Томский, который преобразовал кружок «Театр и музыка» в профессиональную труппу. Вскоре он с артистами М. А. Тумановой и П. А. Дьяковым основал Тяньцзиньское артистическое общество, которое дало несколько спектаклей в Гордон-холле» [20, с. 42]. О выступлении русских артистов в Гордон-Холле так отмечается в дневнике (9 декабря 1934 г.) И. И. Сере-

бренникова: «Вчера вечером я с Н. В. Семеновой ходил в «Гордон Холл» посмотреть пьесу «В старые годы» Шпажинского. Выступали новые приехавшие, очевидно, из Харбина артисты Арказанов и Томский и артистка Любимова. Все трое понравились публике. Лично я был в восторге от игры Томского: это умный и тонкий комик. Он напомнил мне лучших русских комиков старого времени. Кажется в Тяньцзине создается хороший драматический театр из артистов- профессионалов» [21].

Автор еще посетила бывшую Еврейскую синагогу, которая находится на улице Нанкин, № 55. Ее построила в готическом стиле Еврейская религиозная община в период с 1937 по 1940 г. Сейчас в ней находится ресторан «№ 55 Winery». На втором этаже сохранилось окно и витраж с изображением традиционного светильника Ханукия. Еврейскую общину создали в 1901 г. и зарегистрировали в Русском консульстве. Несмотря на то, что тяньцзиньские евреи приехали в этот город из разных стран, но они имели одинаковые культурные и религиозные традиции. Еврейская синагога позволила им продолжать свои традиции и обычаи. Сэм Мюллер отмечает: «Завершение строительства синагоги позволило более 3500 евреев, проживавших в Тяньцзине, ощутить себя относительно независимым сообществом, которое соблюдало традиции и обычаи даже во время Второй мировой войны. В военное время это было убежище для евреев, спасавшихся от нацистского Холокоста» [22, с. 16].

К сожалению, в результате землетрясения Свято-Покровский храм разрушился в 1976 г. и его снесли в 1980 г.

Рядом с Еврейской синагогой расположена бывшая Британская школа, которую построили в 1928 г. В школе учились не только британские дети, но и другие иностранные дети, в том числе русские. И. И. Серебренников записал в дневнике 5 сентября 1934 г.: «Русские побогаче отдают детей в Английскую школу, победнее — во Французскую католическую, а самые бедные — в Русскую (или Еврейскую)» [23]. Сейчас на ее территории располагается Тяньцзиньская школа № 20.

На улице Чжэцзян, № 13 находится здание бывшего отеля Дакуо, построенное русским евреем Шубовым (Сui bo fu) в 1931 г. Отель представляет собой четырехэтажное здание с железобетонным каркасом, частично

с пятиэтажной башней. Интерьеры номеров отеля были роскошны, некоторые были с деревянными панелями и каминами. Архитектурный стиль отеля находится под влиянием современной архитектурной мысли, сосредоточив внимание на функциональности пространства и простоте формы, и имеет характеристики современного архитектуризма. Этот отель был известен русской кухней. Сейчас в нем расположены кафе Саньминцаоу и отель Aifeel.

На улице Чжэцзян, № 33 расположен ресторан Кислинга. В начале 1950 гг. ресторан Кислинга переместился в нынешнее здание. Раньше здесь располагалось Виктория-кафе. Виктория-кафе было очень известно в сфере европейской кухни старого Тяньцзиня. Ю Гоцин отмечает в книге: «В июне 1940 г. новое здание Кафе И-Шунь-Хэ построилось. Кафе И-Шунь-Хэ переименовалось в Виктория-Кафе. Кафе совместно управляли русский еврей Пуресь (Pu lie xi) и китайцы Ци Жушань и Хао Жуцзю. Четырехэтажное здание Кафе было великолепным, неоновые огни Виктория-бара сверкали всю ночь. Его масштабы не имели себе равных в Азии того времени» [24, с. 193].

Архивное учреждение. Тяньцзиньский городской архив — место, которое обязательно нужно посетить всем исследователям, занимающимся русской историей в Китае. Все материалы в архиве разделены на три категории по открытости. 1) электронные материалы, которые читатель сам может просмотреть в системе просмотра архива и сфотографировать; 2) материалы, которые читатель спрашивает у сотрудника архива и выписывает; 3) материалы, которые являются закрытыми. Для беспрепятственного и быстрого доступа к материалам читатель должен искать материалы на официальном сайте архива по ключевым словам, записывать код материала и сообщать код материала сотруднику архива. Затем сотрудник подскажет, к какому уровню относится материал.

Из материалов Тяньцзиньского архива автор узнал больше информации о жизни русской эмиграции в 1945 г. 27 февраля 1945 г. председатель комитета Русского госпиталя подал заявление начальнику главного полицейского управления Великого Тяньцзиня на проведение благотворительного бала. Автор перевел данное заявления с английского языка на русский: «Председатель и комитет Русского госпиталя при Бюро русской эмиграции в Северном Китае искренне просят Вас оказать любезное

разрешение на проведение благотворительного бала Русского госпиталя в помещении Русского национального клуба в 20:30, 17 марта 1945 г. Все доходы от благотворительного бала будут направлены на нужды Русского госпиталя. Целями Русской госпиталя в Тяньцзине является оказание усиленной медицинской помощи русской общине, а также любым другим дружественным подданным, а особенно нуждающимся...» [25].

12 марта 1945 г. президиум правления Общества граждан СССР в городе Тяньцзине подал заявление начальнику Главного полицейского управления на повторение концертной программы вечера, представленного в День женщины 8-го марта. В заявлении подчеркивалось: «Повторение программы вызвано теми причинами, что ввиду недостаточного помещения часть граждан не имела возможность просмотреть концертную программу. Вечер состоится в субботу 17-го марта с 9 до 11 часов вечера. Из концертной программы будут представлены лишь две инсценировки «Горячее сердце» и «Наши женщины». Вечер посетят приблизительно 120 человек — членов Общества... Ответственным распорядителем будет зам. Председателя правления Общества Рачковский А. А.» [25].

1 марта 1945 г. правление Общества граждан СССР в городе Тяньцзине подало заявление на проведение лекций (о Грибоедове, «Обзор событий на русском фронте», «От терема до Верховного Совета» и т.д.), которые состоятся в марте в помещении Общества. 9 апреля 1945 г. президиум правления Общества граждан СССР в городе Тяньцзине подал заявление начальнику главного полицейского управления на проведение базара-вечера, который состоится в воскресенье 15 апреля с 3 часов дня. Деньги, вырученные от продажи игрушек, пойдут на помощь членам Общества. Базар-вечер будет проведен согласно прилагаемой при сем программе. Участие в программе примут только члены Общества и посетят этот вечер приблизительно 250 человек. Ответственным распорядителем будет Мерпорт В. И., член президиума [25].

Вывод

Проведение полевых работ помогло автору расширить источниковую базу исследований и дополнить обследованиями материальной культуры, связанной с русской культурой в Тяньцзине.

Литература

1. Ду Ликунь. Белоэмигранты в Тяньцзине [杜立昆,白俄在天津]. Сборник культурно-исторических материалов Тяньцзиня. 1980; Т. 9: стр. 150–177; Он же. Процесс существования Русской православной церкви в Тяньцзинь [俄国东正教传入天津前后]. Сборник культурно-исторических материалов Тяньцзиня. 1979; Т. 2: стр. 176–187. (На кит. яз.)
2. Лю Чжунчжи. Русские эмигрантские коммерсанты Тяньцзиня [刘仲直, 天津的俄国侨商] Сборник культурно-исторических материалов Тяньцзиня. 2012; Т. 115: стр. 226–236. (На кит. яз.)
3. Ван Вэньжуй, Чжоу Эньюй. История района Сяо-Бай-Лоу в Тяньцзине [王文瑞, 周恩玉, 话说天津小白楼] Сборник культурно-исторических материалов Тяньцзиня. 1993; Т. 59: стр.130–145. (На кит. яз.)
4. У Яньцю. Исторические особенности жизни русских евреев в Тяньцзине в 1920-е гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2013; № 5 (21): стр.76–78.
5. Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е — начало 1940-х гг.). Клио. 2018; № 4 (136): стр. 127–134.
6. Хисамутдинов А. А. Серебренниковы из Тяньцзиня. Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1994; Т. 26: стр. 295–316; Он же. Тяньцзиньская ветвь эмиграции. Проблемы Дальнего Востока. 1999; № 2: стр. 118–122.
7. Tian jin shi di fang zhi bian xiu wei yuan hui. Tian jin tong zhi · fu zhi · zu jie. 天津市地方志编修委员会, 天津通志·附志·租界. Тяньцзиньские краеведческие хроники · примыкающие хроники хроники концессий. Изд-во: Тяньцзиньская академия социальных наук. 1996. 564 с. (На кит. яз.)
8. Полевые материалы автора (ПМА). Фотография. Здание бывшего русского консульства. Тяньцзинь. 27 декабря 2021.
9. ПМА. Фотография таблички бывшего русского консульства. Тяньцзинь. 10 октября 2021.
10. Серебренников И. И. Мои воспоминания.— Т. 2. В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь: Наше знание. 1940.
11. Расмуссен О. Д. История концессий в Тяньцзине: иллюстрированный очерк истории, рост Тяньцзиня. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство. 2008. (На кит. яз.)
12. ПМА. Фотография. Здание Русско-Азиатского банка. Тяньцзинь. 10 октября 2021.
13. Tian jin shi di fang zhi bian xiu wei yuan hui. Tian jin tong zhi · jin rong zhi. 天津市地方志编修委员会, 天津通志·金融志. Тяньцзиньские краеведческие хроники · финансовые хроники. Изд-во Тяньцзиньской академии социальных наук. 1996. 744. (На кит. яз.)
14. Da-gong-bao. 《大公报》(天津版). Да-Гун-Бао, Тяньцзинь, 1903. 7 фев. (На кит.)
15. Da-gong-bao. 《大公报》(天津版). Да-Гун-Бао, Тяньцзинь, 1916. 12 дек. (На кит.)
16. Yi-shi-bao. 《益世报》(天津版). И-Ши-Бао, Тяньцзинь, 1917. 8 мая. (На кит.)

17. ПМА. Фотография русских военных, выставлена в Музее Тяньцзиня. Тяньцзинь. 3 октября 2021 г. Ли Янь.
18. Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е — начало 1940-х гг.). Клио. Санкт-Петербург. 2018; № 4 (136): стр. 127–134.
19. Штаб японского гарнизона в Китае. Обзор Тяньцзиня в начале XX в. Тяньцзинь. 1986. (На кит. яз.)
20. Хисамутдинов А. А. Русский театр в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета. 2015. 63 с.
21. HILA (Hoover Institution Library and Archives). Serebrennikov I. I., box 1, folder 5. На обложке написано: «И. И. Серебренников. Дневник. 1934. Tientsin. China. Книга IV-я». Л. 1–197.
22. Сэм Мюллер. Вокруг Тяньцзиньской синагоги. Бюллетень Игуд Иоцей Син. 2010; № 402: стр. 16–17.
23. HILA. Serebrennikov I. I., box 1, folder 3. Л. 22–149 (последняя дата от 31 июля 1932).
24. You guo qing. Tian jin wei mei shi. 由国庆. 《天津卫美食》. Ю Гоцин. Вкусная еда Тяньцзиня. Тяньцзиньское народное издательство. 2011. 243 с. (На кит. яз.)
25. Тяньцзиньский городской архив. Ф.218. Оп. 6. Д. 6985. (На кит. яз.)

References

1. Du Likun. White emigrants in Tianjin. Collection of cultural and historical materials of Tianjin. 1980; Vol. 9: pp. 150–177; The process of the existence of the Russian Orthodox Church in Tianjin. Collection of cultural and historical materials of Tianjin. 1979; Vol. 2: pp. 176–187. (In Chinese.)
2. Liu Zhongzhi. Russian emigrant merchants of Tianjin. Collection of cultural and historical materials of Tianjin. 2012; Vol. 115: pp. 226–236. (In Chinese)
3. Wang Wenrui, Zhou Enyu. History of the Xiao-Bai-Lou District in Tianjin. 1993; T. 59: pp. 130–145. (In Chinese)
4. Wu Yanqiu. Historical Features of the Life of Russian Jews in Tianjin in the 1920s. Historical and socio-educational thought. 2013; No. 5 (21): pp. 76–78.
5. Smirnov S. V. Russian military emigrés in Tianjin (1920s — early 1940s). Clio. 2018; No. 4 (136): pp. 127–134. (In Russ.)
6. Khisamutdinov A. A. Serebrennikovs from Tianjin. Notes of the Russian Academic Group in the USA. New York, 1994; T. 26: pp. 295–316; Tianjin branch of emigration. Problems of the Far East. 1999; No. 2: pp. 118–122. (In Russ.)
7. Tian jin shi di fang zhi bian xiu wei yuan hui. Tian jin tong zhi fu zhi zu jie. Tianjin chronicles of local lore · adjoining chronicles · chronicles of concessions. Publishing house: Tianjin Academy of Social Sciences. 1996. 564 p. (In Chinese)

8. Field materials of the author (FMA). Photo. The building of the former Russian consulate. Tianjin. December 27, 2021.
9. FMA. Photograph of the plate of the former Russian consulate. Tianjin. October 10, 2021.
10. Serebrennikov I. I. My memories.— Vol. 2. In emigration (1920–1924). Tianjin: Nashe znanie. 1940. (In Russ.)
11. Rasmussen O. D. The History of Concessions in Tianjin: illustrated outline of History, The Growth of Tianjin. Tianjin: Tianjin People's Publishing House. 2008. (In Chinese)
12. FMA. Photo. The building of the Russian-Asian Bank. Tianjin. October 10, 2021.
13. Tian jin shi di fang zhi bian xiu wei yuan hui. Tian jin tong zhi · jin rong zhi. Tientsin chronicles of local lore · financial chronicles. Publishing house: Tianjin Academy of Social Sciences. 1996. 744 p. (In Chinese)
14. Da-gong-bao. Newspaper «Ta Kung Pao» (Tianjin Edition). Tianjin, 1903. 7 Feb. (In Chinese)
15. Da-gong-bao. Newspaper «Ta Kung Pao» (Tianjin Edition). Tianjin, 1916. 12 Dec. (In Chinese)
16. Yi-shi-bao. Newspaper “Yi Shi Bao” (Tianjin Edition). Tianjin, 1917. 8 May. (In Chinese)
17. FMA. Photograph of the Russian military, exhibited at the Tianjin Museum. Tianjin. October 3, 2021 Li Yan.
18. Smirnov S. V. Russian military emigrés in Tianjin (1920s — early 1940s). Clio. St. Petersburg. 2018; No. 4 (136): pp. 127–134. (In Russ.)
19. The headquarters of the Japanese garrison in China. Overview of Tianjin at the beginning of the 20th century. Tianjin. 1986. (In Chinese)
20. Khisamutdinov A. A. Russian theater in China. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo univeresiteta. 2015. 63 p. (In Russ.)
21. HILA (Hoover Institution Library and Archives). Serebrennikov I. I., box 1, folder 5. The cover says: “I. I. Serebrennikov. A diary. 1934. Tianjin. China. Book IV”. L. 1–197. (In Russ.)
22. Sam Mueller. Around the Tianjin synagogue. Bulletin Igud Yotzei Sin. 2010; No. 402: pp. 16–17. (In Russ.)
23. HILA. Serebrennikov I. I., box 1, folder 3. L. 22–149 (last date of July 31, 1932).
24. You guo qing. Tian jin wei mei shi. Delicious food in Tianjin. Tianjin People's Publishing House. 2011. 243 p. (In Chinese)
25. Tianjin City Archive. F.218. Op. 6. D. 6985. (In Chinese)

МУДИЕТТУ — ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕАТРА КЕРАЛЫ

Наталья Ростиславовна Лидова

ИМЛИ РАН, Москва, Россия,

nlidova@gmail.com, ORCHID 0000–0002–3983–303X

Аннотация: *Статья посвящена полевым исследованиям театра мудьетту (на языке малаялам — muṭiyēttu), являющегося одной из форм фольклорного искусства южноиндийского штата Керала. Переломным моментом в современной истории мудьетту стало его включение в 2010 году в список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО (не признанного и не ратифицированного в РФ), повлекшее за собой целый ряд как позитивных, так и негативных последствий. К числу положительных моментов обычно относят принципиальное изменение уровня известности и доступности мудьетту, увеличение числа посвященных ему научных работ, а также заметное изменение материального статуса исполнителей, получающих уже не только традиционную поддержку от индуистских храмов, но и от государственных структур. Гораздо реже обсуждаются отрицательные последствия. Превратившись из локальной, по сути, сельской театральной формы в признанный ЮНЕСКО шедевр мировой нематериальной культуры, мудьетту стал довольно быстро и принципиально меняться, трансформируясь из закрытого и даже труднодоступного мистериального представления для местных жителей в театрализованное представление для интернациональной публики. Возникла неизбежная в таком случае мода на мудьетту, что создало условия для коммерциализации этого искусства. В результате представления стали ставиться не только в соответствии с выработанным веками религиозным канонам, но и с учетом тех факторов, которые прежде не имели для него значения. Все это вместе создает серьезные угрозы для сохранения художественного и религиозного статуса мудьетту. Данная*

статья преследует две основные цели: 1) охарактеризовать мудиетту как вид традиционного керальского искусства, практически не известному отечественному читателю, 2) представить данные полевых исследований, проведенных в марте 2013 года в районе Трипунитхура (Кочин), Керала, зафиксировавшие еще аутентичную и не подвергшуюся изменениям традицию.

Ключевые слова: Мудиетту; театр; танец; пантомима; богиня Кали; ритуал; Керала; Дарика; ЮНЕСКО

MUṬIYĒṬṬU — FIELD RESEARCH OF KERALA FOLKLORE THEATRE

Natalia Lidova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, nlidova@gmail.com, ORCID 0000–0002–3983–303X

Abstract: *The paper is dedicated to the results of the field research conducted in South Indian state of Kerala focusing on Muṭiyēṭṭu theater, one of the local folklore art forms. It is argued that the inclusion of Muṭiyēṭṭu in the list of Masterpieces of the Oral and Intangible Cultural Heritage of UNESCO in 2010 became a turning point in modern history of this art form, affecting it both in a positive and negative way. The positive aspect concerns a fundamental shift in the level of popularity of Muṭiyēṭṭu, manifested in the appearance of a number of research projects and general publications, the creation of various databases, and finally, a noticeable change in the material status of performers which are now supported not only by Hindu temples, but also by the government. Much less frequently discussed are the negative consequences. Having been transformed from a local, in fact, rural theatrical form into one of the acknowledged achievements of humankind officially recognized by the UNESCO, the Muṭiyēṭṭu began to change quite quickly and fundamentally from a reserved and even hard-to-reach mystery performance for local community into a theatrical spectacle for the international audience.*

A kind of fashion for Muṭiyēttu arose, and as a result performances began to be staged not only in accordance with strict religious canons developed over the centuries, but also on occasions conditioned by commercial interests and public outreach. This tendency alongside a number of other factors creates serious threat to the preservation of the artistic and religious authenticity of the Muṭiyēttu performance, and hence to its cultural significance for humanity. This article has two main goals: 1) to describe Muṭiyēttu and offer a detailed analysis of this significant example of traditional Kerala art forms 2) to present a summary of field research conducted in March 2013 in Tripunithura (Cochin), Kerala, documenting a still authentic and unchanged tradition and collecting precious material for future research on the topic.

Keywords: Muṭiyēttu, theatre; dance; pantomime; goddess Kali; ritual; Kerala; Darika; UNESCO

В отличие от других, сохранившихся в Керале видов театра, прежде всего, кутияттама, являющего наследником классической санскритской драмы¹, мудиетту всегда был фольклорным искусством, сформировавшимся в контексте народных ритуалов. К числу отличительных особенностей, указывающих на фольклорное происхождение мудиетту, относится отсутствие сцены как ограниченного и отделенного от публики пространства, что обеспечивает абсолютную причастность и вовлеченность зрителей к разыгрываемому актерами спектаклю. На народные истоки указывает также почти полное отсутствие характерной для классической драмы сценической техники, а именно: развитого языка жестов (мудры), мимики и канонизированной пластики. При этом мудиетту выделяется на фоне других распространенных в Керале народных театральных форм, таких как тейям, тхейтту, тира, падаяни и считается более древним, чем все они.

В настоящее время мудиетту исполняется представителями четырех больших неродственных кланов², составляющих примерно восемь

¹ Нормативный канон этой традиции описан в «Натьяшастре» (II в. до н.э. — II в. н.э.) Бхараты.

² Это семья Пажур (Pazhoor), Модаккил (Modakkil), Варанатту (Varanattu) и Куньяскал (Kunnauskal).

театральных трупп. Клань происходит из деревень Пажур и Кижиллам, расположенных в районе Эрнаулама, а также деревни Коратти в районе Тришура. Никто кроме мужчин этих кланов (женщины не участвуют) представлять мудиетту не имеет права. Выступления традиционно проходят при индуистских храмах, расположенных в районах Эрнаулама, Идукки, Коттаяма и Тришура. Никакого современного обучающего центра мудиетту не существует. Актеры и музыканты получают традиционное образование от отца к сыну. Все клань придерживаются собственных традиций, что обуславливают некоторые отличия в содержании представляемой истории, костюмах, гриме, танцевальных движениях, способе устройства сцены, продолжительности спектакля и т. д.

Мистериальный спектакль рассматривается как жертвоприношение, приносимое богу от имени всего сообщества. Низшие касты заранее поставляют все, что требуется для представления, в том числе, кожу для барабанов, бамбук для изготовления ритуальных предметов, масло для факелов, пальмовые листья для костюмов и т. д. Они же стирают одежду исполнителей, раскрашивают маски и костюмы, изготавливают и держат по ходу спектакля факелы. Организация зрелища находится в руках старейшин, которые приглашают актеров и после согласования с астрологом, назначают дату. Сейчас мудиетту представляется с февраля по май, когда собран урожай и стоит сухая и жаркая погода. Раньше он также устраивался в случае эпидемии оспы, от которой представления мудиетту долгое время считались лучшим лекарством.

Несмотря на возросшую популярность, мудиетту до сих пор посвящено сравнительно немного исследований, большинство из которых, к тому же рассматривают не столько сам театр, сколько религиозные и социальные вопросы его функционирования в контексте керальского культа богини Кали, известной также как Бхагавати (Подательница благ) и Бхадракали (Благая Кали). Показательными в этом смысле являются публикации Сары Колдуэлл [1; 2, р. 184–207], обсуждающей ритуально-обрядовое и социальное значение мудиетту для культа богини. Еще более общий характер имеют публикации Жиля Тарабута, использовавшего мудиетту как один из примеров взаимоотношений жертвоприношения и зрелища в южноин-

дийской культуре [3, 4, Р. 127–54], а также Лоуренса Обера, рассматривавшего мудиетту как особый вид ежегодной сельской обрядности [5]³.

Гораздо более конкретный характер имеют работы французской исследовательницы Марианны Пасти (=Пасти-Абдул Вахид), посвятившей мудиетту свою докторскую диссертацию [8] и ряд публикаций [9, Р. 59–81; 10, Р. 329–61; 11, Р. 201–28; 12, Р. 72–98; 13]. Подобно другим исследователям, Пасти также интересуют не столько художественные, сколько этнографические, этнологические и религиозные аспекты мудиетту. Она подробно обсуждает то место, которые представления этого театра занимают в религиозной жизни общины и храма, характер отношений участников и т.д. Исследовательница затрагивает вопрос и о материальной основе зрелища, которое вне зависимости от того, спонсируется ли оно храмом, частным донором или представляется по обету, всегда является одним из самых важных и драгоценных подношений богине.

Характеризуя свой подход к изучению мудиетту, Пасти пишет: «Изучение более широкого контекста этого ритуального искусства заставило меня собрать информацию о богине из первых рук, используя этнографические приемы, от людей, ответственных за совершение мудиетту, и тех, кто тяготеет к ним, т.е. прежде всего, мужчин, священнослужителей среднего и высшего звена, администраторов, а также постоянных прихожан (в основном, образованных мужчин, женщин и молодежи из средних каст) тех храмов, где один раз в год совершается мудиетту» [13, Р. 4]. И далее: «Я обнаружила, что изучение популярного индуизма через призму ритуального театра, в частности, мудиетту, является захватывающим методом обращения к непосредственным отношениям между божеством и его почитателем, лежащим в основе народной религии» [13, Р. 8].

Подобно другим исследователям рассматриваемой традиции, Пасти уделяет значительное внимание мифу «Дарикавадха» (*Dārikavadham*), являющемся единственным в своем роде инсценируемым в мудиетту сюжетом и представляющим в лицах историю борьбы богини Кали с демонами Дарикой и Данавендрой. Важность этого мифа для Кералы трудно

---

³ Независимое направление исследований образуют написанные на малаялам работы индийских ученых [см. например, 6; 7].

переоценить. Пересказываясь из уст в уста, тиражируясь в огромном количестве буклетов, исполняясь в виде песен и рецитируясь в храмах во время пуджи, «Дарикавадха» пронизывает керальскую культуру насквозь. Представляя собой локальный вариант пуранического повествования о богине-воительнице⁴, этот миф имеет ряд отличий от эпического прототипа. В частности, Кали предстает в нем не как жена Шивы в ее гневной ипостаси, а как дочь, порожденная богом из его третьего глаза.

Хотя предание существует в Керале в нескольких вариантах, сюжетом мудиетту чаще всего служит следующая версия мифа:

Некогда во время одной из войн между кланами небожителей все демоны-асуры были истреблены. Тогда сестры Дарумати и Данапати предприняли суровую аскезу в надежде вымолить у Брахмы рождение сыновей. В результате у Дарумати родился сын Дарика (Dārikan), а у Данапати — Данавендра (Dānavēndran). Повзрослев, Дарика решил восстановить свой клан и с этой целью начал совершать аскетические подвиги, которые, в конце концов, привлекли внимание Брахмы. За подвижничество Брахма наградил Дарику невероятной силой, способностью создавать тысячи воинов из каждой упавшей на землю капли его крови и т.д. Главный дар Брахмы состоял в двух тайных мантрах, произнесение которых всегда возвращало Дарике жизнь. Передавая мантры доверенной жене Дарики Манодари, Брахма предупредил, что если кто-то, кроме нее узнает и произнесет их, то мантры тут же потеряют свою силу. Лишь от одного из даров Брахмы — неуязвимости в борьбе с женщиной, Дарика отказался, на что Брахма предрек, что тот падет от женской руки.

Получив эти дары, Дарика стал притеснять все живое. Когда терпеть стало уже невозможно, обитатели трех миров обратились за помощью к мудрецу Нараде (Nārādan), попросив того отправиться на Кайлас и рассказать Шиве о бесчинствах асура. Узнав о происходящем, Шива исполнился гневом, его третий глаз запылал огнем и из него вышла Бхадракали, дочь Шивы, которой тот поручил убить Дарику. Зная, что противник силен, Шива дал ей в помощь свою свиту из духов, призраков и оборотней

---

⁴ Древнейшей версией Devī Māhātmyam считаются соответствующие разделы Маркандея-пураны (81, 93).

(бхутов, претов и пищачей). Кроме того, по дороге Кали встретила Веталу, ужасную пожирательницу плоти, которая согласилась стать ездовым животным (ваханой) Бхадракали и участвовать в битве с Дарикой в надежде, что ей удастся досыта насытиться его кровью и плотью.

Наконец Дарика и Бхадракали встретились на поле боя. Почти сразу же стало ясно, что силы противников неравны. Асура был не просто очень силен, но и возрождался после каждого смертельного удара богини. Кроме того ряды армии Бхадракали редели, а войско Дарики увеличивалось каждый раз, когда на землю проливалась хоть одна капля его крови. Когда Кали и ее спутники были на грани поражения, богиня Картьяяни (одна из ипостасей жены Шивы), перевоплотившись в юную брахманку, отправилась к Манодари с целью выведать секретные мантры. Ей это удалось и, произнеся заветные слова, она отняла у Дарики значительную часть его силы, что позволило Бхадракали вначале потеснить армию демона, а затем и обезглавить его самого. Когда это происходило, Ветала, вытянув свой огромный язык, с огромной скоростью вращала им над полем боя, благодаря чему ни одна капля крови Дарики не упала на землю.

Победив Дарику, Бхадракали, размахивая его головой, отправилась на гору Кайлас, чтобы почтить этим подношением Шиву. Однако, поскольку гнев ее не утих, на своем пути она продолжала уничтожать все живое. Ярость Бхадракали смогли смягчить лишь два младенца, в которых Шива превратил своих сыновей Сканду (Субраманью) и Ганешу (Ганапати). Поскольку они оказались прямо у нее на пути, Кали остановилась, подняла младенцев и накормила их своим молоком. Придя в умиротворенное состояние, Кали продолжила свой путь, добралась до Кайласа и поднесла Шиве голову Дарики. Увидев мощь порожденной им дочери, Шива смутился и решил не оставлять ее с другими небожителями, но отправил на землю с обещанием, что люди будут почитать ее как величайшее божество.

Разыгрывание этого сюжета в мудиетту предполагает семь действующих лиц. Главной является роль Бхадракали, которую всегда исполняет ведущий танцор и, по совместительству, глава труппы, вторыми по значимости являются роли Дарики и Данавендры. К песрнажам второго плана относится бог Шива и мудрец Нарада, а также земной предводитель

армии Бхадракали по имени Койимпатанаяр (Kōyimpāṭanāyar). Еще одним персонажем, не имеющим прямого соответствия в мифе и представляющего обобщенный образ сопровождающих Кали духов, является Кули (Kūḷi), комический персонаж, берущий на себя важнейшую функцию переключения публики с напряженных патетических сцен на расслабляющие смеховые.

Полевое исследование театра мудьетту

Рассматриваемое представление состоялось в рамках театрального фестиваля, посвященного Кулашекхаре Варману⁵, проходившего с 26 февраля по 2 марта 2013 года в Трипунитхура (Кочин)⁶. Его уникальность была связана с тем, что миф был представлен целиком, от начала до конца, а не в сокращенной форме, как это стало практиковаться в последнее время. Мудьетту был устроен под эгидой и покровительством храма богини Бхадракали в Эрнауламе, актерами были представители семьи Пажур.

Официально мудьетту начался около 7 часов утра в субботу 2 марта 2013 г. сразу после утренней пуджи в храме. Актеры и музыканты еще затемно отправились в храм, чтобы совершить даршан, т.е. увидеть и почтить храмовый образ богини Кали. Надев новые одежды и получив благословение от главного жреца храма, актеры отправились готовиться к спектаклю, а музыканты начали музыкальное вступление⁷. Оркестр состоял из традиционных для мудьетту инструментов: большого высокочастотного барабана — чхенда (chenda), небольшого низкочастотного барабана — виккан (veekkan) и двух тяжелых медных тарелок-цимбал. Музыканты почти без перерывов играли весь день. Громкая барабанная дробь, далеко разносившаяся по округе, выполняла две функции: она слу-

---

⁵ Кулашекхара Варман — правитель Маходайяпурама (совр. Кодунгаллур), предположительно правивший с 978 по 1036 год, известен как великий покровитель театра и драматург, при дворе которого ставилась классическая санскритская драма.

⁶ Фестивал был организован Государственным санскритским колледжем и Международным центром по изучению кутияттама в Трипунитхура, а также Международным центром Чинмая в Велиянаде.

⁷ Присутствовать на этой церемонии мне не удалось, поскольку, в отличие от других штатов Индии, доступ иностранцев на территории индуистских храмов в Керале крайне затруднен и в большинстве случаев просто невозможен.

жила напоминанием о вечернем спектакле и, по поверью местных жителей, отгоняла вредящих представлению злых духов.

Параллельно происходило еще несколько важных церемоний. После обеда актеры отправились наносить грим, который по своему типу (натуральные пигменты, растертые с кокосовым маслом) и символике цвета характерен и для других театральных традиций Кералы. Черный грим с красными губами и многочисленными белыми акцентами на лице, изображающими следы от оспы, характеризует демонических персонажей, прежде всего, Дарику и Данавендру, в то время как зеленый грим с ярко алыми губами используется для богов и благородных героев.

Те же цвета составляют палитру художников, создающих из окрашенной рисовой пудры большое (примерно 3 на 5 метров) изображение богини Бхадракали. Этот ритуал, известный как каламежуту (Kalamezhuthu) или просто калам (Kalam) является традиционным храмовым искусством Кералы⁸. Изображение богини в полный рост со всеми иконографическими деталями выкладывается неподалеку от храма и того места, где будет проходить представление. Художник одной из традиционных каст⁹ должен обладать немалым мастерством, чтобы из окрашенной натуральными пигментами рисовой пудры¹⁰ создать иконографически точное изображение богини.

В данном случае художниками являлись Сукумаран Куруп и его старший сын Суреш, приступившие к созданию образа богини сразу после обеда. Традиционно это изображение создавалось на специально подготовленной земле, однако в данном случае из-за возможного дождя было выбрано небольшое помещение примерно в 20 кв.м. неподалеку от храма. После того, как храмовый жрец освятил комнату с помощью масляных светильников и пуджи, художники начали выкладывать рисовую пудру прямо на керамической плитке. Проведя линию с востока на запад,

⁸ Это искусство, называемое также дхоли-читра (dholi-chithram), или «рисовые рисунки», является неотъемлемой частью шиваитского культа.

⁹ Сейчас навыками этого искусства владеют примерно 120 семей из кланов Kurups, Theyampadi Nambiars, Theeyadi Nambiars и Theeyadi Unnis.

¹⁰ Белый цвет художники получают из рисовой муки, черный — из жженой шелухи риса, желтый — из куркумы, зеленый — из сухих листьев, красный — из смеси красной куркумы, извести и сока лайма и т.д.

они разметили область лица, от которого, строго соблюдая пропорции, они стали выкладывать тело богини. Поскольку Бхадракали не только воительница, но и богиня-мать, особое внимание было уделено символически значимой области груди. Насыпав две кучки неочищенного риса, художники покрыли правую грудь порошком черного цвета, а левую — зеленого, а затем поверх засыпали обе груди красной пудрой (Рис. 1).

Процесс шел очень быстро и через 2,5–3 часа образ богини был полностью готов, после чего Сукумаран Куруп отправился в храм, а Суреш согласился рассказать об искусстве калама. По его словам, это искусство абсолютно канонично. Сколь бы не был талантлив художник, он должен изображать все внешние атрибуты богов и богинь так, как это принято в традиции, регулирующей цветовую гамму, позы, украшения и прически для каждого божества. Некоторые вариации возможны лишь для образа Бхадракали и то только в том случае, если ее изображение создается перед мудиетту.

По мнению Суреша использование в качестве материала рисовой пудры намного сложнее фресковой живописи. Фрески двухмерны, в то время как в каламе художник знает приемы, способные создавать трехмерный эффект, подчеркивая такие важные части тела, как лицо, особенно глаза и губы, а также грудь богини. Кроме того, в храмовых фресках совсем не всегда изображается оружие, которое принципиально важно в создаваемом для мудиетту каламе, поскольку оно выражает мощь и агрессию богини. За день такого труда главный художник традиционно получал от 2500 до 3000 рупий, однако после получения статуса ЮНЕСКО стоимость его работы выросла примерно в 10 раз.

Беседа еще продолжалась, когда из храма вместе с главным художником пришли брахманы, актеры, певцы и музыканты. Под звуки песнопений и громкой барабанной дроби изображение Кали освятили с помощью пуджи. По периметру изображения поставили небольшие светильники, окурили его благовониями, опрыскали водой, сложили к ногам богини еду и цветочные гирлянды, после чего брахманы вместе с художниками разбили три спелых кокоса. Это было своеобразным гаданием, поскольку ровно разбившиеся кокосы с ярко-белой мякотью и прозрачным соком свидетельствовали о благополучии всего начинания.

Помимо внешних, все эти действия имели еще и тайную, эзотерическую составляющую. Дело в том, что в мудиетту богиня присутствует сразу в трех ипостасях: как мурти верховного божества храма, как сила, вселяемая в изображение Бхадракали из рисовой пудры и как перевоплощающийся в Кали актер. При этом должно происходить неоднократное перемещение духа Кали, причем медиаторами этого процесса являются главный брахман храма и ведущий актер. Вначале они отправляются в святилище храма и приглашают дух богини переместиться из ее статуи в горящую масляную лампу. Затем эту лампу со всеми предосторожностями приносят к временному изображению Кали и, сопровождая свои действия мантрами и ритуальными жестами, вселяют в рисунок, который после этого становится объектом поклонения. В нем дух Кали будет пребывать до начала спектакля, после чего он вновь переместится, теперь уже в изображающего Кали актера. Одержимость духом Кали, признаками которой является тремор конечностей, неконтролируемые движения глаз, подергивания уголков рта и другие внешние признаки, является неотъемлемой частью представления мудиетту.

Считается, что дух Кали вселяется в актера в момент одевания головного убора — муди или мути. Укрепление на голове этой огромной короны с нимбом, двигаться, а тем более танцевать в которой чрезвычайно сложно, является важнейшим символическим актом, недаром само название мудиетту буквально означает «коронованный», одевший или носящий муди (Рис. 2.). Муди, являющийся главным ритуальным предметом, до спектакля хранится в храме. Оттуда его доставляют прямо к началу представления для того, чтобы с помощью веревок прочно укрепить на голове главного актера. Актер в это время уже полностью одет, его костюм, в котором преобладают красные тона, достаточно прост, внимание привлекает лишь гипертрофированная накладная грудь ярко-алого цвета, сделанная из двух половинок крупного кокоса.

Перед надеванием муди актер в высшей степени сосредоточен. Он вполне осознает всю ответственность перехода в то особое состояние, которое позволит ему вместить дух грозной богини. Перед тем, как надеть корону, актер повязывает на голову красную ткань, Эта красная повязка

делает его невосприимчивым к любому виду ритуального или мирского осквернения. Повязав ее и надев корону, актер не выйдет из роли даже если в это время в деревне случится пожар или наступит смерть близкого родственника. Сразу после одевания муди актерам повязывают длинные светлые волосы из лыка, после чего немедленно начинается спектакль. Отсрочить его нельзя, поскольку, как верят все присутствующие, богиня Бхадракали уже овладела телом актера и находится среди них.

Эта важная церемония происходит в стороне. Зрители же собираются около большой круглой площадки, на которой и будет разыгрываться спектакль. Декорации в мудиетту полностью отсутствуют, а используемый реквизит минимален. Это большая деревянная ступа или крепкий стул и несколько факелов, в которые во время спектакля бросают тонко измельченную сосновую смолу, за счет чего они на мгновение ярко вспыхивают. Непосредственно перед началом спектакля сценическая площадка освящается с помощью лампы, другая большая масляная лампа зажигается в центре храмового двора, где она горит на протяжении всего спектакля. Кали, святилище которой остается открытым всю ночь, является главным зрителем мудиетту, недаром актеры стараются все время оставаться в зоне прямой видимости богини.

Сам спектакль состоит всего из нескольких событий, представляющих собой импровизированные сцены, способные длиться сколько угодно долго. Со стороны большинство из них выглядит как бесконечное кружение актеров по сценической площадке, с помощью цепочек несложных, но ритмичных танцевальных шагов. Монотонность состоящей из шагов и покачиваний корпуса танцевальной пантомимы преодолевается лишь рядом батальных сцен и комических интермедий. Все движения совершаются под звук оркестра, игра которого продолжается безостановочно всю ночь.

В процессе полевого исследования мной были выделены следующие сцены спектакля, начало и конец которых в ряде случаев отмечался растягиванием небольшого переносного занавеса.

Занавес, растянутый прямо перед светильником, скрывает двух исполнителей в образах бога Шивы и мудреца Нарады, оставляя видимыми лишь ноги актеров. Певцы начинают исполнять протяжное песнопение на языке малайлам, под которое Шива и Нарада медленно кружатся в плавном танце, почти полностью скрытом занавесом от зрителей. Исполняемое одновременно песнопение выполняет роль молитвы с восхвалением и прославлением сцены. В песнопении говорится, что место действия уже окроплено священной водой и освящено расположенной в центре масляной лампой, все жертвенные подношения, включая фрукты (бананы и кокосы), рис, воду, благовония, цветочные и листовые гирлянды, уже поднесены. Следующее песнопение представляет собой молитву в честь бога Ганеши, которому молятся ради успеха представления. Далее, также за занавесом, уже без музыки, один из актеров плавным речитативом пересказывает краткое содержание драмы на языке малайлам.

Под оглушительное крещендо занавес приспускают, так что становится видна голова сидящего на табурете бога Шивы, которого с двух сторон начинают осыпать лепестками цветов. Встав, Шива, в сопровождении мудреца Нарады, появляется слева от занавеса. Он обходит сцену по кругу близко к публике и вновь скрывается за занавесом. Через мгновение, встав на табурет и возвышаясь над присутствующими, он появляется в той части занавеса, где прикреплено изображение головы быка Нандина, ездового животного Шивы. Шива слегка покачивается, так что создается впечатление, что, восседая на Нандине, бог парит в небесах.

Нарада остается на сцене. Обходя ее несколько раз по кругу, он описывает злодеяния Дарики, одновременно смешивая публику неловкой походкой, ужимками и другими комическими действиями. Разрушая сценическую иллюзию, Нарада напрямую обращается к зрителям, выслушивая их просьбы к богу Шиве, главной из которых должна оставаться просьба убить демона Дарику. В конце Нарада и Шива покидают сценическое пространство.

За растянутым занавесом Дарика исполняет танец. Завершив его, он садится на табурет и, оставаясь невидимым, энергично сотрясает ткань двумя руками, предвосхищая тем самым свое появление на сцене. Так повторяется три раза, после чего занавес слегка приспускают, и в свете факелов становится видно маскообразное лицо Дарики. Занавес убирают и Дарика в сопровождении факельщиков и барабанщиков совершает несколько круговых обходов сцены. На факелы при этом активно сыплют порошок из смолы, за счет чего они ярко вспыхивают, символизируя совершенные Дарикой разрушения. Исполнив еще несколько энергичных танцев с кинжалами в обеих руках, Дарика совершает ритуал пуджи перед горячей лампой, которая репрезентирует центр мироздания. Он делает несколько поклонов и рассыпает перед лампой цветы. Затем, встав на табурет и оказавшись заметно выше находящейся рядом публики, актер совершает поворот вокруг своей оси. Остановившись в направлении четырех основных сторон света, Дарика издает громкие, переходящие в рев крики, сообщающие миру о его непобедимости и могуществе.

За занавесом появляется актер в образе богини Бхадракали. Отвечая на боевой клич Дарики, она также отрывисто и громко кричит. Они как бы перекрикивают друг друга, за счет чего возникает своеобразный диалог между демоном и богиней. Продолжая оставаться разделенными занавесом, Кали и Дарика под оглушительный грохот барабанов и цимбал, исполняют боевой танец каждый со своей стороны. Дарика активно размахивает двумя бутафорскими кинжалами, а Кали — мечом и большим серпом. Внезапно занавес падает, и противники оказываются напротив друг друга. Делая угрожающие выпады, они стремительно двигаются, пытаясь продемонстрировать свою силу и устрасить противника. Занавес вновь поднимается и Дарика, находящийся со стороны зрителей, покидает сцену.

Кали остается за занавесом. Устроившись на табурете и оставаясь невидимой, она трижды громко кричит, сотрясая при этом занавес. Закончив эту пантомиму, Кали вновь появляется на сцене. В сопровождении барабанщиков и факельщиков она несколько раз обегает по кругу сценическое пространство, а затем исполняет быстрый, энергичный танец, дви-

жения которого призваны продемонстрировать физическую и духовную мощь богини. Затем, устроившись на табурете, актер, изображающий Кали медленно перебирает длинные светлые волосы. Плавно раскачиваясь, он как бы погружается в глубокую медитацию. Затем он неожиданно и резко поднимается со стула и, так же, как Дарика, совершает пуджу около горящей лампы. Вначале он рассыпает цветы непосредственно около светильника, почитая тем самым центр мира, а затем по четырем сторонам света от него. Далее следует еще одна сцена медитации, после чего, резко встав со стула, Кали демонстрирует невероятный прилив сил. Всем своим видом актер показывает, что наступило время действовать, и в подтверждение Кали начинает точить свой меч. Затем, закружившись по сцене в страстном и энергичном танце, Кали последовательно останавливается в направлении четырех сторон света, где она громко кричит, бросая вызов Дарике. Завершив танец, Кали возвращается к стулу. Приняв величавую позу и воссев на нем как на троне, она в последний раз громко и торжественно вызывает Дарику на бой. Из-за занавеса раздается оглушительный крик Дарики, свидетельствующий о том, что он слышит и принимает вызов Бхадракали.

Кали сидит на табурете в центре сцены, на которую выходит персонаж по имени Койимпатанаяр, одетый в традиционное для Кералы воинское облачение, с мечом и щитом в руках (Рис. 3.). Он глава войска Кали. Поклонившись богине и произнеся молитвословие в честь покровительствующего сцене бога Ганеши, Койимпатанаяр вступает в перепалку с музыкантами. Смешав публику, он начинает пересказывать анекдоты из жизни деревенского общества, что на время переносит сценическое действие из мифологической реальности в сельскую жизнь Кералы.

Около трех часов утра в сопровождении факельщиков и барабанщиков на сцене появляется Кули — крайне уродливый гротескный персонаж, клоунесса, выглядящая как карикатура на женщину из низшего сословия (Рис. 4.). Кули это не столько антипод, сколько alter ego грозной богини [подробнее см. 2. Р. 184–207]. Выбежав на сценическую площадку с двумя вениками из листьев в сопровождении еще одной клоунессы, со снопом колосьев и небольшой, наполненной рисом, деревянной ступкой, Кули

совершает земной поклон, буквально падая к ногам Бхадракали. Затем она начинает дразнить и задирать зрителей, толкая их и заставляя смеяться. Желаящие получить особое благословение Кули для себя и своих детей, предлагают ей деньги. В зависимости от величины пожертвования, Кули либо прикасается к голове ребенка или берет его на руки и весело обегает с ним всю сценическую площадку. Взбодрив аудиторию и подготовив ее к главной сцене спектакля, Кули и ее спутница покидают сцену.

На сцене появляются демоны Дарика и Данавендра (рис. 5). Различить их непросто, поскольку их костюмы и головные уборы однотипны. Покружив по сцене вначале по одиночке, а затем вместе, и позволив зрителям хорошо разглядеть себя, братья покидают сцену.

На фоне растянутого занавеса Кали и Кули изображают, что они идут по лесной тропинке, пробираясь в логово Дарики. Сам Дарика с Данавендрой стоят с другой стороны занавеса. Под оглушительные звуки барабанов занавес падает, и противники неожиданно оказываются лицом друг к другу. Выдержав паузу и усилив тем самым драматичность момента, они вступают в ожесточенный поединок. Сцена сражения сопровождается оглушительной барабанной дробью. Следуя музыке, неоднократно меняющей свой ритм, актеры отступают и наступают, гоняясь друг за другом по сценической площадке. Когда силы актеров оказываются на исходе, они на время расходятся. Оставаясь в одном сценическом пространстве, Кали и Дарика усаживаются на стулья на значительном расстоянии друг друга и, как бы отрешаясь от происходящего, начинают бормотать заклинания и молитвы. Отдохнув, актеры вновь начинают размахивать оружием и несколько раз сходятся в ожесточенном поединке.

В разгар битвы Кали внезапно останавливается и теряет сознание. Оркестр также неожиданно стихает, и наступившая тишина кажется оглушительной. Причиной происходящего являются тайные мантры Брахмы, произносимые женой Дарики Манодари. Койимпатанаяр и Кули пытаются привести Кали в чувство, они ухаживают за ней, обмахивают тканью и предлагают воду. Поскольку дух Кали временно покидает тело актера, они снимают с него корону. В конце концов, Кали приходит в себя, на голове актера вновь укрепляют корону, и богиня с новыми силами вступает

в бой. Следует самый продолжительный танец, во время которого Кали, Койимпатанаяр, Кули, Дарика и Данавендра энергично кружатся по сцене, время от времени изображая сцены единоборств.

Далее следует кульминация спектакля. Кали настигает Дарику в центре сцены, прямо около лампы. Она энергично толкает его за растянутый занавес и под оглушительные звуки барабанов буквально через мгновение появляется вновь, демонстрируя всем головной убор демона. Эта корона, символизирующая отрубленную голову Дарики, свидетельствует о победе богини. Удерживая в одной руке головной убор, а в другой, высоко поднятой руке — горящий факел, Кали несколько раз обегает сценическую площадку и устрашающе кричит. Таким образом она изображает путешествие на Кайлас, а вспыхивающий от хвойного порошка факел, указывает на причиняемые ею разрушения. Актер очень энергично и небезопасно размахивает факелом над головами зрителей, что интерпретируется как освобождение от всех, накопленных ими в течение года грехов. Постепенно Кали успокаивается и демонстрируя умиротворение, совершает еще одну пуджу, рассыпая цветы около лампы и произнося несколько молитвословий в благодарность богам сцены.

Для полного завершения ритуала требуется провести еще две церемонии. Первая из них связана с освобождением духа Бхадракали из тела актера, который ради этого вначале снимает муди, которую вместе с оружием и другими ритуальными предметами кладут на установленный рядом с лампой табурет, а затем и красную повязку. Как я могла наблюдать, это был не вполне технический момент. Когда актера освободили от тяжелой короны и повязки, его тело начали сотрясать мощные, неконтролируемые конвульсии. Так продолжалось какое-то время, пока находившийся рядом брахман напряженно читал молитвы. После нескольких особенно сильных конвульсий, актер на мгновение замер, как бы потеряв сознание, а затем, придя в себя, выглядел крайне усталым и опустошенным.

Еще одна церемония связана с уничтожением временного изображения богини. Сотворив несколько молитв и выполнив ряд земных поклонов на восток, где уже всходило солнце, храмовый брахман смешал слои пудры (рис. 7), после чего начал раздавать цветной порошок всем

желающим. Получившие будут хранить его целый год, веря, что с ними пребывает частичка божественной силы и защиты Бхадракали. Изображение отрубленной головы Дарики в руке богини брахман оставил нетронутым, поскольку, как он пояснил мне позднее, никто не захотел бы получить эту пудру в качестве благословения.

Уже утром брахманы вместе с актерами и зрителями доставили корону Бхадракали в храм, где она будет храниться до представления следующего года. Рядом с ней на полочках пониже займут свое место короны Дарики и Данавендры, а также считающиеся священными музыкальные инструменты.

В заключение следует сказать, что проведение полевых исследований мудиетту чрезвычайно важно как для фиксации современного состояния этого театра, так и для оценки его трансформации в будущем.

Литература

1. Caldwell S. L. On Terrifying Mother: The Mudiyettu Ritual Drama of Kerala, South India. Berkeley: University of California Press; 1995.
2. Caldwell S. L. Kali and Kuli. Female Masquerades in Kerala Ritual Dance. In: Shulman D., Thiagarajan D. (eds.). Masked Ritual and Performance in South India. Dance, Healing, and Possession. Ann Arbor: University of Michigan; 2006. P. 184–207.
3. Tarabout, Gilles. Sacrifier et donner à voir en pays Malabar. Les fêtes de temple au Kerala (Inde du Sud): Etude anthropologique. Paris: Ecole Française d'Extrême Orient, 1986; vol. CXLVII.
4. Tarabout, Gilles. L'évolution des cultes dans les temples hindous. L'exemple du Kérala (Inde du Sud). In *Renouveaux religieux en Asie*. Edited by Clémentin-Ojha. Paris: EFEO, 1997. P. 127–54.
5. Aubert, Laurent. Les Feux de la Déesse. Rituels villageois du Kerala (Inde du Sud). Lausanne: Editions Payot Lausanne. Collection Anthropologie-Terrains; 2004.
6. Choondal, Chummar. Muṭiyēttu': nāṭōṭināṭaka pathanam. Trichur: Kerala Folklore Academi, 1981.
7. Rajagopalan, C. R..Muṭiyēttu' nāṭōṭinēraraniṅgu. Folklore Study Series 3. Trichur: Centre for IK/Folklore Studies, 2003.
8. Pasty Marianne. Au plaisir de la déesse. Le muṭiyēttu' du Kerala (Inde du Sud): étude ethnographique d'un théâtre rituel entre tradition et modernité. Ph.D. thesis, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris, 2010.

9. Pasty, Marianne. Un théâtre pour le plaisir de la déesse: culte, dévotion et société au Kerala (Inde du Sud). In: *Théâtres d'Asie à l'œuvre. Circulation, expression, politique*, Edited by Gérard Toffin and Hélène Bouvier. Paris: Ecole Française d'Extrême Orient, 2012. P. 59–81.
10. Pasty-Abdul Wahid, Marianne. Our Dēvi is like that. An ethnological insight into the image of the Hindu goddess Bhadrakālī in popular South Indian belief and temple practice. In: *Journal of Hindu Studies* 9, 2016. P. 329–61.
11. Pasty-Abdul Wahid, Marianne. When Theatre Makes the Ritual Work. Imitation, Materialisation and Reactualization in the Malayali Ritual Theatre Muṭiyēttu. In: *Debicka-Borek, E., Ganser E. (eds.). Theatrical and Ritual boundaries in South Asia*, Cracow Indological Studies 19, 2017. P. 201–28.
12. Pasty-Abdul Wahid, Marianne. 'She doesn't need muṭiyēttu' there'. The Interplay of Divine Mood, Taste and Dramatic Offerings in South Indian Folk Hinduism. In: *Religions of South Asia* 11 (1), 2017. P. 72–98.
13. Pasty-Abdul Wahid Marianne. Bloodthirsty, or Not, That Is the Question: An Ethnography-Based Discussion of Bhadrakālī's Use of Violence in Popular Worship, Ritual Performing Arts and Narratives in Central Kerala (South India). *Religions* 2020, 11 (4), 170. P. 1–29.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СУВАРА X–XIII ВЕКОВ

Дмитрий Федорович Мадуров

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»,
Чебоксары, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0001-8138-8905>, mofmat@mail.ru

Аннотация. *Вопреки методике локализации древних городов, сегодня принято локализовать столицу Суварского государства г. Сувар (IX–XIII вв.) на месте Кузнечихинского городища в Республике Татарстан, однако анализ древних источников, карт и географических координат указывает на междуречье рек Волги и Свияги, где находится крупнейшее неизученное сегодня городище до монгольского периода, Староалейкинское. Уникально не только само городище площадью 243.1 га, но его стратегическое месторасположение и наличие сразу 6 городами с окружающими их селницами в ближайшей округе. Сама округа надежно защищена с юга мощнейшими Арбузовскими валами болгарского периода вдоль которой наблюдается древний волок. Помимо Старого Суvara, исторические документы упоминают Ас Сувар или Саксин, появившийся в ходе развития Суварского государства.*

Ключевые слова: Сувар; Булгар; Саксин; Поволжье; Староалейкинское городище; IX–XIII вв.; сувары; болгары; история; чуваш

HISTORICAL GEOGRAPHY OF SUVAR X–XIII CENTURIES

Dmitrey Feodorovich Madurov

AN-PO «Center for Strategic Studies of the Ulyanovsk region»,
Cheboksary, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8138-8905>, mofmat@mail.ru

***Abstract:** Contrary to the method of localization of ancient cities, today it is customary to localize the capital of the Suvar state the city of Suvar (IX–XIII centuries) on the site of the Kuznechikha settlement in the Republic of Tatarstan. However, the analysis of ancient sources, maps and geographical coordinates points to the interfluvium of the Volga and Sviyaga rivers, where the largest unexplored settlement before the Mongol period, Staroaleikino, is located today. Not only the settlement itself with an area of 243.1 ha is unique, but its strategic location and the presence of 6 cities with surrounding villages in the nearest district at once. The district itself is reliably protected from the south by the most powerful Arbuzov ramparts of the Bulgar period along which there is an ancient portage. Besides Old Suvar, historical documents mention As Suvar or Saksin, which appeared during the development of the Suvar state.*

Keywords: Suvar, Bulgar, Saksin, Volga region, Staroaleikino settlement, IX–XIII centuries, Suvars, Bulgars, history, Chuvash people.

Причины локализации Сувара на месте Кузнечихинского городища

Как памятник археологии Кузнечихинское городище на территории нынешнего Татарстана впервые упоминает К. И. Невоструев, без обозначения предполагаемого названия [1]. Сопоставить его со столицей Суварского государства, городом Суваром середины IX — первой трети XIII в., в качестве гипотезы предложил Ш. Марджани [2, с. 34]. В основу гипотезы легло название пригорка «Свар-гора», находившегося вблизи старейшей в округе деревни, называвшейся по-чувашски Эреджеп, позднее отатарившейся и ныне называющейся Старый Баран, тат. Иске Рязяп (Иске Рэжэп).

Исследователь Г. Н. Ахмаров, посетивший Кузнечиху в мае 1893 г., лишь убедил общественность в том, что это городище якобы известно и татарам, и чувашам далеко за его пределами — в Чистопольском, Лаишевском, Мамадышском уездах, — под названием «Суар», «Свар» соответственно. Также он сообщает, что название древнего города перешло и на русские поселения. Так, Кузнечиха стала называться «Иске

Суар» и «Кивё Свар», а Новая Кузнечиха — «Янгя Суар» и «Сёнё Свар» [3]. Все это явная мистификация, поскольку местные русские городище возле села называли «турецкий город», а название «Сёнё Свар» у чувашей до того не зафиксировано. Само село Кузнечиха впервые описано в 1727 г. в метрической книге как село Петропавловское [4]. Согласно сведениям В. К. Магницкого, село Кузнечиха было основано русскими — выходцами из города Кузнецка Саратовской губернии. «Предание» о Суваре в контексте Кузнечихинского городища не известно среди чувашей и не зафиксировано этнографами Чувашии ни в одном из районов (уездов) указанных выше. А ведь Г. Н. Ахмаров утверждал, что оно широко известно всем. «Открытие» Г. Н. Ахмарова, к сожалению, не вызвало подозрений у С. М. Шпилевского. Отметим, что сегодня татарское название русского села Кузнечиха — Иске-Курсиха, а не «Иске Суар», изобретенное Г. Н. Ахмаровым.

Топоним, звучащий как Свар, по-чувашски пишется савър, «сурок». Подобный топоним существовал не только возле деревни Эреджеп (Старый Баран), но и в селе Чувашское Дрожжаное: Савър варё, «Сурковый лог» (WGS84: 54.707842, 47.525855). Подобные места чуваша выделяли особо, запрещая там охоту, выгон скота и пахоту. Запрет мотивировался тем, что по чувашскому преданию, после гибели нашего государства в период монгольского господства сувары (савар), скрывались в глухих местах, в тайных землянках, и часть из них со временем превратилась в бессловесных сурков (савър) [5, с. 95].

Кузнечихинское городище не является историческим Суваром. Это рядовой город Серебряной Булгарии с рядовым набором археологических артефактов. Общепринятое мнение о тождественности этого городища и Суvara сложилось благодаря мистификации Г. Н. Ахмарова в 1893 г., недоступностью на тот момент существующих исторических карт, а позже — политизации проблемы о Волжской Булгарии.

К сожалению, отчет 1974 г. Т. А. Хлебниковой, вопреки археологической методике, был назван: «Отчет о работах на городище Сувар в 1974 г.» [6]. Между тем, казанские исследователи признаются: «Но мы до сих пор не можем уверенно утверждать то, что городище, которое условно имену-

ется в науке Суваром, и есть настоящий Сувар, о котором говорили арабы раннего Средневековья. В его локализации мы опираемся только на память болгаро-татар, проживавших в этой местности» [7, с. 122].

Следует отметить, что локализация Суvara на Кузнечихинском городище не нашла всестороннего одобрения. Н. А. Караулов локализовал: «Сувар — на месте нынешнего Сарая» [8, с. 20]. «Сенковский и Григорьев смешивают Симбирск с другим знатным городом болгарским Сивар, в коем били и монеты» [1, с. 26–30].

Исторические сведения о локализации Суvara

Понимание того, что гипотеза Г. Н. Ахмарова о местоположении Суvara не выдерживает никакой критики, заставило нас заняться поиском городища, соответствующего древнему Сувару. В качестве гипотез были рассмотрено несколько вариантов локализации Суvara. Город Самара, основанный «на Сиваре», не имеет в настоящее время подтвержденных археологических слоев городища X в. [9]. Возможно, «Сивар» — это историческое название местности, сохранившееся вплоть до XVI в., сформировавшееся как историческая маркировка государственной принадлежности этой территории в дозолотоордынский период. Муромский городок в Самарской Луке неплохо изучен, но называть его городищем, основанным в X в., можно лишь с большой натяжкой, т.к. убедительных материалов пока что недостаточно [10]. Упомянутые Ф. Ф. Чекалиным три каменные башни на Канадейском городище (юг Ульяновской области) на поверку оказались природным объектом [11, с. 452].

На всех картах XII–XIII вв. Сувар обозначен не на левом, а на правом берегу реки Волги. Так, на карте мира 1154 г. ал-Идриси Сувар обозначен в правобережной части реки Атил (Итиль), северней Бейды и южней левобережного Булгара [12, р. 404; 13, с. 111]. На карте Махмуда Кашгари Сувар указан на правобережье Волги, а Булгар — на левобережье [14, с. 409]. На карте XIII века ат-Туси Сувар находится на правобережье реки Волги [15; 16] (Рис. 1). Кому же верить — господину Г. Н. Ахмарову или средневековым картографам? (рис. 1)

На карте Фра Мауро 1459 г. междуречье Волги и Свияги выделено в виде острова и, по античной традиции, названо Амазонией (AMAZONIA). На карте обозначен город Vedafuar (чув. Ватӑ Сувар «Старый Сувар»). «Веда Суар» обозначен в междуречье Волги и Свияги, на противоположном городу bolgar берегу реки EDIL [17].

Братья Пицигани на карте 1367 г. обозначают междуречье Волги и Свияги как Çiçera, Zizera, Cicerca [17], и это ясно по окружающей топонимике. Заметим, что Çiçera, Zizera, Cicerca — очень похоже на среднебулгарское заимствование арабского джазира, «остров». Взглянув на современную географическую карту, увидим, что русла рек Волга, Свияга и Уса (чув. Асӑ) образуют подобие острова.

На карте Николаас Витсена 1704 г. город Свияжск обозначен как «Swárski». Согласно чувашским преданиям, Свияжск основан на священном для чувашей полуострове, где, в знак союза с чувашским народом, князь Московский Иван IV принес в жертву белую лошадь (18, с. 69). Свияга происходит от чувашского Сёве. В чувашском, ни в татарском, ни в финно-угорских языках слово сёве не имеет смысла. Карта Н. Витсена может свидетельствовать, что изначально город Свияжск был назван по реке, у которой было два имени: Сёве и Сувар, перешедшее в «Суварск». Следует помнить, что карта Фра Мауро составлена значительно ранее карты Н. Витсена (1704 г.), а значит, топоним «Старый Сувар» является основополагающим.

Среди всех городищ междуречья Свияги-Волги лишь Староалейкинское наиболее актуально для сопоставления с Суваром. Городище относится к наиболее крупным: 243,1 га мысовых, овражно-мысовых частично подчиненных рельефу местности. Городище разделено на детинец, северный и южный посады и практически не изучено, культурный слой фиксируется локально, городище — домонгольского периода [19, с. 159–160]. В мысовой и северо-западной части детинца встречается керамика Именьковской археологической культуры (0,1% от всего подъемного материала).

Неординарность Староалейкинского городища в том, что оно вместе со своей округой, составляет укрепрайон, в котором река Свияга течет

на север, а Волга — на юг. Арбузовские валы, исследованные Р. Г. Фахрутдиновым в 1971 г., дозолотоордынского времени [20]¹. Здесь проходил древний волок².

Арбузовские валы защищали в междуречье Волги и Свияги с юга култ близлежащих укрепленных городов болгарского периода: Староалейкинское городище, Красносундюковские городища 1 и 2, Ундоровские городища 1, 2, 3, а также, возможно, Уланов городок у деревни Ростоккино [1]. Каждому из этих городов сопутствовали селища. Эта округа вполне могла выставить 10-тысячную армию в самый ранний период своего существования.

Наиболее раннее написание этнонима сувар мы встречаем в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» Ибн Хордазбега в форме 21] سوفار, с. 326]. Эти сведения использует Ибн ал-Факих аль-Хамадани (рубеж IX в. и X в. Около 903 г.) [22].

В Мешхедской рукописи Ибн Фадлана (922 г.) всего лишь раз упоминаемый этноним «сувар» содержит досадную опечатку, замеченную А. П. Ковалевским. Вместо повсеместного, в других источниках, этнонима سوار «сувар» написано سوان «суван». Лишняя точка породила ряд гипотез и толкований, вплоть до генезиса этнонима суваз в чуваш [23, с. 35; 223].

Ал-Мукаддаси (ок. 946/947 — ок. 1000) упоминает крупные хлебные посеы Суvara [8]. В переводе В. М. Бейлиса последняя фраза звучит: «У них много посевов и хлеб там в изобилии» [24, с. 289].

Вероятней всего, разницу в С-вар и С-в-р в письме хакана Иосифа (ок. 960 г.) можно объяснить существованием в ту эпоху савир (сабир) на Кавказе и сувар на Волге [25, с. 98–99].

¹ По нашим данным: луговые укрепления тянутся на 1140 м и имеют ширину 10–16.5 м, высоту 1,7 м. В нагорной части длиной 1976 м высота валов увеличивается до 2.55 м при ширине укреплений 15 м, глубине рва 2.85 м и его ширине до 9 м 5. На самом краю верхней террасы вал расширяется, и по всей видимости здесь находилась наблюдательная башня. Вдоль валов, от Волги, по речке Протомойка в сторону широко разливавшейся в средневековье старице реки Свияги до Староалейкинского городища всего 4 км посуху.

² Невоструев К. И. считает, что Арбузовские валы использовались в качестве начала Второй Тетюшской засечной черты XVII в. [1].

Наиболее раннее написание этнонима сувар встречаем у Ибн Хордадбега в форме حوردادبيخا. Это старое начертание в арабском языке, при котором писали так, как произносили. Арабы произносят этноним «сувар» как [суфар]. В тексте же хакана Иосифа этнонимы в обоих случаях написаны через «в». Объяснить это можно тем, что этноним мог опосредованно передаваться через ближайших соседей сувар (савир) на Кавказе — курдов. В курдском эти слова озвучивались бы через «в» ف. На карте ат-Туси этноним сувар представлен в форме [سوار 16]. В обоих случаях этимология слова в арабском языке возводится к ثار «месть»; ثائر «мститель»; يثار «мятежник; повстанец»; ثورة «революция». Общим корнем этих слов является سافر. В современной грамматике корневое слово приобретает вид سفار, с которым связаны понятия «послы» и «переселившиеся»: مسافر «переселенец»; مسافرين «переселенцы».

Можно предположить, что этноним сувар появился, как экзоним, обозначающий стихийных переселенцев с Северного и Восточного Кавказа на Волгу, объединявшихся в новое государственное образование.

Сувар и Ас Сувар, проблемы соотношения

Весной 969 г., после разгрома Бирамии, армия скандинавов сплавилась по Волге, ограбила и наложила дань на Булгар [26, с. 88–89]. До 981 г. скандинавы фактически владели землями Хазарского каганата, но при этом нет сведений о том, что и Сувар был разгромлен [8; 13]. Годы экспансии скандинавов не отражаются в чекане монет ни в Болгаре, ни в Суваре. В 975/976 (365), 976/977 (366) гг. монеты правителя Суvara Мумин ибн Ахмеда чеканятся без знаков вассалитета. Для Суvara и Булгара нашествие норманнов могло означать избавление от хазарской зависимости [27].

Сувар в «Худуд ал-Алем» в период свержения ига норманнов 982 г. представлен как воинствующий, сражающийся с «неверными»: «...из него выходит 20 000 всадников. Со всяким войском кяфиров, сколько бы их ни было, они сражаются и побеждают. Это место крепкое, богатое. Сувар — город вблизи Булгара, в нем борцы за веру, так же, как и в Булгаре» [28, с. 32].

Аль-Бируни (973–1048, или после 1050) приводит сведения: «Но нам неизвестны какие-либо мусульманские народы, оторванные от [коренных] стран ислама, кроме болгар Суvara, а они живут вблизи границы культурных областей, в конце седьмого климата» [29, с. 55]. В выражении «болгар Суvara» заметно понимание «болгар», как политонима.

Для локализации Суvara крайне ценны сведения Аль-Бируни, он приводит координаты: «город Сувар и Булгар на великой реке русов и славян, а между ними один день пути» 58°0' долготы и 48°20' широты, 70°0' долготы и 49°30' широты (26). То есть Булгар относительно Суvara показан значительно северней и несколько восточней (широта веси 55, а югры 67). Это важный довод против локализации Суvara на Кузнецихинском городище.

Для понимания дальнейшего геополитического развития государства Сувар важен текст Махмуда Кашгари: «Сансин — город близ Булгар. Это ас-Сувар» [14]. По свидетельству ал-Гарнати в Саксине только болгары и сувары имеют право содержать свои соборные мечети [30, с. 27]. В таком случае, болгары здесь представлены на правах союзников-конфедератов сувар. И, судя по надписи на мече из Государственного Эрмитажа Харис ад-Дина (нач. XIII в.), правитель болгар носил титул «эмир болгар», и его страна, соответственно, официально является эмиратом [27 цв. вклейка].

Саксин не просто город, а столица целой области, доходящей на западе до Азовского моря. Ад-Димашки (ум. в 1327 г.) называет Приволжскую возвышенность «Саксинскими горами» и даже Азовское море «Саксинским» [31].

Ибн Саида упоминает два города: «Саксин знаменитый город, который лежит под 67° и 53° широты. На востоке от него находится город Суах (или Муах), который также известен и зависим от первого» [32, с. 45; 33, с. 66]. Допустив, что странное название «Суах (Муах)» это ошибочная запись слова «Сувар», получаем: что «Сувар зависим от Саксина (Ас Суvara)», и тогда Саксин являлся новой столицей государства Сувар.

Саксин (Ас Сувар) «Старший Сувар» и Сувар (Ватъ Сувар) «Старый Сувар» — два разных города,

Сведения о Саксине появляются после нашествия скандинавов-русов и гибели Хазарского каганата в XI в. Возникает вопрос: кто стал бы выгодоприобретателем изгнания русов с бывших хазарских земель? Если предположить, что Сувар действительно не был захвачен норманнами весной 969 г., и Сувар-государство стало точкой опоры для свержения власти норманнов в 981/982 гг., то Сувар и был выгодоприобретателем земель Хазарского каганата.

Заключение

Сувар был столицей одноименного государства, совместно с Булгаром, получившими признание в Багдадском халифате около 855 г. [27]. Сувар был союзным, можно даже сказать, конфедеративным государством с Булгаром (чув. Пӓлхар). Сувары могли отказать Алмушу, в его призыве следовать на строительство общей столицы Биляр (Пӓлер), однако в минуту опасности были едины с булгарами. Самостоятельные правители Суvara чеканили собственные монеты без знаков вассалитета от кого бы то ни было, упоминая лишь имя патрона государства — правителя Багдадского халифата. Судя по надгробным эпитафиям, название столицы государства также обозначалось словом мӓн (чув. «большой, великий», Мӓн Сувар «Большой (Великий) Сувар») [34, с. 150]. Здесь мы передали звучание эпитафии не через кыпчакский язык, а через среднебулгарский.

Согласно чувашским историческим преданиям: «город Сувар (Сӓвар) враги разграбили и сожгли дотла. Славных героя Пилтепера и его сподвижников, поднявших городское население на жестокую схватку с врагом, [враги] отправили на казнь четвертованием к Патту-хану. На месте прекрасного древнего города остались лишь груды камня и золы. За отказ подчиниться без сопротивления татаро-монголы сожгли девять десятых из числа горожан, а оставшихся в живых угнали в рабство...» [35, с. 287–288]³.

---

³ Пилтепер (чув.) «благословенный» — многократно встречающийся в арабографических источниках титул правителей булгар, озвучиваемый как Б.л.твар.

Литература

1. Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств: в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. 1871: стр.26–30.
2. Марджани Ш. «Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара». «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». 2005:1:34;84–85.
3. Ахмаров Г. Н. Экскурсия на место древнего Суvara. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1893:11:5:217–221.
4. Износков И. А. Материалы для историко-археологического обозрения Спасского уезда Казанской губернии. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1895:13:1:10–17.
5. Халӑх сӑмахлӑхӗ: хрестомати. Г. Ф. Юмарт пухса хатӗрленӗ. 2003. (На чувашском).
6. Хлебникова Т. А. Отчет о работах на городище Сувар в 1974 г. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КАФИ АН СССР. Ф 40–41.
7. Древний Сувар: археологические исследования и находки: справ. пособие. А. А. Хайдаров, Р. Ф. Набиев, Н. М. Садриева, А. Ю. Рыбаков; под ред. А. Г. Мухамадиева. 2009:122.
8. Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908:38:1–130.
9. Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. Сб. документов и материалов. Под ред. Э. Л. Дубмана, Ю. Н. Смирнова. 2000.
10. Матвеева Г. И., Кочкина А. Ф. Муромский городок. Самара, 1998.
11. Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1889:2:1:452.
12. Géographie d'Édrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes par A. Jaubert. 1836–1840: I–II:404. (На французск.).
13. Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. 2006:111.
14. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк. Пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. 2005:409.
15. Блинов А. В., Мадуров Д. Ф., Норик Б. В. Тексты историко-географического содержания о булгарах и суvарах персидского автора XII–XIII веков Мухаммада Насир ад-Дина ат-Туси. Государственность восточных булгар IX–XIII вв.: Материалы Международной конференции. Чебоксары, 2–3 декабря 2011 г. 2012:124–138.
16. [Nasir-eddin Tusi]. Melgunof G. Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres, oder Die Nordprovinzen Persiens. 1868. (На немецком).
17. Волков И. В. Поволжье на средневековых европейских картах (в связи с попыткой пересмотра даты основания Самары). Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XVI в.). Материалы научно-практической конференции. 2012:24–79.

18. Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания. 1993:69.
19. Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). 2014:159–160.
20. Фахрутдинов Р. Г. Отчет о разведочных работах, проведенных в 1971 г. в Ульяновской области. Казанский филиал Института языка литературы и истории им. Г. Ибрагимова. 1976. Архив ИА РАН. Р-1 8627.
21. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. 2003:326.
22. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе Армении и Азербейджане. III. Ибн Хордадбэ. IV. Кудама. V. Ибн Русте VI. Ал-Я'куб'ий. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание Управления Кавказского учебного округа. 1903:32:1–63.
23. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. 1956:35;223.
24. [ал-Мукаддас]. Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Пер. В. М. Бейлиса. 1994:2:289.
25. Коковцев В. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. 1932:98–99.
26. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия: в 5 т. Под ред. Т. Н. Джексон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Восточные источники. 2009:3:88–89.
27. Мадуров Д. Ф. Серебряная Булгария: основные вехи истории. 2018:74–106.
28. Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. 1930:32.
29. Бируни Абу Райхан. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. 1957:1:55.
30. Большаков О. Г., Монгайт А. Л. Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). 1971:27.
31. Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1151–1153 гг. История СССР. 1959:2:169–181.
32. Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. 1869.45.
33. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяны. 1967:2:66.
34. Хузин Ф. Социально-политическое устройство. Общественные отношения. История татар с древнейших времен: в 7 т. Волжская Булгария и Великая степь. 2006:2:150.
35. Мифсемпе халапсем. Пухса хатёрлекенёсемпе а́нлантарусене сыраканёсем. И. И. Одюков, Е. С. Сидорова, Г. Ф. Юмарт. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. IV т., 2-мĕш пайĕ. 1987: IV:2:287–288. (На чувашском).

References

1. Nevostruev K. I. About the ancient settlements of the Volga-Bulgarian and Kazan kingdoms: in the present governates of Kazan, Simbirsk, Samara and Vyatka. 1871:26–30. (In Russ.).
2. Marjani Sh. «Extraction of news about the state of Kazan and Bulgar». «Mustafad al-akhbar fiakhvali Kazan va Bulgar». 2005:1:34:84–85. (In Russ.).
3. Akhmarov G. N. Journey to the site of the ancient Suvar. News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. 1893:11:5:217–221. (In Russ.).
4. Iznoskov I. A. Materials for the historical and archaeological survey of the Spassky Uyezd of the Kazan Governorate. News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. 1895.13:1:10–17. (In Russian).
5. Folk literature: selections. G. F. Yumart. 2003. (In Chuvash).
6. Hlebnikova T. A. Report on the work carried in 1974 on the Suvar settlement. Kazan branch of the Institute of Language Literature and History named after G. Ibragimov. 1974. Ф 40–41. (In Russ.).
7. Ancient Suvar: archaeological research and finds: a reference guide. A. A. Khaidarov, R. F. Nabiev, N. M. Sadrieva, A. Y. Rybakov; edited by A. G. Mukhamadiev. 2009. (In Russ.).
8. Karaulov N. A. Information of Arab geographers of the IX and X centuries AC about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan. Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. 1908:38:1–130. (In Russ.).
9. Samara Volga region from antiquity to the end of the XIX century. Collection of documents and materials. Edited by E. L. Dubman, Yu. N. Smirnov. 2000. (In Russ.).
10. Matveeva G. I., Kochkina A. F. Murom town. 1998.
11. Chekalin F. F. Saratov Volga region in the XIV century according to maps of that time and archaeological data. Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission. 1889:2:1:452 (In Russ.).
12. Geography of Edrisi translated from Arabic into French from two manuscripts in the Library of King and accompanied by notes by A. Jaubert, 1836–1840: I–II:404. (In French).
13. Konovalova I. G. Al-Idrisi about the countries and peoples of Eastern Europe: text, translation, commentary. 2006. (In Russ.).
14. Mahmoud al-Kashgari. Divan lugat at-turk. Trans., preface and comments of. Z.-A.M. Auezova. 2005. (In Russ.).
15. Blinov A. V., Madurov D. F., Norik B. V. Texts of historical and geographical content about the Bulgars and Suvars of the Persian author of the XII–XIII centuries Nasir al-Din al-Tusi. Statehood of the Eastern Bulgars of the IX–XIII centuries: Materials of the International Conference. Cheboksary, December 2–3, 2011. 2012:124–138. (In Russ.).
16. [Nasir-eddin Tusi]. Melgunof G. The Southern Shore of the Caspian Sea, or The Northern Provinces Persia. 1868. (In Germ.).

17. Volkov I. V. Volga region on medieval European maps (in view of an attempt revision of the date of the foundation of Samara). The Middle Volga region in the context of Medieval Russian history: at the crossroads of cultures (late XIII–XVI centuries). Materials of the scientific and practical conference. 2012:24–79. (In Russ.).
18. Dimitriev V. D. Chuvash historical legends. 1993. (In Russ.).
19. Rudenko K. A. History of the archaeological study of Volga Bulgaria (X – beginning of the XIII century). 2014:59–60. (In Russ.).
20. Fakhrutdinov R. G. Report on exploration work carried out in 1971 in the Ulyanovsk region. Kazan branch of the Institute of Language Literature and History named after G. Ibragimov. 1976. Archive of IA RAS. R-1 8627. (In Russ.).
21. Aleman A. Sources on the Alans. 2003:326. (In Russ.).
22. Karaulov N. A. Information of Arab writers about the Caucasus of Armenia and Aderbeijan. III. Ibn Khordadbe. IV. Kudama. V. Ibn Ruste VI. Al-Ya'cubiy. Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Publication of the Administration of the Caucasian Educational District. 1903:1–63. (In Russ.).
23. Kovalevsky A. P. The book of Ahmed ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921–922: articles, translations and comments. 1956. (In Russ.).
24. [al-Muqaddasi]. Oriental Historical Source Studies and Auxiliary historical disciplines, translated into Russian by V. M. Baileys. 1994:2. (In Russ.).
25. Kokovtsev V. K. Jewish-Khazar correspondence in the X century. 1932. (In Russ.).
26. Ancient Russia in the light of foreign sources: a textbook: in 5 volumes, edited by T. N. Dzhakson, I. G. Konovalova, A. V. Podosinova. Eastern Sources. 2009:3.
27. Madurov D. F. Silver Bulgaria: the main milestones of history. 2018:74–106. (In Russ.).
28. Hudud al-Alem. The manuscript of Tumansky. With an introduction and index by V. Bartold. 1930. (In Pers., In Russ.).
29. Biruni Abu Rayhan. Monuments of past generations. Selected works. 1957:1. (In Russ.).
30. Bolshakov O. G., Mongayt A. L. Abu Hamid al-Gharnati's Journey to Eastern and Central Europe (1131–1153). 1971. (In Russ.).
31. Mongayt A. L. Abu Hamid al-Gharnati and his journey to the Russian lands in 1151–1153. History of the USSR. 1959:(2):169–181. (In Russ.).
32. Chwolson D. A. News about the Khazars, Burtas, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russ Abu-Ali Ahmed bin Omar ibn Dast, a hitherto unknown Arab writer of the early X century, according to the manuscript of the British Museum for the first time published, translated and explained D. A. Khvolson. 1869:32. (In Russ.).
33. Zakhoder B. N. The Caspian summary of information on Eastern Europe. Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Russ, Slavs. 1967:2. (In Russ.).
34. Huzin F. Socio-political structure. Public relations. The history of the Tatars since ancient times: in 7 vols. Volga Bulgaria and the Great Steppe. 2006:2:250. (In Russ.).
35. Myths and legends. Compilers and commentators. I. I. Odyukov, E. S. Sidorova, G. F. Shchedrin. Chuvash Folk Literature. 1987: IV:2:287–288. (In Chuvash).

Информация об авторе

Мадуров Дмитрий Федорович, кандидат искусствоведения, научный сотрудник АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области», Чебоксары, Российская Федерация

Information about the author

Dmitrey Feodorovich Madurov, PhD in Arts, AN-PO «Center for Strategic Studies of the Ulyanovsk region», Cheboksary, Russian Federation

ЭТНОГРАФИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ТУРКЕСТАНСКИХ ЖЕНОТДЕЛАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х

Даниил Вячеславович Мелентьев

Аспирант 2 года обучения
Факультет гуманитарных наук
Аспирантская школа исторических наук
НИУ ВШЭ, Москва

back-in-95@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1537-9810

Аннотация. Настоящая статья посвящена полевым востоковедным исследованиям, которые проводили сотрудницы советских женотделов в первой половине 1920-х в Туркестане. В данном исследовании принимается попытка ввести в научный оборот новые архивные документы туркестанских женотделов, а также проанализировать их в контексте взаимодействия власти и академического знания. Я демонстрирую это на трех взаимосвязанных примерах. В первом, сотрудницы женотделов пытались получить этнографическую информацию, занимаясь анкетированием для выстраивания эффективных стратегий раскрепощения мусульманок. В анкетах фиксировались сведения о мировоззрении, быте и жизни женщин коренных народов региона. Во втором, сотрудницы обратились к эпистолярному наследию путешественников, ученых и колониальных администраторов Туркестанского генерал-губернаторства. Об этом свидетельствует список рекомендованной литературы «по женскому вопросу», с которым следовало ознакомиться сотрудницам женотделов. В третьем, сотрудницы самостоятельно обратились к местным ученым-востоковедам и этнографам за разъяснениями, почему местные жители относились к низкому социокультурному статусу женщины как нормальному явлению. В ходе исследования было установлено, что анкетирование, изучение колониальной литературы и прямое обращение к ученым оказалось бесполезными попытками понять коренные культуры народов региона и скорее мешало раскрепощению.

Ключевые слова: гендерные исследования; этнография; востоковедение; раскрепощение; женщины; советский Туркестан.

ETHNOGRAPHY AND ORIENTAL STUDIES IN TURKESTAN WOMEN'S DEPARTMENTS IN THE FIRST HALF OF 1920s

Daniil Vyacheslavovich Melentev

Second year PhD student

Faculty of Humanities

School of Historical Sciences

National Research University «Higher School of Economics», Moscow

back-in-95@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1537-9810

Abstract. *This article is devoted to the field Oriental studies, which were carried out by the Soviet women's departments employees in the first half of 1920s in Turkestan. In this study, I made an attempt to introduce new Turkestan women's departments archival documents into scientific circulation, alike to analyze them in the context of the interaction of power and academic knowledge. I will demonstrate this with three related examples. Firstly, female women's departments employees tried to obtain ethnographic information by doing questionnaires to build effective strategies for emancipating Muslim women. The questionnaires recorded information about the worldview, women life style of the region indigenous peoples. Secondly, the employees turned to the epistolary traveler's heritage, scientists and Turkestan Governor-General colonial administrators. This is evidenced by the recommended literature list «on the women's issue», which the women's departments employees should have read. Thirdly, female employees independently turned to local orientalists and ethnographers for clarifications on why the locals treated the low women socio-cultural status as a normal phenomenon. The study found that questionnaires, the colonial literature study and direct appeal to scientists turned out to be futile attempts to comprehend the region people's indigenous cultures and rather hindered emancipation.*

Key words: gender studies; ethnography; oriental studies; emancipation; women; Soviet Turkestan.

Введение

Гендерная политика большевиков в первой половине 1920-х в Туркестане опиралась на этнографическое и востоковедное знание. Информация о мировоззрении и быте мусульманок являлась важным ресурсом раскрепощения. Главным институтом, который занимался раскрепощением в РСФСР, а затем СССР был женский отдел (женотдел). Первым появился московский центральный отдел (ЦО) в феврале 1920 года, в марте аналогичный ЦО открылся в Ташкенте — столице Туркестанской автономной советской социалистической республике (ТАССР), которая находилась в составе РСФСР. В 1921 году в структуре московского ЦО появилось Восточное бюро, которое занималось раскрепощением на мусульманских окраинах [1, л. 20–22]. Восточное бюро рекомендовало ташкентскому ЦО изучить повседневную жизнь, быт и мировоззрение мусульманок. Гражданская война (1918–1922), которая в Туркестане приобрела вид борьбы с басмачеством (вооруженной оппозицией) заставляла местные власти идти на уступки. Басмачи требовали прекращения раскрепощения мусульманок, считая его «попиранием законов ислама» [2, с. 3]. Регулярное функционирование туркестанских женотделов началось только в 1923 году [3, с. 34], но к этому времени инфраструктура раскрепощения распалась, поэтому всю деятельность пришлось выстраивать с нуля.

В советской историографии о научном изучении жизни и быта туркестанских мусульманок в контексте гендерной политики сведений найти не удалось [4]. Советская литература пыталась сформировать нарратив о героическом и трагическом раскрепощении под руководством коммунистической партии. О многочисленных проблемах, которые стояли на пути сотрудниц женотделов особенно в первой половине 1920-х упоминается редко. Советская историография фокусировалась в основном на Худжуме (1927, пер. с узб. «наступление»), который был связан с ликвидацией паранджи среди городских мусульманок Узбекской ССР. Худжум до сих пор остается изучаемой темой в основном в англоязычном академиче-

ском мире, а первая половина 1920-х проработана поверхностно. Тема освоения культур туркестанских мусульман женотделами затрагивалась Дугласом Нортропом [5]. Однако, целью его исследований было установление, как этнографическое, востоковедческое и антропологическое знание влияло на конструирование узбекской нации в конце 1920-х и 1930-е гг. Цель настоящего исследования ввести в научный оборот документы, в которых отражено изучение мусульманок сотрудницами туркестанских женотделов в первой половине 1920-х. В статье я рассматриваю проблему накопления нового и использования колониального знания сотрудницами женотделов.

Этнография в туркестанских женотделах

Этнографическое изучение туркестанских мусульманок сотрудницами женотделов началось в 1923 году. В моем распоряжении есть несколько анкет, которые представляют набор вопросов, содержащих информацию об отношении мусульманок к калыму (брачный дар, выплачивавшийся родственниками жениха семье невесты), многоженству, ранним бракам и др. Анкеты демонстрируют, что обряды перехода являлись неотъемлемой компонентой локальной идентичности.

Обследование Сайрамской волости Чимкенсткого уезда проводила Капитолина Судакова [6, л. 185–187]. Она отметила, что в волости произошло серьезное сокращение населения. В дореволюционный период там проживало 25 тысяч жителей, но в следствии Первой мировой (1914–1918) и Гражданской войны, а также голода к 1923 году осталось всего около 10 тысяч человек, причем количество женщин было больше, чем мужчин. Основным контингентом были узбеки, кроме них проживали киргизы (казахи) и русские. В Сайрамской волости мусульмане мужчины и женщины делили домашние обязанности поровну. Женщины в основном проводили время дома и не были вовлечены в широкие социальные отношения. Мужчины проводили много времени вне дома, не сообщая женам, где и с кем находятся.

В поселках Сайрамской волости проживали члены большевистской партии и Союза «Кошчи» — объединения малоземельных и безземельных

дехкан (крестьян), батраков, арендаторов и кустарей [7, с. 34–42]. Однако, партийная принадлежность и участие в советских организациях не влияли на мировоззрение населения, оно придерживалось мусульманским ценностям. Например, продолжал существовать калым, умыкание невест, многоженство, а также передача жены по наследству у киргиз (казахов). Советизация Сайрама была поверхностной, о чем свидетельствует мнение местных жителей о калыме. Мусульмане Сайрама считали калым «платой за расходы отца за прокорм и воспитание девочки, говоря, что трудно вырастить девочку, большие расходы. Поэтому жениху лучше платить с малых лет, получается, что он ее одевает и отцу легче» [6, л. 185–187].

Закон о повышении брачного возраста до 16 лет приняли в 1921 году, но до 1923 года он не работал [8, л. 17–21]. Родители девочек поддерживали новый закон, поскольку собирали «больше калыма». Население Сайрама выступало против снятия паранджи: «... говорят о законе (шариате), да и женщина еще темна, женотдел плохо работает в волости, узбечки ничего не знают об изменении их правового положения» [6, л. 185–187]. Кроме повышения брачного возраста жители Сайрама поддерживали открытие женских школ. Просвещение было признано туркестанскими женотделами главным методом раскрепощения мусульманок. Просвещение находило сдержанную поддержку среди городского населения и улемов (ученых-правоведов). Однако подавляющее большинство мусульман относилось к девушкам, получавшим образование в советских школах плохо. Например, это отражено в автобиографии, написанной в 1925 году сотрудницей ташкентского ЦО Муаззамой Махзумовой: «Сагитированная своим мужем я поступила в школу. Но, в те годы, женщины, обучающиеся в советских школах, производили невыгодное впечатление в глазах многих истинно-мусульман, которые учащихся женщин считали самыми испорченными» [9, л. 1].

Также было проведено анкетирование в оседлом земледельческом ауле Коуки Казак Екен, Тохтамыского района Мервского уезда, Туркменской области [10, л. 37–39]. Анкета анонимная, но, вероятно, обследование могла провести кандидат уездного городского комитета, член аульного совета и волостной организатор по работе среди женщин Огул Набат Наркулие-

ва, а ответы на русский язык записывала инструкторша либо переводила после [11, с. 48–49]. Также можно предположить, что О. Н. Наркулиева описывала собственную жизнь и быт в этом ауле. В анкете нет данных о численности, проживавших в ауле, но описаны брачные и семейные обычаи туркмен: «При посторонних мужчинах женщина не разговаривает, закрывает платком рот, кроме своего мужа с одной посуды не кушает, придерживается воспитанию детей, поклонению старшим, сохраняется сватовство за невесту, женщины едут на верблюдах, мужчины на лошадях. Невестки закрываются крепко свадебным покрывалом, со звонками и погремушками без танцев. Невеста заходит в кибитку пригороженной кошмой и ждет пока явится жених, который до утра не видит ее лица, затем она остается месяц (у жениха), а затем возвращается к родным, до уплаты остатка калыма, т.к. вначале платят половину. Жених заходит к невесте, невеста расстёгивает у жениха пояс, затем завязывает голову, снимает с него обувь, на утро, заходят товарищи и срывают пуговицы с его рубашки ...» [10, л. 37–39].

Помимо этого, в анкете есть описание повседневной жизни туркменки: «встают с рассветом, молятся богу, разжигают огонь, приготавливают чай и обед, кормят семью, затем приступают к уборке и кустарным работам» [10, л. 37–39]. В ауле отсутствовало многоженство, поскольку калым был очень дорогим — 200 верблюдов. Как указано в анкете, отношение населения к ликвидации многоженства, калыма, повышению брачного возраста и снятию паранджи (хотя туркменки ее не носили!) было негативным. Таким же было отношение к местным коммунистам из-за того, что они не верили в бога.

В анкете, описывающей устройство аула Бай, Отамьшской волости, Мервского уезда, Туркменской области, как и предыдущей, содержится мало информации [12, л. 40–41]. Возможно, ответ кроется в том, что туркменки, как и многие мусульманки боялись всяких записей личной информации и любой документации, о чем в 1923 году сообщала руководительница полторацкого (ашхабадского ЦО) А. Визирова [13, л. 1–4]. Кто проводил исследования в ауле Бай неизвестно. В анкете приводятся сведения о численности населения: до Первой мировой в ауле проживало

1250 человек, а на момент анкетирования — 1100 (530 женщин и 570 мужчин) [12, л. 40–41]. В отличие от предыдущей анкеты, которая содержала описание брачных и семейных ритуалов туркмен, здесь характеризуется внешний вид женщин: «Девушка ходит в небольшой тюбетейке с распущенными волосами, видна ее шея и подбородок. Иногда на богатой туркменке имеется серебра более пуда, на всех пальцах большие серебряные кольца с большими красными камнями, есть большие браслеты от кисти рук до локтя, а также на голове всевозможные украшения» [12, л. 40–41]. В ауле Бай также придерживались уплаты калыма, но, как и в ауле Коуки Казак Екен не существовало многоженства по причине дороговизны калыма. Как и в предыдущих двух анкетах указывалось, что местные жители позитивно относятся к просвещению и созданию женских школ.

Сотрудницам туркестанских женотделов было трудно проводить анкетирование. Во-первых, требовалось знать один из местных языков (узбекский, туркменский и др.), с чем наблюдались проблемы. За неумение разговаривать на местных языках в 1925 году на Среднеазиатском совещании работников среди женщин сотрудниц критиковал секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) Исаак Абрамович Зеленский (1890–1938) [14, л. 31–36]. Во-вторых, в женотделах работали преимущественно русские, еврейки и татарки, коренных жительниц было мало. Важную роль медиаторов между европейками и мусульманками играли татарки, которые как правило владели русским и местными языками, поэтому их приглашали в женотделы в качестве переводчиц. В-третьих, большинство сотрудниц были переброшены в регион из России. Например, руководительница ташкентского ЦО Серафима Тимофеевна Любимова (1898–1970) была родом из Саранска, ее коллега Евсталия Александровна Росс (1896–1987?) из Москвы, Кроль была переброшена с женотдельской работы из Донбасса, Надежда Александровна Клейман (1896–?) из Тулы, где работала заведующей местным женотделом [15, л. 15–17]. В-четвертых, проблемой являлась частая смена кадров, которая наблюдалась повсеместно. Переброска сотрудниц занимала время: прибывая на новое место даже в рамках одного региона или области, нужно было познакомиться с партийцами, понять поддерживают ли они раскрепощение, вникнуть в дела

предшественниц. В-пятых, сотрудницы женотделов до 1925 года не получали зарплату, поэтому дополнительно трудились на каком-нибудь производстве, наркомате или другой партийной структуре [16, л. 8–13]. Кроме того, сотрудницы покидали женотделы, поскольку зачастую являлись многодетными матерями.

Ориентализм в туркестанских женотделах

Новой попыткой выйти из ситуации непонимания туркестанских коренных культур (городской, кочевой и горский) стало составление списка рекомендованной литературы «по женскому вопросу» [17, л. 6–13]. Этот список литературы можно назвать «классикой туркестанского ориентализма». В него вошли труды российских путешественников, ученых и колониальных администраторов. Список составлен небрежно, не всегда указаны работы, с которыми следовало ознакомиться, иногда фигурирует лишь фамилия автора. Также неизвестно, кто являлся составителем документа, но у меня есть предположения.

Первое — составителем могла быть С. Т. Любимова. Из ее дневниковых записей известно, что перед приездом в Ташкент она прочла очерки географа Петра Петровича Семенова-Тян-Шаньского (1827–1914), ознакомилась с каким-то сводом шариата (составителя она не указала) и обычным правом туркмен (адат) по очеркам востоковеда А. Ломакина [18, с. 6]. Неизгладимое впечатление на С. Т. Любимову оказали мемуары Варвары Федоровны Духовской (1854–1913) жены туркестанского генерал-губернатора (1898–1900) Сергея Михайловича Духовского (1838–1901). Я выяснил, что С. Т. Любимова обращалась к «Туркестанским воспоминаниям» В. Ф. Духовской много раз: в дневнике, опубликованном в 1925 году, брошюре 1925 года — «За новый быт» [19, с. 29], брошюре 1930 года, посвященной национальной политике [20, с. 16–18], а также в собственных воспоминаниях, вышедших в 1958 году [21, с. 12]. Не исключено, что именно С. Т. Любимова могла составить список, обратившись к хранилищу Туркестанской публичной библиотеки в Ташкенте, переданной образованному в 1918 году Среднеазиатскому государственному университету (САГУ) [22, с. 60–70].

Второе — ташкентский ЦО мог обратиться к местному академическому сообществу. В первой половине 1920-х туркестанские ученые активно занимались развитием высшего образования в регионе. К тому времени в Ташкенте уже существовал упомянутый выше САГУ, а также Среднеазиатский коммунистический университет (САКУ, открытый в 1918 как Рабоче-дехканский университет). Помимо этого, некоторые представители местного научного сообщества находились в регионе еще в дореволюционный период, поэтому могли лично знать авторов, которые указаны в списке рекомендованной литературы. По моему мнению, местную интеллигенцию следует считать коллективным автором списка литературы. Я полагаю, что в список попали наиболее известные произведения путешественников, ученых и колониальных администраторов, но при этом составители не учли, что некоторые труды не содержат никаких сведений о мусульманках. Единственное, чем эти работы могли быть полезны — это информацией общеисторического характера. Учитывая, что многие сотрудницы были приезжими, очерки по истории Туркестана способствовали расширению их кругозора.

Список рекомендованной литературы состоит из 21 наименования. Здесь я обратился только к тем исследованиям, которые напрямую затрагивают гендерную проблематику дореволюционного Туркестана. Одним из первых пытался описать положение мусульманок востоковед Лев Феофилович Костенко (1841–1891). В списке литературы не указано, какое именно произведение автора стоило прочесть. Очерки Л. Ф. Костенко посвящены экономической истории Туркестана. Внимание женщинам — киргизкам (казашкам) и сартянкам (городским жительницам) уделяется в работе «Туркестанский край» [23]. Л. Ф. Костенко порицал брачные обычаи киргиз, например, писал, что «родители сговаривались о женитьбе детей сразу после рождения, при этом не спрашивая их мнения по достижению дееспособного возраста. Брак невозможен без уплаты калыма» [23, с. 342–343]. Также критиковал воспитание детей говоря, что оно проходит грубо, им уделялось мало внимания. Негативно Л. Ф. Костенко оценивал «нравственное состояние» городских коренных жителей: «На жену сарты смотрят как на рабочую скотину, или как предмет удовлетворения

страсти, почему она не пользуется никаким уважением» (что влекло за собой обоюдные измены) [23, с. 373].

Сотрудницам женотделов предлагалось прочесть уникальное исследование, посвященное жизни мусульманок — «Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы», созданное супругами Наливкиными [24]. Владимир Петрович (1852–1918), оставил военную карьеру, занявшись этнографией и просветительством [25, с. 17–63]. Из Ташкента Наливкины переехали в Наманган, затем в кишлак Нанай, где старались воспроизводить образ жизни коренного населения. Мария Владимировна (1858–1917) носила паранджу, а муж традиционные мужские халаты [26, с. 62–69]. М. В. Наливкина стала первой европейкой, которой удалось изнутри изучить повседневность кишлачных мусульманок Туркестана [27, с. 11–16]. Скорее всего, она знала один из местных языков (тюрки или фарси). В очерке, помимо этнографического описания, присутствуют антропологический и психологический портрет мусульманок, анализ сур Корана, указывающих на положение женщины в обществе.

О глубине погружения в жизнь коренного населения и симпатиях к нему свидетельствует протекционистский тон описания и апологетика расхожим клише о туркестанских мусульманках. Наливкины утверждали, что мусульманки «мало религиозные», они находили множество отговорок, чтобы не совершать молитвы (намаз) [24, с. 151]. Рвение к духовной чистоте испытывали образованные мусульманки коих было немного. Паранджу на девочек надевали с 12 лет, тогда же заканчивалось детство и начиналась взрослая жизнь. Девочку морально готовили к замужеству, о котором родители постоянно напоминали. Следствием частых бесед и напоминаний о браке становилась заикленность на свадьбе, без которой девушки не представляли жизнь «правильной». Наливкины утверждали, ссылаясь на слова приятельницы семьи-сартянки, что «в 12–13 лет, девочкой овладевает столь пламенное желание сочетаться браком, что все ее помыслы останавливаются исключительно только на этом вопросе» [24, с. 193].

Как у кочевых народов среди сартов практиковалась уплата калыма и махра, о котором, в отличие от Наливкиных, этнографы редко упоминали. Махр — это имущество или подарки, которые передавал муж супруге

в момент заключения брака. Калым среди сартов выплачивался деньгами и не одновременно, растягиваясь на долгий период, также дополнительно готовили подарки в виде продовольствия, например, несколько пудов муки, риса, что зависело от материального состояния семей и договоренностей [24, с. 202]. Наливкины не порицали многоженство, не обвиняли мужчин в похотливости и порочности. Наливкины объясняли появление второй или третьей жены необходимостью в прислуге (домработницах). Наливкиным был известен случай, когда первая (или старшая) жена предлагала супругу взять еще несколько жен, чтобы они ухаживали за четырьмя маленькими детьми, пока она занимается хозяйством. Как правило между женами не возникали бытовые конфликты или ссоры на почве проведения ночей с мужем, они жили дружно, умели договариваться и решать проблемы согласовано [24, с. 223].

Наливкины опровергали стереотип о маргинализации мусульманок: «несмотря на кажущуюся замкнутость женщины, на скрывание ее от посторонних глаз и скрывание под чимбетом и паранджой, жизнь семьи не только никогда не является секретом для соседей и знакомых, но, наоборот, вполне известна им во всех не только материальных, но и нравственных подробностях» [24, с. 137]. Наливкины намекали, что внешние наблюдатели, не способны понять местный гендерный порядок, который они знали поверхностно, находясь внутри него непродолжительное время. Наливкины неоднократно упоминали о побоях, которые мужья наносили женам, причем эта информация подавалась как норма отношений между супругами, не подвергаясь критике. Более того, Наливкины знали, что мусульманки специально извещали соседей о домашних неурядицах, тем самым защищаясь от побоев и тирании мужа. В заключении Наливкины призывали не гиперболизировать проблему домашнего насилия в Туркестане, предлагая обратить внимание на угнетенное положение женщин в христианском мире: «несмотря на те права, которые снабжают мужчину и религия, и обычное право, тирания мужа здесь в сущности гораздо меньше, чем в Европе» [24, с. 138].

Упомянут в списке и востоковед Александр Поликарпович Шишов (1860–1936) и его очерк «Сарты» [28]. Часть работы, посвященная му-

сульманкам, страдает отсутствием оригинальности. Все описания мусульманок взяты из работы Л. Ф. Костенко, Наливкиных и одноименного очерка «Сарты» исламоведа и туркестанского чиновника Николая Петровича Остроумова (1846–1930). А. П. Шишов оправдывает отсутствие новизны тем, что про мужчин-сартов писать легко, поскольку все путешественники, ученые и чиновники неизбежно с ними сталкивались. Женщин же в публичном пространстве было трудно найти, если же кому и удалось пообщаться с мусульманкой, то она скорее всего была проституткой [28, с. 315].

Другая значимая для сотрудниц женотделов брошюра является на удивление неизвестной или забытой «Современное правовое положение мусульманской женщины» под авторством Н. П. Остроумова [29]. В научной литературе о брошюре не удалось обнаружить никакой информации [30]. Возможно, так произошло потому, что при публикации в 1911 году редактор ошибся с инициалами, вместо «Н.П.», указав «Н.Н.», поэтому электронные каталоги библиотек (например, РГБ) не выдают эту работу в именном списке автора. В очерке Н. П. Остроумов обратился к наиболее сложным вопросам, с которыми столкнулись женотделы в первой половине 1920-х: юридическая природа мусульманского брака, полигамия, условия правильного заключения и расторжения брака, обязанности супругов, положение вдовы, роль женщины в обществе.

Н. П. Остроумов анализировал положение мусульманки в отрыве от туркестанской действительности, представляя некий идеал, опираясь на предписания Корана и другие источники мусульманского права. Н. П. Остроумов в основном описывал «прогрессивный» пример раскрепощенных турчанок, которые влияли на мусульманок Волго-Уральского региона. Российские мусульманки по примеру турчанок организовывали женские просветительские кружки. Н. П. Остроумов обращался к известной ему литературе «по женскому вопросу», в частности к брошюре казанской феминистки Ольги Сергеевны Лебедевой (1857–1909) — «Об эмансипации мусульманской женщины» [31].

О. С. Лебедева являлась сторонницей изучения мусульманского Востока, поэтому продвигала создание Общества востоковедения в Ташкенте,

которое уже пытались открыть, но никак не могли найти поддержки властей. Общество появилось в 1901 году, и, по словам Н. П. Остроумова благодаря усилиям О. С. Лебедевой [32, с. 130]. В своей брошюре Н. П. Остроумов цитирует О. С. Лебедеву, но относится к ее мнению скептически, опираясь на позицию туркестанских улемов, которым он давал прочесть работу: «Туркестанские ученые туземцы отнеслись к мыслям г-жи Лебедевой не только отрицательно, но и враждебно. Некоторые из них говорили, что г-жа Лебедева или нарочно искажила в своей брошюре факты, или она совершенно не знает Коран и шариат» [29, с. 7]. Кроме того, Н. П. Остроумов цитировал брошюру азербайджанского журналиста Ахмеда Агаева (1869–1939) — «Женщина по исламу и в исламе», которая, кстати, также заявлена в списке литературы для сотрудниц женотделов.

В целом Н. П. Остроумов, по моему мнению, не дал четкого ответа на вопрос, почему же закрепощена мусульманка? Из брошюры можно сделать вывод, что изначально пророк Мухаммед провозгласили женщину относительно свободной и равной мужчине, но вероучение под влиянием локальных традиций оказалось искажено. Мужчины, которые имели высокий социальный статус и поэтому имевшие возможность регламентировать нормы этики отказали женщинам в преференциях, гарантированных Кораном и Сунной (предание с примерами деяния пророка). По причине этого видоизменения женщина оказалась под гнетом неграмотных толкователей шариата, которые интерпретировали догматы как им было выгодно, а народ не мог возразить поскольку пребывал в невежестве и безграмотности.

Самой поздней по времени публикацией в списке литературы указан очерк востоковеда Нила Сергеевича Лыкошина (1867–1923) — «Пол жизни в Туркестане» [33]. Н. С. Лыкошин занимал руководящие посты в колониальной администрации Туркестана. По долгу службы и научной деятельности (переводил и публиковал мусульманские рукописи) был знаком с Н. П. Остроумовым и тюркологом Василием Владимировичем Бартольдом (1869–1930) [34, с. 124–141]. Очерк «Пол жизни в Туркестане» содержит оригинальную информацию и не страдает вторичностью, повествуя о жизни коренного населения Ташкента, которую автор наблюдал на протяжении 35 лет.

Н. С. Лыкошин признает, что российское присутствие в регионе ощути- мых изменений в жизни коренных жителей не произвело. Сохранилось тра- диционное устройство семьи, быта и дома сартов с разделением на мужскую и женскую половины вместе с глухими стенами и отсутствием окон, выхо- дящих на улицу. По словам Н. С. Лыкошина, за этими стенами скрывалась сартянка, которая по любознательности превосходила европейек. При этом Н. С. Лыкошин подмечал несмотря на то, что сартянка «затворница» она всегда знает, что происходит за пределами «гаремной тьмы». Более конкрет- ных сведений о положении мусульманок Н. С. Лыкошин не оставил. После Октябрьской революции Н. С. Лыкошин преподавал этнографию в САГУ и еще нескольких учебных заведениях. Вопреки лояльности советской вла- сти Н. С. Лыкошину не позволили остаться в регионе. В 1921 году его высла- ли из ТАССР как бывшего чиновника колониальной администрации.

Список рекомендованной литературы «по женскому вопросу» мог вли- ять на восприятие и воспроизводство сотрудницами женотделов ориента- листской риторики. Она имела место, но я считаю, что ориентализм женот- делов не носил дискриминационного характера. Ориентализм женотделов был «наивным», внутри него содержалось желание «освободить» мусуль- манку от жестких этических рамок, сделать ее более открытой обществу и государству. Репрезентации мусульманок, которые сейчас выглядят оче- видно колониальными в 1920-е представлялись «естественными». В описа- ниях жизни и быта туркестанских мусульманок путешественники, ученые, колониальные администраторы и сотрудницы женотделов были похожи. Никто из них, за исключением Наливкиных, не смог предоставить ориги- нальные знания о мусульманках. Наблюдатели были солидарны — мусуль- манкам нужны гуманистические достижения европейской культуры.

Патриархальное востоковедение

Кроме списка рекомендованной литературы «по женскому вопросу» я обнаружил доклад журналиста Каца. По поручению ташкентского ЦО, в 1925 году Кац взял интервью у ташкентских востоковедов [35, л. 36–41]. Среди опрошенных были исламовед Александр Эдуардович Шмидт (1871–1939), лингвист Петр Евдокимович Кузнецов (1870–?), Абубакир Ахмед-

жанович Диваев (1855–1933), востоковеды Михаил Степанович Андреев (1873–1948) и Александр Александрович Семенов (1873–1958). Кац задавал респондентам три вопроса: как мусульмане относятся к закрепощению женщин? Как профессора объясняют причину закрепощения? Как профессора оценивают деятельность женотделов среди мусульманок?

Профессора не дали внятных ответов на вопросы. П. Е. Кузнецов ни на один вопрос не ответил, А. А. Диваев говорил много и о чем угодно, но только не по существу, А. А. Семенов свое мнение не высказал, а М. С. Андреев лишь рассказывал истории о хамском отношении мусульман к женщинам. Развернуто на вопросы ответил только А. Э. Шмидт. Во-первых, он считал, что «мусульмане на закрепощение женщин смотрят как на нормальное явление, ибо так сказал Мухаммед, следовательно, все верующие должны свято чтить это» [35, л. 36–41]. Во-вторых, А. Э. Шмидт закрепощение туркестанских мусульманок объяснял «некультурностью нации, кроме того, сильно развитым чувством самца и охраны нравственности своих самок говорит в каждом мусульманине» [35, л. 36–41]. В-третьих, А. Э. Шмидт признался, что с деятельностью женотделов не знаком, но культурно-просветительскую работу среди мусульманок приветствовал, заметив, что считает обязательным устройство отдельных школ для девочек. Профессора подчеркивали, что не хотят огласке своего мнения, мотивируя отказ нежеланием обострять или портить отношения с мусульманами, среди которых они вели работу, публикация в газете могла принести ущерб их интересам [35, л. 36–41].

Интервью показали, что профессора старались не затрагивать тему раскрепощения, как в своей работе, так и собственной повседневной жизни. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о незначительности деятельности женотделов, нахождении их на периферии социально-политической и культурной жизни региона, с другой, о несознательности мужчин. Отказ отвечать на вопросы журналиста говорит о том, что раскрепощение было острой, болезненной и неудобной темой для всех: власти, академического сообщества и коренных жителей. Про раскрепощение востоковеды предпочитали молчать, чтобы сохранить симпатии в мусульманском обществе; партийцы, чтобы стабилизировать политиче-

скую систему, которой требовалась поддержка коренного населения; мусульмане не хотели перемены гендерного режима, потому что не видели в нем дискриминации и несправедливого отношения к женщинам.

Заключение

Документы, введенные в научный оборот в настоящей статье, открывают неординарные стороны гендерной политики в советском Туркестане. Работа в московских архивохранилищах позволяет переосмыслить раскрепощение и отказаться от советского нарратива о его успешности. Архивные документы демонстрируют, что, по крайней мере в первой половине 1920-х советскую гендерную политику в Туркестане можно назвать провальной. Мое исследование показывает, что женотделы пытались через науку — этнографию, востоковедение, позднее антропологию «открыть» для себя коренные культуры региона, изучить быт и мировоззрение мусульманок.

Этнографические исследования или анкетирование было важным шагом в этом направлении, но из-за незнания местных языков трудно реализуемо. Информация в анкетах воспроизводила поверхностные сведения, которые были записаны десятилетиями назад путешественниками, учеными и чиновниками Туркестанского генерал-губернаторства. К этой литературе вскоре и обратились сотрудницы женотделов. Если они ее читали, скорее всего не обнаружили никакой новой информации, а почерпнули еще больше ориенталистских стереотипов. Поэтому дореволюционная «классика туркестанского ориентализма» скорее мешала, нежели способствовала раскрепощению.

Обращение ташкентского ЦО к местному академическому сообществу не принесло результатов. Профессора дали понять, что для них раскрепощение не имеет значения. Ученые ничего не о нем знали или делали вид не только потому, что не желали вызвать негативную реакцию мусульман, совместно с которыми вели исследования, но и по причине личного отрицательного отношения к раскрепощению и женотделам. Мнение, которое высказать А. Э. Шмидт содержало ориенталистские, расистские и дарвинистские утверждения. Может быть, доклад Каца не публиковали

исключительно по этическим соображениям, поскольку мнение А. Э. Шмидта о раскрепощении и мусульманах выставляло в невыгодном свете советскую власть и ее антиколониальную риторику.

Литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 10. Д. 39. Л. 20–22.
2. Любимова С. Т. За пять лет. За пять лет. Сборник по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии / под ред. Женотдела Средазбюро ЦК РКП. М.: Центральное изд. народов СССР, 1925. С 1–3.
3. Москалев В. Узбечка. М.: Изд. охраны материнства и младенчества НКЗ, 1928. 48 с.
4. Шукурова Х. С. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за раскрепощение женщин (1924–1929 гг.) Ташкент: Госиздат УзССР, 1961. 151 с; Пальванова Б. П. Эмансипация мусульманки. М.: Наука, 1982. 287 с; Минеев В. Н. Становление и развитие культурно-просветительной работы среди женщин Узбекистана (1918–1941 гг.). Ташкент: ФАН, 1990. 132 с.
5. Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. London: Cornell University Press, 2004. 392 p; Нортроп Д. Национализация отсталости: Пол, империя и узбекская идентичность. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина; пер. с англ. В. И. Матузовой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 235–272.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 185–187.
7. Скалов Г. Опыт классового расслоения в условиях Туркестана. Союз «Кошчи» и его роль в общественной жизни Туркестана. Жизнь национальностей: кн. 2. / под ред. Г. И. Бройдо, М. Султан-Галиева и др. М.: Изд. народного комиссариата национальностей, 1923. С. 34–42.
8. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 446. Л. 17–21.
9. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 433. Л. 1.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 442. Л. 37–39.
11. Туркменки в Советах / За пять лет. Сборник по вопросам работы коммунистической партии среди женщин Средней Азии / под ред. Женотдела Средазбюро ЦК РКП. М.: Центральное изд. народов СССР, 1925. С. 48–49.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 442. Л. 40–41.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 222. Л. 1–4.
14. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 419. Л. 31–36.
15. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 428. Л. 15–17.
16. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 445. Л. 8–13.
17. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 432. Л. 6–13.

18. Любимова С. Т. Дневники женотделки. Ташкент: Средазкнига, 1926. 58 с.
19. Любимова С. Т. За новый быт. Ташкент: Средазкнига, 1926. 35 с.
20. Любимова С. Т. СССР союз национальностей. М.: Госиздат, 1930. 60 с.
21. Любимова С. Т. В первые годы. М.: Госполитиздат, 1958. 79 с.
22. Мелентьев Д. В. Университетский проект в контексте советской модернизации Туркестана (1917–1924). Восток Свьше. № 2. 2020. С. 60–70.
23. Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. В 3 т. Т. 1. СПб.: Типография А. Траншеля, 1880. 487 с.
24. Наливкин В. П., Наливкина М. В. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань: Типография Императорского университета, 1886. 244 с.
25. Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...Будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды: сборник; ред.-сост.: С. Н. Абашин и др. М.: Изд. дом Марджани, 2015. С. 17–63.
26. Пуговкина О. Г. М. В. Наливкина — первая женщина-этнограф Средней Азии (на основе впечатлений из жизни в Ферганской долине). O‘zbekiston Tarixi. № 1. 2011. С. 62–69.
27. Арапов Д. Ю. Владимир Петрович Наливкин (Биографическая справка). Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды: сборник; ред.-сост.: С. Н. Абашин и др. М.: Изд. дом Марджани, 2015. С. 11–16.
28. Шишов А. П. Сарты. Ташкент: Типо-литография В. М. Ильина, 1904. 496 с.
29. Остроумов Н. П. Современное правовое положение мусульманской женщины / под ред. О. Казанской. Казань: Типография губернского правления, 1911. 53 с.
30. Востоковедные чтения памяти Н. П. Остроумова (11 мая 2007 г.) / отв. ред. Ю. С. Флыгин. Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2008. 428 с; Вторые востоковедные чтения памяти Н. П. Остроумова: сборник материалов (27 ноября 2008 г.) / отв. ред. Ю. С. Флыгин. Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2010. 400 с; Третьи востоковедные чтения памяти Н. П. Остроумова: сборник материалов (2009 г.) / отв. ред. Ю. С. Флыгин. Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2011. 476 с; Флыгин Ю. С. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи. Ташкент: Turon zamin zayo, 2016. 91 с.
31. Лебедева О. С. Об эмансипации мусульманской женщины. СПб.: Типография И. Гольдберга. 1900. 36 с.
32. Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX—начало XX века). Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1962. 344 с.
33. Лыкошин Н. С. Пол жизни в Туркестане. Очерк быта туземного населения. Петроград: Типография Б. Д. Брукера, 1916. 415 с.
34. Пуговкина О. Г. Нил Сергеевич Лыкошин: от Самаркандского военного губернатора до советского профессора. Восток (Oriens). № 6. 2018. С. 124–141. doi: 10.31857/S086919080002872–6
35. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 432. Л. 36–41.

References

1. Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH). F. 17. Op. 10. D. 39. L. 20–22.
2. Liubimova S. T. For five years. For five years. Collection on the work of the Communist Party among the women of Central Asia. pod red. Zhenotdela Sredazbiuro TsK RKP. M.: Tsentral'noe izd. narodov SSSR, 1925. 1–3. (in Russian)
3. Moskalev V. Uzbek Woman. M.: Izd. okhrany materinstva i mladenchestva NKZ, 1928. 48 s. (in Russian)
4. Shukurova Kh. S. Uzbekistan Communist Party in the Struggle for the Women Emancipation (1924–1929). Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1961. 151 s (in Russian); Pal'vanova B. P. Muslim Woman Emancipation. M.: Nauka, 1982. 287 s (in Russian); Mineev V. N. Formation and Development of Cultural and Educational Work among Uzbekistan women (1918–1941). Tashkent: FAN, 1990. 132 s. (in Russian)
5. Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. London: Cornell University Press, 2004. 392 p; Northrop D. The Nationalization of Underdevelopment: Gender, Empire, and Uzbek Identity. The State of Nations: Empire and Nation-Building in the Era of Lenin and Stalin. pod red. R. G. Suni, T. Martina; per. s angl. V. I. Matuzovoi. M.: ROSSPEN, 2011. S. 235–272. (in Russian)
6. RSASPH. F. 17. Op. 10. D. 441. L. 185–187.
7. Skalov G. Experience of Class Stratification in the Turkestan Conditions. Union «Koshchi» and its Role in the Public Life of Turkestan. Life of Nationalities: kn. 2. pod red. G. I. Broido, M. Sultan-Galieva i dr. M.: Izd. narodnogo komissariata natsional'nostei, 1923. S. 34–42. (in Russian)
8. RSASPH. F. 62. Op. 2. D. 446. L. 17–21.
9. RSASPH. F. 62. Op. 2. D. 433. L. 1.
10. RSASPH. F. 17. Op. 10. D. 442. L. 37–39.
11. Turkmen women in the Soviets / For five years. Collection on the work of the communist party among the women of Central Asia / pod red. Zhenotdela Sredazbiuro TsK RKP. M.: Tsentral'noe izd. narodov SSSR, 1925, pp. 48–49. (in Russian)
12. RSASPH. F. 17. Op. 10. D. 442. L. 40–41.
13. RSASPH. F. 17. Op. 10. D. 222. L. 1–4.
14. RSASPH. F. 62. Op. 2. D. 419. L. 31–36.
15. RSASPH. F. 62. Op. 2. D. 428. L. 15–17.
16. RSASPH. F. 62. Op. 2. D. 445. L. 8–13.
17. RSASPH. F. 62. Op. 2. D. 432. L. 6–13.
18. Liubimova S. T. Diaries of zhenotdelka. Tashkent: Sredazkniga, 1926. 58 s (in Russian); Lomakin A. Customary Law of Turkmens (adat). Ashkhabad: Tipografiia K. M. Fedorova, 1897. 146 s. (in Russian)
19. Liubimova S. T. For a New Life. Tashkent: Sredazkniga, 1926. 35 s. (in Russian)

20. Liubimova S. T. USSR Union of Nationalities. M.: Gosizdat, 1930. 60 s. (in Russian)
21. Liubimova S. T. In the Early Years. M.: Gospolitizdat, 1958. 79 s. (in Russian)
22. Melent'ev D. V. University Project in the Turkestan Soviet Modernization Context (1917–1924). *Vostok Svyshe*. № 2. 2020. S. 60–70. (in Russian)
23. Kostenko L. F. Turkestan Region. Experience of the Military-Statistical Review of the Turkestan Military District. Materials for Geography and Statistics of Russia. V 3 t. T. 1. SPb.: Tipografiia A. Transhelia, 1880. 487 s. (in Russian)
24. Nalivkin V. P., Nalivkina M. V. Essay on the Life of Settled Indigenous Women Population of Fergana. Kazan': Tipografiia Imperatorskogo universiteta, 1886. 244 s. (in Russian)
25. Abashin S. N. V. P. Nalivkin: "... There will be what Inevitably Must be; and what Must Inevitably be, Can no Longer not be ...". Half a Century in Turkestan. V. P. Nalivkin: biography, documents, works: sbornik; red.-sost.: S. N. Abashin i dr. M.: Izd. dom Mardzhani, 2015. S. 17–63. (in Russian)
26. Pugovkina O. G. M. V. Nalivkina — the First Female Ethnographer in Central Asia (based on Impressions from Life in the Ferghana Valley). *O'zbekiston Tarixi*. № 1. 2011. S. 62–69. (in Russian)
27. Arapov D. Iu. Vladimir Petrovich Nalivkin (Biography). Half a Century in Turkestan. V. P. Nalivkin: biography, documents, works: sbornik; red.-sost.: S. N. Abashin i dr. M.: Izd. dom Mardzhani, 2015. S. 11–16. (in Russian)
28. Shishov A. P. Sarts. Tashkent: Tipo-litografiia V. M. Il'ina, 1904. 496 s. (in Russian)
29. Ostroumov N. P. Contemporary Legal Status of a Muslim Woman / pod red. O. Kazanskoi. Kazan': Tipografiia gubernskogo pravleniia, 1911. 53 s.
30. Oriental Readings in Memory of N. P. Ostroumov (11 maia 2007 g.) / otv. red. Iu. S. Flygin. Tashkent: Izdanie Tashkentskoi i Sredneaziatskoi eparkhii, 2008. 428 s; Second Oriental Readings in Memory of N. P. Ostroumov: sbornik materialov (27 noiabria 2008 g.) / otv. red. Iu. S. Flygin. Tashkent: Izdanie Tashkentskoi i Sredneaziatskoi eparkhii, 2010. 400 s; Third Oriental Readings in Memory of N. P. Ostroumov: sbornik materialov (2009 g.) / otv. red. Iu. S. Flygin. Tashkent: Izdanie Tashkentskoi i Sredneaziatskoi eparkhii, 2011. 476 s; Flygin Iu. S. Nikolai Ostroumov: Orientalist, Educator, Chronicler of the Era. Tashkent: Turon zamin ziyo, 2016. 91 s.
31. Lebedeva O. S. On the Emancipation of Muslim Women. SPb.: Tipografiia I. Gol'dberga. 1900. 36 s.
32. Lunin B. V. Scientific Societies of Turkestan and their Progressive Activities (late XIX—early XX century). Tashkent.: Izdatel'stvo Akademii nauk Uzbekskoi SSR, 1962. 344 s.
33. Lykoshin N. S. Half Life in Turkestan. Essay on the Life of the Native Population. Petrograd: Tipografiia B. D. Brukera, 1916. 415 s. (in Russian)
34. Pugovkina O. G. Nil Sergeevich Lykoshin: from the Samarkand Military Governor to the Soviet Professor. *Vostok (Oriens)*. № 6. 2018. S. 124–141. (in Russian) doi: 10.31857/S086919080002872–6
35. RSASPH. F. 62. Op. 2. D. 432. L. 36–41.

СОБРАНИЕ РУКОПИСЕЙ НА ОЙРАТСКОМ ЯЗЫКЕ, ХРАНЯЩИХСЯ В СЕЛЕ УЛАН-ХОЛ КАЛМЫКИИ

Бадма Викторович Меняев

Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего образования «Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова», Элиста, Россия

bmeyaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9205-4537>

Аннотация. В настоящей статье представлен краткий обзор семи-десяти рукописей на ойратском языке, хранящихся в частных коллекциях родственников калмыцких священнослужителей Бодгура Очирова (1892–1955), Цагана Атхаева (1900–1981), Осронга Батаева (1899–1991) и фонде хурула села Улан-Хол Лаганского района Калмыкии. Данные рукописные источники являются уцелевшей частью значительного собрания Шарс-Багутовского (Северного) хурула (1889–1939). Собрание рукописей состоит из сочинений художественной литературы, наказов, пророчеств, обрядовых текстов, молитв, астрологических сочинений (тексты, таблицы, схемы, изображения мандалы, диаграммы, рисунки), текстов гаданий, примет и текстов по народной медицине. Каждый текст, представленный в настоящем собрании, достоин дополнительного исследования. Уникальными и редкими текстами являются ойратский перевод религиозно-философского трактата «Малый Лам-Рим Ламы Цонкапы» и обрядовый текст «Сутра поклонения огню» («Gal takixuyin sudur oroşobai»), которые автором статьи были впервые обнаружены на территории Калмыкии. Некоторых тексты написаны на ойратском языке с тибетскими вкраплениями, а также имеются в наличии тексты-билингвы на тибетском языке с ойратским подстрочником. Это является свидетельством того, что калмыцкие монахи одинаково свободно владели тибетским и ойратским

языками. Неоднородность состава рукописного собрания, хранящегося в селе Улан-Хол, указывает на то, что монахи Шарс-Багутовского хурула в основной своей практике были не только священнослужителями, но одновременно и астрологами, лекарями. Рассмотренные тексты являются ценными источниками для изучения традиционных религиозных воззрений, философии, этики, старописьменной калмыцкой литературы, астрологии и культовой обрядности калмыков.

Ключевые слова: археографические экспедиции; собрание ойратских рукописей; частные коллекции; Шарс-Багутовский (Северный) хурул; Улан-Хольский хурул; астрология

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке внутривузовского проекта Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова № 1146 «Коллекция ойратских рукописей хурулов Лаганского района Республики Калмыкия: создание электронной базы данных».

COLLECTION OF MANUSCRIPTS
IN THE OIRAT LANGUAGE STORED
IN THE VILLAGE OF ULAN-KHOL, KALMYKIA

Badma V. Menyayev

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov»,
Elista, Russian Federation

bmeyayev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9205-4537>

Abstract. *This article provides a brief overview of seventy manuscripts in the Oirat language kept in private collections of relatives of the Kalmyk clergy Bodgur Ochirov (1892–1955), Tsagan Atkhaev (1900–1981), Osrong Bataev (1899–1991) and in the fund of the Buddhist temple of the village of Ulan-Khol*

in Lagansky region of Kalmykia. These handwritten sources are the surviving part of a significant collection of the Shars-Bagut (Northern) Buddhist temple (1889–1939). The collection of manuscripts consists of works of fiction, orders, prophecies, ritual texts, prayers, astrological works (texts, tables, diagrams, mandala images, diagrams, drawings), divination texts, signs and texts on folk medicine. Each text presented in this collection is worthy of additional study. the Oirat translation of the religious and philosophical treatise “Lama Tsongkhapa’s Small Lam-Rim” and the ritual text “The Fire Worship Sutra” (“Gal takixuyin sudur orošobai”) which were first discovered by the author of the article on the territory of Kalmykia are unique and rare texts. Some texts are written in Oirat with Tibetan inclusions, and there are also bilingual texts in Tibetan with Oirat interlinear. The mentined fact proves that the Kalmyk monks were equally fluent in Tibetan and Oirat. The heterogeneity of the composition of the manuscript collection stored in the village of Ulan-Khol indicates that the monks of the Shars-Bagut Buddhist temple in their routine practice were not only clergymen, but also astrologers and healers. The reviewed texts are valuable sources for studying traditional religious beliefs, philosophy, ethics, old written Kalmyk literature, astrology and Kalmyk cult rituals.

Keywords: archaeographic expeditions; collection of Oirat manuscripts; private collections; Shars-Bagut (Northern) Buddhist temple; Ulan-Khol Buddhist temple; astrology

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the intra-university project of the Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikova No. 1146 “Collection of Oirat manuscripts of khuruls of the Lagansky district of the Republic of Kalmykia: creation of an electronic database”.

Введение

При поддержке внутривузовского проекта КалмГУ «Коллекция ойратских рукописей хурулов Лаганского района Республики Калмыкия: создание электронной базы данных» автором статьи в 2021–2022 годы был совершен ряд археографических экспедиций, целью которых был поиск и фиксация буддийских рукописей на ойратском языке, хранящихся в семьях бывшего духовенства Шарс-Багутовского (Северного)¹ хурула, а также в Улан-Хольском хуруле, построенном в 2002 году. В ходе экспедиций было зафиксировано 70 рукописей на ойратской письменности «тодо бичик», созданной ойратским просветителем Зая-пандитой в 1648 году. Шарс-Багутовский хурул был основан в 1889 году и просуществовал до 1939 года в хотоне Бора Шарс-Багутовского аймака Эркетеневского улуса. В списке монахов Шарс-Багутовского хурула, опубликованном В. З. Цереновым [1, с. 325] и Центральным хурулом Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни» [2, с. 6–7] представлено 28 имен монахов: Шикеев Дог, Саранов Бора, Онкджаев Тавка, Халгаев Цаган, Тенкеев Шара, Сабкаев Очир, Гахаев Илюмжа, Манджиев Семен, Кичкиев Шобонка, Турунаев Тарл, Дорджиев Ноха, Аристиев Дандыр, Санджиев Хар, Эрдниев Шобора, Очиров Эрдне, Лиджиев Цюрюм, Откиев Шараб, Шовлеев Бадма, Каслаев Уланк, Бахаев Цаган, Илюмджиев Лора, Цаган-Манджиев Бодгур, Халгаев Цюрюм, Атхаев Цаган, Лагиев Басан, Очиров Пюрве, Батаев Осронг, Манджиев Сангджа.

Коллекция Будгура Очирова

Большое количество буддийских танок², ритуальных атрибутов, собрание рукописей, некогда принадлежавших Шарс-Багутовскому хурулу

¹ В «Книге регистрации» настоящий хурул значится как Северный хурул [Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 508а. 196 л.]. В 1923 году Шарс-Багутовский аймачный центр был перемещен в село Мангут и аймак был переименован в Северный сельский совет Эркетеневского улуса, в который входили еще два села Мухлан и Малзан. По названию сельского совета хурул называли Северным хурулом (ПМА. Манджиев А. К., 1952 г.р., из рода шар дээвэ шарс багуд, уроженец совхоза Барнаульский Калманского района Алтайского края. Запись 2022 года. г. Элиста. Республика Калмыкия).

² Танка — (тиб. *thang ka* 'свиток') изображение персонажей буддийского пантеона на шелке и хлопчатобумажной ткани.

и роду шоркес (калм. шөркс от слова шөрэкэ ‘ёрш’) Шарс-Багутовского аймака, были сохранены гелюнгом, астрологом Бодгуром Очировым³ (1892–1955) (Рис. 1) и Энгель Менкеевой (1911–2006), женой его младшего брата. Часть коллекции (9 танок с изображением персонажей буддийского пантеона и 3 свитка рукописей⁴ (Рис. 2)), принадлежавшая хурулу, была передана в 2003 году в Улан-Хольский хурул. Реликвии рода шөркс бережно хранятся у родственников Бодгура Очирова. Это 8 буддийских танок с изображением персонажей буддийского пантеона, культовые атрибуты — 2 серебряные вазы с семью серебряными цветами, 1 серебряный ритуальный кувшин «бумб», 7 серебряных чашечек для подношений «тэклин цөгц», 1 серебряная чаша для подношения чаем «цээһин деэжин цөгц», 3 серебряных ритуальных прибора, 1 деревянная пиала «агч ааһ», 1 ритуальное зеркало «толь», 1 металлическая тарелка от мандалы, 3 серебряных бубенца «ярк», 1 деревянная чернильница и др.; предметы традиционного быта калмыков — 1 кожаная перемётная сумка «даальң», 1 калмыцкий наборный серебряный пояс «бүс» с выгравированной надписью 1890 г. и др.). Из рукописного наследия в коллекции представлена астрологическая таблица на тибетском языке с ойратским подстрочником, генеалогическое древо рода шоркес на ойратском языке и рукопись на тибетском языке «Сутра о Совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества], как удар молнии» (тиб. «Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya pa theg pa'o mdo»); краткое название сочинения на русском языке «Алмазная сутра»; краткое название на калмыцком языке «Дорж жодв»). Рукопись «Алмазной сутры» написана в традиционной для буддийских книг форме «бодхи». Размер рукописи 8x16 см. Текст рукописи полный, пагинация тибетская полистная, 23 листа, на каждом листе от 5–6 строк. Текст написан на чёрной лакированной бумаге серебряными чернилами. Согласно калмыцкой буддийской традиции сутра

³ В списке «Гелюнги Шарс-Багутовского хурула» Будгур Очиров значится как Цаһан-Манжин Бодһр [1, с. 325]. Краткие сведения о нем опубликованы А. К. Манжиевым в статье «Из истории моей жизни» [3, с. 88–89].

⁴ Опись была составлена 12 марта 2003 г. в администрации села Улан-Хол в присутствии ахлаци В.С Бембева, председателя буддийской общины С. Э. Идрисова (исх. номер № 22).

«Дорж жодв» должна присутствовать на алтаре в каждой семье для привлечения счастья и благополучия. Чтение, переписывание, распространение, хранение настоящей сутры считалось духовной заслугой (калм. буйн), способной избавить человека от грехов, жизненных препятствий, болезней и плохих перерождений. Переписка сутры золотыми чернилами считается высшей добродетелью — деед буйн букв. ‘высшая добродетель’, серебряными чернилами — дунд буйн букв. ‘средняя добродетель’, простыми чернилами — адг буйн букв. ‘конечная (малая) добродетель’, что способствует очищению от грехов и благому перерождению. Следует отметить, что роду шоркес сохранилась локальная традиция проведения коллективных молений «Арша һарһх» (‘Вынос аршана’) под руководством буддийских священнослужителей, которая проводится раз в два-три года. В день проведения коллективного моления в доме хранителей родовых реликвий вывешиваются все танки, согласно порядку, который был заведен их предками. Танки разворачиваются только мужчинами из этого рода, женщины в этом процессе не принимают участия. После окончания моления всем собравшимся раздают «аршан». Под «аршаном» калмыки имеют в виду не только целебную воду, но и освященные сладости (калм. шикр-балта ‘пряники-конфеты’).

Коллекция Осронга Батаева

В ходе археографической экспедиции 2022 году была зафиксирована коллекция Батаева Осронга Зунгруевича (монашеское имя Гаванг Шераб⁵, народное имя «гавджи Осронг» (калм. һавж Осрң), означавшее высокую ученую степень в буддизме) (Рис. 3). «Осронг Батаев родился в 1899 году в урочище Бора Эркетеневского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии (ныне близ с. Улан Хол Лаганского района Калмыкии). Принадлежал к торгутскому роду шарас багуд. В детстве был отдан в местный хурул (монастырь) для учебы. Далее продолжил учебу в Чееря-хуруле, затем по некоторым сведениям он обучался в Санкт-Петербургском буддийском храме. Вернувшись в Калмыкию,

⁵ Монашеское имя Батаева Осронга Зунгруевича — Гаванг Шераб было обнаружено автором статьи в колофоне рукописи.

Осронг Зунгруевич был репрессирован как служитель культа. К концу 1930-х гг. он был освобожден из заключения. Во время Великой Отечественной войны он ушел добровольцем на фронт. После войны был демобилизован в Сибирь в места ссылки калмыков. В годы депортации калмыцкого народа проживал в Алтайском крае, работал на маслозаводе. В эти в годы он продолжил, как и многие другие калмыцкие ламы, тайно практиковать буддизм, молиться, читать и переписывать религиозные книги» [4, 67–70]. По возвращению из ссылки в родные места, он, практикуя буддизм, тесно общался с другими священнослужителями. Свидетельством их дружбы являются рукописи, переписанные другими ламами и находящиеся в настоящее время в коллекции Осронга Батаева. По автографам были выявлены рукописи, переписанные Цаганом Атхаевым, Очиром Дорджиевым (монашеское имя — Тогмед гавджи, народное имя Цаган Амна аав ‘дедушка из Цаган-Амана’) и Джимбей Манджиевым. Во многих рукописях нет колофонов, по которым можно было бы идентифицировать имена переписчиков. Рукописная коллекция Осронга Батаева не была разделена и хранится в его доме. Она состоит из 14 рукописей на ойратском языке, среди них есть рукописи-билингвы (тибетские рукописи с ойратским подстрочником). По содержанию это буддийские сутры, литература из класса лам-рим, пророчества-послания, молитвы, астрологические сочинения, поучения, произведения, относящиеся к культам огня, земли и воды. Ниже приводим список рукописей из коллекции Осронга Батаева с их кратким археографическим описанием:

Mongyolin үчүн сауан үүзүк орошоба: (Алфавит «Тодо бичик»). Переписчик Цаган Атхаев. 1961-чи јилин нохой saran 10-du bičibabi. Ončiq Erketen nutuуа Šars baуud anggiyin Ataxan Сауān. 2 лл. Размеры: 9 x 20 см. Листы в линию. Чернила синие.

Молитвы на тибетском языке записанные буквами «тодо бичик». Сверху надпись кириллицей: 1) «Балдан зевэ»; 2) «Мегмид зевэ»; 3) «Церв зүүндү»; 4) «Цагдан хорло». Переписчик Осронг Батаев. Колофон отсутствует. 8 лл. Размеры: 10 x 20 см. Листы в линию. Шариковая ручка синего цвета.

Название отсутствует. Начальные строки: *Burxan uileyatai ɣareqseni dögübün cagiyin yikē duučin kigēd: sarayin ɣurbin macaq mön* ‘Четыре праздника, связанных с победой Будды и три дня мацг (поста)’. Разъяснения о двенадцати деяниях Будды Шакьямуни и трех днях поста. 12 лл. Размеры: 9 x 20 см. Листы в линию. Чернила синие.

Ariyabala, zuruγan üzüq ene: Молитва-гимн Авалокитешваре и разъяснение значения шестислоговой мантры Авалокитешвары «ом ма ни пад ме хум». На ойратском языке. Каждый лист обернут в целлофановую обложку. 11 лл. Размеры: 10 x 20 см. Листы в линию. Чернила.

Начало отсутствует. Начальные строки: *gemiyin zurdin habasɣai-ēse tonilxu zalbirel ayul-ēse getelekü batar kemeküü oroşoboı* ‘Молитва [под названием] «Богатырь избавляющий от беды и молитва избавляющая от тисков преждевременной вины»’. 14 лл. Размеры: 11 x 35 см. Количество строк: 9–12 строк. Пагинация тибетскими буквами «Четырнадцать». Название и текст выделены рамкой красного цвета.

Нет начала и конца. Тибетский текст с ойратским подстрочным переводом. Текст взят в рамку. *Büküni kereq kesiq=sin mete meden üüldād ödör sōni bükündü zürkü avxa kereqtaı getliqçi blama anaxrandu avxa tere tedtiki kerqtaı bu.* (Молитва). Пагинация тибетская «два». Фрагмент. Размеры: 11 x 35 см. Количество строк ойратского текста: 13 строк. Шариковая ручка зеленого цвета.

Тибетский текст с ойратским подстрочным переводом. *Ćima-ēse bayasxu=lang-tai ken cü ügei: Ćima-ēse jırɣa=langtai ken cü ügei ümüne naran saran debes=ker dēre: aĆitu ündüsün blama-luɣā: ilɣal ügei itegel amida bi* (Отрывок буддийского наставления). Пагинация тибетская «одиннадцать». Фрагмент. 2 лл. Размеры: 11 x 35 см. Количество строк ойратского текста: 13–14 строк. Чернила.

Газар такахауїн уĆир ‘значение жертвоприношения земле’. Рекомендации к подготовке ритуала. Два тетрадных листа. Пагинация отсутствует. Размеры: 20 x 29 см. Количество строк: 3–15. Чернила.

Gal takixuyin sudur oroşobaı ‘Сутра поклонения огню’. Ритуальный текст. Рукопись написана на ойратском языке, состоит из 5 лл. Чернила, пагинация полистная. Колофон переписчика отсутствует. Размеры 7,5 x 20,5 см. Количество строк: 20–21. Бумага русская, плотная.

Нет названия. Начальная строка: *Ölzö xutuq ogošo* 'Пусть пребывает счастье и благоденствие'. Наказ Джебзун-Дамба-хутухты. Наказ и пророчество. 12 лл. Пагинация тибетская (химический карандаш). Чернила. Размеры: 8 x 28 см. Количество строк: 14–19.

Xutuqtu biligiyin činedü kürüqsün tasuluqçı oçir kemëkü yeke kölgünü sudur 'Сутра о совершенной мудрости, рассекающей тьму неведения, как удар молнии'. На ойратском языке. Переводчик Зая-пандита. 35 лл. Текст полный. Размеры: 10 x 28 см. Количество строк: 18–19. Чернила. Почерк размашистый. На лицевой стороне надпись синими чернилами «*Ene nom Dorji jodbigi tüubuud kelenēsü xalimiq...*» (Эту книгу 'Дорджи джодба' с тибетского на калмыцкий язык...). Далее неразборчиво. Последний лист (35б) также синими чернилами написано «*Bambin Erdni umšuba sän amuylung boltoxa*» 'Читал Бамбаев Эрдни. Пусть будет благо'. В правом углу надпись на русском языке «Читал Эрдни Бамбаев».

Zuurdiyın sudur 'Сутра о промежуточном состоянии' (Бардо). Ритуальный текст. На ойратском языке. Переводчик Зая-пандита. 36 лл. Текст полный. Пагинация ойратская полистная. В верхнем левом углу листа ойратские цифры. Размеры: 10 x 25 см. Часть текста взята в рамку. Количество строк: 16–17. Чернила.

Menggēn sudur (Сутра о менге). Астрологическое сочинение. Ойратская рукопись. 5 лл. Кол-во строк: 26. Размеры: 8,5 x 29,5 см. Чернила. Некоторые слова окрашены карандашом красного цвета: *үтауяр* (в-третьих), *dötögēr* (в-четвертых), *dabtuяр* (в-пятых), *zurядуяр* (в-шестых). На последнем листе четыре строки перечеркнуты ручкой красного цвета. На листе 4 (recto) в конце текста другим почерком приписаны дополнения ручкой красного цвета.

Тибетско-ойратский текст (Билингв). Без названия. Малый Лам-Рим Ламы Цонкапы. Подстрочный перевод с тибетского на ойратский язык. Переводчик неизвестен. 28 лл. Размеры: 9 x 35 см. Кол-во строк: 25–39. На лицевой стороне первого листа имеется неразборчивая надпись: ...*gideq nom tuutuяuin tuuzugiyin* (Рис. 4).

Помимо рукописей в коллекции Осронга Батаева хранятся предметы буддийского культа: 3 статуэтки Будды Шакьямуни, 5 танок с изображени-

ем персонажей буддийского пантеона, 4 оберега с изображением божеств, 2 серебряные вазы с серебряными цветами, 3 музыкальных инструмента (1 морская раковина «дунг» (калм. дуң < тиб. dung dkar [дункар]); 2 бишкура (калм. бишкүр — деревянный духовой язычковый инструмент с двойной тростью, коническим каналом и семью игровыми отверстиями), 1 чётки и др.

Коллекция Цагана Атхаева

Одним из последних калмыцких буддийских священнослужителей Шарс-Багутовского хурула, который получил религиозное образование до революции был Цаган Утаевич Атхаев (1900–1981) (Рис. 5), монашеское его имя Гаванг Чойпел (от тибетского «нгаванг» (агван) — “владыка речи”, «чепель» — “развитие Дхармы”)⁶ [5, с. 40]. В народе он был известен не только как буддийский священнослужитель, но и как знаток тибетской медицины. Следует отметить, что Цаган Атхаев часто занимался переписыванием буддийских книг, его автографы можно обнаружить во многих частных коллекциях Калмыкии и Астраханской области. К примеру, в семье Болдырева Владимира Хошевича (1937 г.р., из торгутского рода харахус), проживающего в селе Промысловка Лиманского района Астраханской области, хранятся две рукописи и диаграмма «*Kišigin kürdü oroşobai*» («Колесо призывания счастья») (Рис. 6). Первая рукопись без названия, посвященная культу Белого Старца (ойр. *Сауан öbügen*, калм. *Цаһан өвгн*), вторая рукопись «Отвращение черного языка» (ойр. *Xara keleni xariuldaq sudur*). В заключительном колофоне второй рукописи имеется информация о переписчике и дате переписки (1694-*či jilin ɣaxa saran 11-dü biçiba bi Atxan Сауан* ‘Переписал я, Атхаев Цаган в 1964 году в месяц свиньи 11 числа’. Именно эти ритуальные сочинения чаще всего переписывал Цаган Атхаев, так как они, по мнению верующих, могли сбересть дом и членов семьи от различных бедствий; в семье Дорджиевой Зои Эрдни-Горяевны (1952 г.р., из торгутского рода бага цатан), проживающей

⁶ Монашеское имя Цаган Утаевича Атхаева — Гаванг Чойпел было обнаружено автором статьи в колофоне рукописи.

в городе Элиста Республики Калмыкия, хранятся две рукописи, переписанные Цаганом Атхаевым: «Хара келени харилдаг судур» («Отвращение черного языка»), Сауан öbügüni судур оршоба («Сутра Белого Старца»). В конце рукописи имеется колофон переписчика: Ene судурги: ögölegen ezen Бага Catan анги: Доройн Манжиду дурусхаба би:: öдөгө öнөдöрсү хоран 10 хара нүүл хагдaд:: 10 сауан buyun delegerd: buruxuni šajin naran mitü mandulxu bolotuға: yiretemjin törü had mitü bataraxu bolotuға: ken suzuq törji butaqsin āmitan engke jiryad möngkē nasлахu bolotuға: Ончиқ Erketen nutuға Манжин Šars Atxan Сауан биçиба хөнин saran 3-du ‘Я подарил эти сутры милостынедателю из рода бага цатан Дорджиеву Манджи (Рис. 7). Пусть отныне закроются десять черных грехов, пусть десять белых добродетелей распространятся! Пусть Учение Будды засияет подобно солнцу, пусть миропорядок окрепнет подобно скале! Кто из живых существ обретет веру, тот пусть будет счастлив и будет жить вечно! Переписал третьего числа месяца Овцы Атхаев Цаган из Ончик-Эркетеневского нутука [рода] манджин шарас’. Со слов потомков Цаган Атхаева, он ещё при жизни разделил свою коллекцию на две части: олна бурхн ‘общие реликвии’ и герин бурхн ‘семейные реликвии’⁷. Общие реликвии (рукописи и ксилографы) из коллекции Цагана Атхаева были переданы Улан-Хольскому хурулу после его открытия. Семейные реликвии остались в семье сына Цагана Атхаева — Бадмы, в коллекции которого хранятся в основном рукописи на тибетском языке, на ойратском языке вышеназванные рукописи и несколько текстов астрологических сочинений.

Коллекция Улан-Хольского хурула

Как выше было отмечено, большая часть рукописей из коллекций священнослужителей Шарс-Багутовского хурула Бодгура Очирова и Цагана Атхаева было передано их потомками в фонд Улан-Хольского хурула, который был возведен в 2002 году силами местных жителей и уроженцев села Улан-Хол. В настоящее время хурул является филиалом хурула города Лагань — «Лагань Дарделинг монастыря», в народе его называют «Ца-

⁷ Рукописное наследие Ц. Атхаева, хранящееся в семье его сына Бадмы, предварительно описаны Б. В. Меняевым в 2016 году [4].

ган хурул» по имени Цагана Атхаева (1900–1981). В Улан-Хольском хуруле (Рис. 8) хранятся помимо рукописей и ценные предметы культа: танки с изображением персонажей буддийского пантеона, буддийские статуэтки, ритуальные атрибуты (лампады, чётки, ваджра, духовые и ударные музыкальные инструменты и др.) и др.

В рукописном фонде Улан-Хольского хурула содержатся рукописи на тибетском, ойратском языках, а также рукописи-билингвы (тибетские рукописи с ойратским подстрочником). Ойратская часть рукописной коллекции состоит в основном из разрозненных рукописей, принадлежность многих сложно установить (нет автографов). В ряде рукописей имеются колофоны, содержащие имена переписчиков (Балдан Зодбаев, Бодгур Очиров, Цаган Атхаев) и дату переписки сочинения. Общее количество рукописей на ойратском языке и рукописей-билингвов составляет 50 единиц. Следует отметить, что к рукописям нет описи. Анализ состава и содержания письменных источников на ойратском языке из Улан-Хольского хурула, показал, что в собрании представлены неканонические сочинения: обрядовые тексты, устраняющие последствия злословия, молитвы, заклинания, астрологические сочинения, пророчества, разъяснения молитв и др. Каждый текст, представленный в коллекции Улан-Хольского хурула достоин дополнительного исследования. Из художественной литературы в коллекции Улан-Хольского хурула имеется сборник рассказов о пользе чтения «Алмазной сутры» — ойр. «Хутуqtu biligiyin činedü kuruqseni асі tusa talibir oršoba» ‘Объяснение пользы Ваджраччхедика Праджня парамита сутры’ (краткое название на калмыцком языке «Дорж жодв»), который был один из самых распространенных буддийских художественных текстов, имевших хождение среди калмыков. Настоящая рукопись «Алмазная сутра» согласно колофону переписана неким гелюнгом Зодван Балданом, в списке духовенства Шарс-Багутовского хурула за 1924 год не значится. Вероятно, рукопись была переписана в первой половине XX века, так как колофон оформлен подобно колофонам Цагана Атхаева и текст написан на разлинованной бумаге. Рукопись написана в традиционной для буддийских книг форме «потхи». Текст полный, пагинация ойратская, 25 листов, на каждом листе от 17–21 строк. Чернила. Рукопись завернута в шелковую ткань бордового цвета.

Три рукописи, относятся к жанрам «наказов» (калм. *zarliq*) и «пророчеств» (калм. *ээлдхл*): «*Boqdo Dalai blamayin zarliq*» («Поучение Богдо Далай-ламы»), «*Xamugi ayiladuqçiyin zarliq*» («Наказ Всеведующего»), «*İşi üzülüqsen tododxon üldeqçi zuul kemekü ikē kölgünü sudur*» («Сутра Махаяны именуемая “Освящающая лампада”»). Первые две рукописи опубликованы и исследованы автором настоящей статьи в монографии «Буддийские наказания и пророчества в культуре калмыков и ойратов» [6]. В третьей рукописи «Сутра Махаяны» («*Yeke Kölgünü sudur*») речь идёт о пророчестве, в котором говорится, что через пятьсот лет наступит эра страданий. И люди чтобы спастись от них должны следовать Учению Будды и не совершать десять черных деяний. Содержание текста идентично сочинению «*İşi üzülüqsen tododxon üldeqçi zuul kemekü ikē kölgünü sudur*» («Сутра Махаяны именуемая “Освящающая лампада”»). В колофоне рассматриваемой рукописи указан переписчик — Цаган Атхаев и даты переписки 1980 год. Размер рукописи: 8x20 см, количество листов 21, количество строк 22. Текст написан шариковой ручкой синего цвета на тетрадных листах в линию. Пагинация ойратскими цифрами.

Четыре текста относятся к обрядовой литературе: 1) ритуальный текст (начальная строка *Ene kereqtü nügei šobuun toloḡotan* / В этом ритуале другой с птичьей головой); 2) ритуальный текст (начальная строка *ḡazar takixuyin uçir* / значение проведения обряда жертвоприношение земле; 3) рекомендации к обряду, совершаемому для устранения бездетности и рождения детей; 4) обрядовый текст «*Xara keleni sudur oḡoşiba*» («Сутра черного языка»), устраняющий последствия злословия. Текст «Сутры черного языка» представлен тремя списками. Самый ранний из них был переписан в 1931 году неизвестным переписчиком. Два последних списка рукописей переписаны Цаганом Атхаевым в 1965 и 1969 годах.

Среди обрядовых текстов представлен редкий анонимный текст с рекомендациями и описанием обрядов, совершаемых для устранения бездетности, рождения детей, рождению мальчика или девочки. Рукопись представлена в форме потхи, прошитой нитью. Размер 11x35, количество листов 7, количество строк 21–29. Бумага русская, тонкая, жёлтая. Чернила, пагинация отсутствует. Рукопись написана разборчивым почерком. Весь текст написан одной рукой. Внутри текста имеются вкрапления

на тибетском языке (заклинания). Отдельные словосочетания выделены химическим карандашом красного цвета.

Два текста, переписанные Цаганом Атхаевым относятся к литургической литературе: текст молитвы-призывания поля Прибежища «Баазр-дари» (начальная строка «Om a Bazar Dharā huṃ»); размер рукописи: 8x16 см, количество листов 6, количество строк 15; текст рукописи написан чернилами фиолетового цвета на тетрадных листах в линию, пагинация ойратская) и текст молитвы-просьбы об избавлении от грехов и страданий ада (начальная строка *Namo guru Mam-Zugho-ṣaya ṽurban sagiyin saber oduqsan nom kiged culyan...* / Поклоняюсь гуру Манджугоши, Буддам трёх времен, Учению и Собранию (Сангхе); размер рукописи: 8,5x22 см, количество листов 9, количество строк 14–19; текст двуязычный на тибетском (чёрные чернила) и ойратском (красные чернила) языках; пагинация листов на тибетском и ойратском языках).

Большое количество текстов относится к тематическому разделу «Астрология. Гадания. Приметы. Народная медицина». Это различные астрологические сочинения, тексты гаданий, примет и народной медицины (лечебники), которые призваны были отвращать от человека жизненные препятствия, болезни и неудачи. В астрологических текстах (калм. зурхан ном) (Рис. 9) чаще даются рекомендации для определения благоприятных и неблагоприятных дней совершения различных дел (к примеру, стрижка волос), обрядов, связанных с жизненным циклом человека (рождение, свадьба, похороны) и др. Так, в рукописи «*Verēn tuūjī*» («Повесть о невесте»), переписанной неизвестным переписчиком, приводятся рекомендации по устранению препятствий (короткая жизнь, болезни, невезение в делах и др.) при совпадении годов рождения и первоэлементов (пять стихий). Рукопись представлена в форме потхи, прошитой нитью. Размер 8,5x35, количество листов 10, количество строк 31–34. Бумага русская, плотная. Чернила. Пагинация тибетскими цифрами. Рукопись написана красивым каллиграфическим почерком. Весь текст написан одной рукой. На титуле маргинальное название «*Verēn tuūjī*». Отдельные слова и словосочетания выделены химическим карандашом красного цвета.

Три рукописи являются текстами дхарани (ойр. *toqtōl*, *tarni* ‘тарни’ от санскр. *dhāraṇi*, тиб. *gzungs* ‘заклинание’) — тексты оберегательно-

охранительного характера. В них содержатся заклинания от болезней, преждевременной смерти ребенка и устранения вреда человеку, нанесенных мангасами, претами и духами. Одно сочинение без названия (начальные строки: *čikeni dülēdu takāgiyin öküi хауилајi dusā basa čikini dülēdu хахан хоуог b[ö]örö ide:*) по содержанию относится к народной (тибетской) медицине. В нём представлены рекомендации как диагностировать и лечить ту или иную болезнь: для устранения глухоты нужно закапать в ухо куриный жир либо съесть две свиные почки; при болезненном мочеиспускании нужно съесть сырой куриный желток, при сердечной аритмии съесть свиное сердце, при ухудшении зрения закапать [в глаза] куриную желчь и др.».

К гадательно-астрологической литературе из собрания Улан-Хольского хурула относятся тексты гаданий о потерянном скоте («*Calma oršoba*» («Лассо»), «*Eqšegin to*» («Количество гласных»)), потерянном имуществе («*Ed tabar zalibesu üzekü bičiq ene*» («Гадание о пропавшем имуществе»)) и причине смерти человека («*Altan saba oršoba*» («Золотой сосуд»)). Некоторые тексты гаданий сопровождаются диаграммами и таблицами, к которым имеются пояснения на ойратском языке. Сложная гадательная система калмыцких гелюнгов соотносится с 7 планетами.

Заключение

Таким образом, в частных коллекциях потомков калмыцких священнослужителей Шарс-Багутовского хурула Бодгура Очирова (1892–1955), Цагана Атхаева (1900–1981), Осронга Батаева (1899–1991) и фонде хурула села Улан-Хол Лаганского района Калмыкии представлено семьдесят текстов на ойратском языке. Настоящее собрание рукописей представляет собой малоизвестные обрядовые тексты, молитвы, астрологические сочинения, тексты гаданий, примет и народной медицины. Из известных буддийских сочинений — сборник рассказов о пользе чтения «Алмазной сутры», тексты наказов и предсказаний («Поучение Богдо Далай-ламы», «Наказ Всеведующего», «Сутра Махаяны именуемая “Освещающая лампада”»). Уникальными и единственными рукописями в Калмыкии являются тексты «Малый Лам-Рим Ламы Цонкапы», относящийся к религиозно-философскому трактату и обрядовый текст «Сутра

поклонения огню» («Gal takixuyin sudur oroşobai»), хранящиеся в частной коллекции Осронга Батаева. В некоторых рукописях имеются тексты на ойратском языке с тибетскими вкраплениями и тексты-билингвы на тибетском языке с ойратским подстрочником. Широко представлена в настоящем собрании астрологическая литература, в которой содержатся рекомендации для определения благоприятных и неблагоприятных дней совершения различных дел, обрядов, связанных с жизненным циклом человека и др., а также обрядовая литература, в которой описываются методы совершения различных обрядов (жертвоприношение земле, отрезание чёрного языка, устранение бездетности и рождения детей). Некоторые тексты астрологических сочинений сопровождаются таблицами, схемами, изображениями мандал, диаграммами, рисунками. Содержание рукописного собрания Улан-Хольского хурула свидетельствует об основной практике монахов Шарс-Багутовского хурула, которые были не только священниками (гелюнги), но одновременно и астрологами (зурхачи), врачами (эмчи), словом, знатоками разных отраслей буддийских знаний. Обращение монахов к определенной литературе диктовалось запросами мирян, которые сталкивались в повседневности с разными проблемами и задачами.

Подводя итог, следует отметить, что письменное наследие Шарс-Багутовского (Северного) хурула, сохранившееся в частных коллекциях и хранящееся в собрании Улан-Хольского хурула, оказывается исключительно богатым и имеет большое значение для изучения традиционных религиозных воззрений, философии, этики, старописьменной калмыцкой литературы, астрологии и культовой обрядности калмыков. Оно требует всестороннего описания и дальнейшего комплексного изучения и издания.

Литература

1. Церенов В. З. Эркетени: Земля и люди: Из истории Черноземелья. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 556 с.
2. Репрессированное буддийское духовенство в 1920–1930-х гг. Список имен калмыцких монахов. Элиста: Центральный хурул Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни», 2019. 80 с.
3. Манджиев А. Из истории моей жизни // Теегин герл. 2021. № 1. С. 88–89.

4. Меняев Б. В. Ойратский письменный источник, посвященный культу огня (на материале рукописи из частной коллекции калмыцкого священнослужителя Осронга Батаева) // *Mongolica-XXI*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018. С. 67–70.
5. Меняев Б. В. Рукописное наследие калмыцкого священнослужителя Цагана Атхаева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12(66). Ч. 4. С. 39–42.
6. Буддийские наказания и пророчества в культуре калмыков и ойратов. Факсимиле рукописей. Предисл., введ., библиогр., транслитер., пер., перелож., глосс., прилож. Б. В. Меняева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 179 с.

Информация об авторе

Меняев Бадма Викторович — специалист Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-9205-4537>, bmeyaev@mail.ru,

References

1. Tserenov V. Z. *Erketeni: Land and people: From the history of the Chernozemel region*. Elista: APP «Dzhangar», 1997. 556 p. (in Russ.)
2. *Repressed Buddhist clergy in the 1920s-1930s List of names of Kalmyk monks*. Elista: Central Khurul of Kalmykia «The Golden Abode of Buddha Shakyamuni», 2019. 80 p. (in Russ.)
3. Mandzhiev A. *From the history of my life*. *Teegin gerl*. 2021. No. 1. P. 88–89. (in Russ.)
4. Menyaev B. V. *Oirat written source dedicated to the cult of fire (based on a manuscript from the private collection of the Kalmyk clergyman Osrong Bataev)* // *Mongolica-XXI*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2018, pp. 67–70. (in Russ.)
5. Menyaev B. V. *Manuscript legacy of the Kalmyk clergyman Tsagan Atkhaev*. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2016. No. 12(66). Part 4. P. 39–42.
6. *Buddhist orders and prophecies in the culture of Kalmyks and Oirats. Facsimile of manuscripts*. Foreword, introduction, bibliography, transliteration, translation, translation, gloss, app. B. V. Menyaev. Elista: KalmNTs RAN, 2016. 179 p. (in Russ.)

Information about the author

Badma V. Menyaev — specialist at the International Research Center «Oirats and Kalmyks in the Eurasian space», Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-9205-4537>, bmeyaev@mail.ru.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ПАПУА — НОВОЙ ГВИНЕЕЙ

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

Руководитель Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона,
научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании
Института востоковедения РАН, Москва, Россия

nn@mikluho-maclay.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5085-1693>

Аннотация. *В статье анализируются результаты полевых исследований, проведенных в Папуа — Новой Гвинее, а также выявляется значимость проектов в научной и образовательно-просветительской сферах, которые были подготовлены на основе сделанных в ходе этих экспедиций открытий. Рассматривается их влияние результатов экспедиций на развитие связей между Российской Федерацией и Независимым Государством Папуа — Новая Гвинея (ПНГ) в научной, культурной и гуманитарной сферах, а также перспективы развития более прочных торгово-экономических отношений между двумя странами. Особое внимание уделено экспедициям 2017 и 2019 гг. на северо-восток острова Новая Гвинея (Берег Маклая). Освещается ход полевых исследований и выявляется возможность использования их результатов для выстраивания двусторонних отношений между Российской Федерацией и Папуа — Новой Гвинеей.*

Экспедиции 2017 и 2019 гг. были организованы Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая при участии ученых Российской академии наук. Участники экспедиций провели комплексные исследования, опираясь на материалы путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая в XIX в. и результаты экспедиций Академии наук СССР в 1971 и 1977 гг. В статье, определены цели и задачи двух современных экспедиций, описаны и методы сбора материала, подвергнуты анализу основные

достигнутые результаты. Проведен обзор работы каждого из исследователей, входящих в состав экспедиционных групп. Подробно освещается воздействие полученных результатов и созданных на их основе проектов на развитие двусторонних отношений между Российской Федерацией и Папуа — Новой Гвинеей.

Полевые исследования продолжили традицию исследования северо-востока острова Новая Гвинея, благодаря многочисленным программам, подготовленным по результатам экспедиций, они позволили усилить интерес у россиян к южнотихоокеанскому региону. Содержание этих программ и проектов также рассматривается в статье.

Посетители выставочных, лекционных и образовательно-просветительских мероприятий, освещавших итоги экспедиций во многих городах страны, узнали о возрождении научных исследований в Океании, и истории изучения этого региона российскими учеными. Итогом популяризации этноокеанистики и стало привлечение новых молодых ученых к исследовательской деятельности, которая проходит в Центре изучения Южно-Тихоокеанского региона Института Востоковедения РАН.

Ключевые слова: Папуа — Новая Гвинея; Россия; двусторонние отношения между РФ и PNG; Берег Маклая; научные экспедиции; Миклухо-Маклай; сотрудничество в научной, культурной и гуманитарной сферах

FIELD RESEARCH AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND PAPUA NEW GUINEA

Nickolay Miklouho-Maclay

¹ Head of the Center for South Pacific Studies, research fellow at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania of the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

nn@mikluho-maclay.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5085-1693>

Abstract. *The article provides an analysis of the results of field research in Papua New Guinea and identifies the significance of scientific and educational projects based on the discoveries made during these expeditions. It considers their impact on the development of ties between the Russian Federation and the Independent State of Papua New Guinea (PNG) in scientific, cultural and humanitarian spheres, as well as the prospects for the development of stronger trade and economic relations between the two countries. Particular attention is paid to the 2017 and 2019 expeditions to the North-East of the New Guinea Island (Maclay Coast). It reviews the progress of the field research and the possibility of using its results to build bilateral relations between the Russian Federation and Papua New Guinea.*

The expeditions of 2017 and 2019 were organized by the Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage with the participation of scientists from the Russian Academy of Sciences. The expeditions members carried out comprehensive research based on the materials of N. N. Miklouho-Maclay's travels in the XIX century and the results of the expeditions of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1971 and 1977. The article provides the aims and tasks of the two modern expeditions, the methods of material collection are described and the main results achieved are analyzed. A review of the expeditions researchers' works is given in the article. The impact of the results obtained and the projects based on them on the development of bilateral relations between the Russian Federation and Papua New Guinea is reviewed in detail.

The field research followed and continued the tradition of exploring the North-East of the New Guinea Island. With numerous programs based on the results of the expeditions, this increased Russians' interest in the South Pacific. These programs and projects are also described in the article.

Visitors to exhibitions, lectures, and educational events in many cities across the country, devoted to the results of the expeditions, learned about the revival of scientific research in Oceania, and the history of Russian scientists' study of this region. Popularization of ethno-oceanistics resulted in the involvement of new young scientists in research activities carried out at the Center for South Pacific Studies of the Institute of Oriental Studies RAS.

Keywords: Papua New Guinea; Russia; bilateral relations between Russia and PNG; Maclay Coast; scientific expeditions; Miklouho-Maclay; cooperation in scientific, cultural and humanitarian spheres

История полевых исследований на о. Новая Гвинея, Берег Маклая

Истоки отношений между народами России и Папуа — Новой Гвинеи (ПНГ) берут свое начало в последней трети XIX в. В 1870–1880-е гг. состоялись экспедиции выдающегося отечественного ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая (1846–1888) на северо-восточное побережье Новой Гвинеи (ныне провинция Маданг, Берег Маклая, Берег Рай). Эти путешествия стали во многом примером полевой работы и внесли значимый вклад в мировую науку [1].

Именно Николай Миклухо-Маклай «открыл» внешнему миру коренное население северо-востока острова, оставив уникальное описание их жизни и быта. Знаменитый исследователь всегда пропагандировал уважение к традициям и культуре коренных папуа-новогвинейцев и жителей Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). На примере коренного населения Берега Маклая российский ученый доказал, что все люди равны от природы, а в мире не существует высших и низших рас.

Научное и идеологическое наследие о равенстве рас и народов Н. Н. Миклухо-Маклая имеет важное значение для уважительных отношений между народами двух стран. Ученый оставил в сердцах папуановогвинейцев добрую память о России и первым выступил в защиту коренных жителей острова от работорговли и эксплуатации их европейцами. Н. Н. Миклухо-Маклай по праву входит в пятерку наиболее значимых личностей для Папуа — Новой Гвинеи, являясь частью истории народа, традиции которого он тщательно собирал, сохранял и описывал [2].

В конце XIX — начале XX в. экспедиции русских ученых в Океанию прекратились. Но уже в середине 1920-х гг. в СССР стали появляться планы по продолжению изучения народов Океании. Однако из-за политических проблем, а затем начавшейся Второй мировой войны все работы в этом направлении были прекращены. Только в первые послевоенные годы поступившее в распоряжение АН СССР судно «Витязь» (названное так в 1949 г. в память о двух одноименных российских корветках, построенных в 1862 и 1884 гг., первый из которых в 1871 г. доставил Н. Н. Миклухо-Маклая на берег Новой Гвинеи) стало совершать регулярные рейсы в Тихий океан, сначала в северные, а затем и южные широты. Спустя 100 лет с момента первой экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая интерес у отечественных этнографов и антропологов к изучению Новой Гвинеи и островного мира Океании не угас.

Но эти экспедиционные рейсы носили преимущественно океанологический характер [3].

Советская научная экспедиция, приуроченная к 100-летию высадки Н. Н. Миклухо-Маклая на о. Новая Гвинея, прибыла на Берг Маклая на судне «Дмитрий Менделеев» в 1971 г. В ходе организованных в те годы двух рейсов этого судна в 1971 и 1977 гг. у ученых появилась возможность провести здесь полевые исследования. В задачи входило изучение образа жизни местных жителей, их культуры, хозяйственного уклада, социальной организации, материальной культуры, религиозных представлений, фольклора, системы образования и др.

В экспедиции участвовали ученые из ИЭ РАН и МГУ, Институт востоковедения РАН представлял Владимир Басилов, специалист по шаманству Центральной Азии [3–5].

Благодаря доброй памяти о русском путешественнике, которую местные жители хранят и в наши дни, они охотно делились с исследователями информацией о жизни и быте на Берегу Маклая. Будучи на северо-востоке Новой Гвинеи, отечественные этнографы поражались, насколько мир, описанный Н. Н. Миклухо-Маклаем, был похож на тот, что они встретили,— исследователи словно шли по рисункам путешественника, сотни которых он оставил потомкам. Более того, они убеждались, что личность Н. Н. Миклухо-Маклая оставила немалый след в фольклоре коренного населения. Местные жители из поколения в поколение передают рассказы о его пребывании на Новой Гвинее и даже дают своим детям имя Маклай. Это позволило ученым-этнографам собрать уникальный материал, который лег в основу новых открытий, что вызвало живую волну интереса к Новой Гвинее и Южно-Тихоокеанскому региону [1; 6, с. 153–154; 7, с. 74–75].

Обращает на себя внимание факт, что СССР, имея давние традиции научного изучения острова, стал одной из первых стран, которая признала независимость Папуа — Новой Гвинеи. Понимая необходимость защиты коренного населения, о которой писал и за которую боролся наш соотечественник еще в XIX в., Советский Союз поднимал вопрос о независимости ПНГ в Организации Объединенных Наций еще в 1960-х гг.

Современные экспедиции 2017 и 2019 гг. на Берег Маклая

В начале XXI в. отношения России и Папуа — Новой Гвинеи (ПНГ) получили новый виток развития после некоторого затишья, связанного с развалом СССР. Традиции экспедиционной работы в этот период были остановлены, а дипломатические отношения носили формальный характер, т.к. посольство РФ в целях оптимизации расходов переехало в Джакарту (Индонезия), где посол выполнял свои обязанности по совместительству, представляя РФ сразу в нескольких странах региона. Такая удаленность, вкупе с утраченными контактами на местах, не могла способствовать развитию двусторонних отношений между нашими странами.

Традиции исследования северо-востока ПНГ, Берега Маклая, заложенные Н. Н. Миклухо-Маклаем во второй половине XIX в. и продолженные советскими учеными в XX в., продолжили новые поколения российских исследователей. В 2017 и 2019 гг. в экспедицию на Берег Маклая отправились ученые РАН из Москвы и Санкт-Петербурга под руководством автора статьи.

Была поставлена цель найти информацию о том, что изменилось на северо-востоке о. Новая Гвинея, а именно на Берегу Маклая, за 40 лет, прошедшие со времени последних советских экспедиций, и сравнить современную жизнь коренных жителей залива Астролябия с дневниковыми записями Н. Н. Миклухо-Маклая. Важной задачей было налаживание дружественных всесторонних контактов между Российской Федерацией и островным государством, т.к. в ходе подготовки экспедиции выяснилось, что все академические и международные связи утеряны.

Подготовка экспедиции продлилась около двух лет, именно столько потребовалось на сбор и изучение материала, налаживание контактов.

В состав экспедиции под руководством Н. Н. Миклухо-Маклая-младшего, вошли И. В. Чининов — научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; А. А. Лебедева — научный сотрудник Отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; Д. И. Шаромов — фотограф экспедиции.

Экспедиция вылетела из Москвы в Сидней 11 сентября 2017 г., но по определенным причинам — из-за задержки и отмены рейсов, проблем с визами — задержалась в этом городе на несколько дней. В итоге в городе Маданг члены экспедиции оказались только 16 сентября, в День независимости Папуа — Новой Гвинеи. Там к команде присоединился в качестве переводчика с местного языка ток-писин католический миссионер С. Цеглер, родом из Иркутска. В этот же день на судне сэра П. Бартера (крупного общественного и государственного деятеля и друга руководителя экспедиции) группа направилась к мысу Гарагасси — месту, где в 1871 г. высадился Н. Н. Миклухо-Маклай. Прибытие гостей из далекой

«страны Маклая» стало невероятным событием для местных жителей — их предупредили, что во главе экспедиции потомок их «большого» и очень почитаемого «белого брата». На берегу собралась толпа примерно из трех тысяч коренных жителей, пришедших со всех окрестных деревень и ожидавших появления людей из другого мира. Когда произошла высадка членов российской экспедиции, папуасы устроили грандиозное представление с песнями, танцами и пантомимами. На месте, где была хижина великого путешественника, они водрузили российский флаг. Вначале они спели гимн Независимого государства Папуа — Новая Гвинея, затем была разыграна инсценировка первой встречи Н. Н. Миклухо-Маклая с папуасом Туем. В роли русского ученого был его потомок и руководитель экспедиции (подобные инсценировки бонгуанцы устраивали и в честь советских экспедиций в 1970-х гг.). По окончании мероприятия члены экспедиции были сопровождены в деревню Горенду и размещены в одной из семейных хижин, где им предстояло жить в течение недели. Кроме Горенду ученые посещали соседние деревни Бонгу и Гумбу (рис. 1, 2, 3).

При проведении полевых исследований выяснилось, что бóльшая часть построек папуасов сохранила тот же традиционный характер, что и во времена советских экспедиций. Почти все они возводились на сваях (эта традиция возникла здесь еще в самом конце XIX столетия), другие их конструктивные особенности также не изменились, как и материалы для их сооружения (кровля непременно покрывается листьями саговой пальмы, стены изготавливаются из расщепленного бамбука и т. д.). При более детальном изучении быта папуасов выявились и многие другие прочно удерживающиеся элементы традиционной материальной культуры. В обиходе используются циновки, сплетенные из листьев кокосовой пальмы, глиняные горшки (производимые в деревне Билбил), плетеные сумки (носят мужчины и женщины), различные украшения. Во время праздничных мероприятий многие папуасы облачаются в традиционные наряды, которые практически не изменились со времен Миклухо-Маклая (разве что стало значительно меньше головных перьевых украшений из-за обеднения местной фауны). Исполняя старинные песни и танцы, папуасы обычно сопровождают себя на ручных деревянных барабанах —

окамами. Также широко используют сигнальные раковины, а в деревнях Бонгу и Гумбу щелевые сигнальные гонги — барумы. Все это говорит о том, что папуасы этих деревень бережно хранят многие из своих традиций, несмотря на все большее проникновение к ним предметов современного западного мира. Их самобытная культура не растворилась полностью под давлением инноваций, а гармонично уживается с ними, что порой приобретает весьма причудливые образы. В целом бонгуанцы еще сохраняют многое из своей традиционной культуры, а современные элементы органично накладываются на жизненный уклад, полностью его не трансформируя. Более того, многие бонгуанцы очень трепетно относятся к своей этнокультурной идентичности и всеми силами прививают ее молодому поколению. Поэтому можно с уверенностью говорить о живом культурном наследии бонгуанцев.

Автор статьи и руководитель экспедиции собрал предания о своем предке, проведя интервью со старейшинами деревень, которые начиная с XIX в. из поколения в поколение передают истории, поразительно повторяющие дневниковые записи выдающегося ученого, а некоторые факты действительно позволили понять, что Н. Н. Миклухо-Маклай для местных жителей был практически божеством, которого они называли Тамо Боро Рус («большой русский человек») и который навсегда оставил след в их сердцах¹.

20 сентября (в день первой высадки Н. Н. Миклухо-Маклая на берегу залива Астролябия в 1871 г.) вблизи мыса Гарагасси состоялось знаменательное событие: телемост Москва — Берег Маклая. Всю необходимую для этого технику привезли из Маданга. Стоит отметить, что телемост проходил впервые в истории наших стран, и россияне смогли своими глазами увидеть далекий Берег Маклая. Связь в этих местах не позволяет проводить телеконференции, но благодаря специально привезенному оборудованию удалось усилить сигнал так, чтобы из джунглей связаться с Россией. Это мероприятие посетил первый премьер-министр и отец-ос-

---

¹ <https://topspb.tv/news/2017/10/24/chelovek-s-luny-hto-vyyasnil-prapravnuk-mikhulo-maklaya-v-hode-ekspedicii-v-novuyu-gvineyu/>

нователь Независимого государства Папуа — Новая Гвинея Майкл Сомаре. Его прибытие вызвало настоящий фурор среди местных жителей, так как до этого он ни разу не посещал эти края, а почтение к бывшему лидеру настолько большое, что его по-прежнему переносят на паланкине несколько рослых и крепких мужчин. Майкл Сомаре посетил Берег Маклая по приглашению Миклухо-Маклая-младшего. Основатель в заявлении, сделанном в ходе телемоста, засвидетельствовал свое почтение потомку знаменитого путешественника и всем участникам экспедиции и выразил желание сотрудничать с Россией² (рис. 4).

По случаю такого события коренные жители, папуасы окрестных деревень, снова устроили роскошный праздник с песнями, танцами и пантомимами. Одна из таких пантомим изображала известный эпизод, когда Н. Н. Миклухо-Маклай подарил папуасам бычка с телкой, а они убежали в лес, после чего папуасы устроили на них охоту (в данной пантомиме участвовал только бычок). Это было очередным подтверждением, что русский ученый и его жизнь среди бонгуанцев стали неотъемлемой частью местного фольклора³.

Российские ученые покинули Горенду 22 сентября, а на следующий день экспедиция посетила деревню Билбил, где также жива память о Н. Н. Миклухо-Маклае. В прошлом билбилцы населяли небольшой одноименный островок приблизительно в 2 км от новогвинейского побережья. Но он был очень мал, и из-за растущей численности населения в середине XX в. они переселились на берег Новой Гвинеи, где основали деревню, также названную Билбил. Однако островок не был заброшен и остался в зоне видимости, всего в 15 минутах пути на моторной лодке, там папуасы и в наши дни проводят традиционный обряд инициации. В ходе визита были проведены интервью со старейшинами, благодаря чему можно было убедиться, что русский ученый Миклухо-Маклай стал неотъемлемой частью их фольклора, и рассказы о нем передаются из поколения в поколения. Выявилось устойчивое

² https://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2017_09_21
<http://rusmecenat.ru/telemost-svyazal-nevu-i-bereg-maklaya/>

³ <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5468789/Russian-explorer-white-man-meet-PNG-tribe.html>

стремление к сохранению традиций, несмотря на отток молодежи в город Маданг и столицу Порт-Морсби⁴.

В прошлом австронезийскоязычный народ, населяющий эту деревню, создал обширную торговую систему, в которой они занимали центральное место, будучи умелыми судостроителями и первоклассными гончарами. Их гончарные изделия пользовались спросом во многих деревнях Берега Маклая, что подробно описал еще в XIX в. русский ученый. В настоящее время бóльшая часть их керамической продукции сбывается туристам, которые посещают деревню [8, с. 450–461].

После Билбила экспедиция вернулась в Маданг, а на следующий день вылетела в столицу Папуа — Новой Гвинеи Порт-Морсби для проведения запланированной встречи с целью налаживания академических связей. Там произошла важная встреча членов экспедиции с учеными и преподавателями Университета Папуа — Новая Гвинея — главном учебном и научном учреждении страны. Затем члены экспедиции отбыли в Сидней, откуда вылетели в Москву, а руководитель экспедиции еще на несколько дней остался в Австралии для работы с австралийскими архивами и налаживания российско-австралийских связей. Участники экспедиции побывали в Сиднейском университете, в музее которого хранится герб семьи Маклаев, и в Австралийском национальном музее, отмечающем в этом году свое 190-летие. В этом музее Миклухо-Маклай-старший работал и участвовал в создании обширной коллекции, насчитывающей сегодня более 62 тысяч экспонатов, связанных с Папуа — Новой Гвинеей. Побывали путешественники и в Митчеловской библиотеке, где им удалось увидеть редчайший портрет Миклухо-Маклая кисти художника А. Корзухина, написанный в 1886 г. в Сиднее за два года до смерти Николая Николаевича.

Работая с документами в хранилище библиотеки исследователям удалось найти документальное подтверждение тому, что берег, на который высадился Миклухо-Маклай еще во времена германской аннексии, носил имя Берег Маклая, но позже был переименован в Рай Кост. На основании найденных документов возможно официальное восстановление этого исторического названия на картах Папуа — Новой Гвинеи.

⁴ <https://youtu.be/BGHgMbRXAy8>

Члены экспедиции были приглашены на прием в Первый Русский музей Австралии, где встретились с русской диаспорой, проживающей в Сиднее, и показали уникальные фото- и видеоматериалы, отснятые в Папуа — Новой Гвинее. Встреча была организована с традиционным русским гостеприимством основателем музея Михаилом Овчинниковым. На приеме побывал консул-советник Российского консульства в Австралии Николай Николаевич Виноградов, выступивший с приветственной речью⁵.

Основные результаты полевых исследований

По итогу экспедиции был собран обширный материал по материальной культуре современных бонгуанцев, собрана уникальная коллекция предметов искусства и быта, идентичных предметам, собранным Миклухо-Маклаем в XIX в., которая имеет высокую историко-культурную и этнографическую ценность из 56 предметов, основная часть предметов этой коллекции пополнили музеи России⁶.

В 2021 г. оцифрованные материалы стали основой для создания онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая⁷, представленного в Санкт-Петербурге на фестивале «Берег Маклая» и приуроченного к 175-летию знаменитого путешественника и 150-летию его легендарной экспедиции на Новую Гвинею⁸.

Фестиваль был организован в рамках образовательно-просветительского проекта «Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая». Он познакомил семейную и детскую аудиторию, а также ученых-исследователей с экспедициями в Южно-Тихоокеанский регион XIX в. и на современном этапе. На фестивале была представлена уникальная подборка оцифрованных материалов для специалистов, изучающих ЮТР⁹.

---

⁵ <http://rusmecenat.ru/mikluho-maklaj-uzhe-v-avstralii/>

⁶ <https://www.spb.kp.ru/daily/26824.4/3860976/>

<https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/lichnye-veschi-papuasov-stanut-eksponatami-v-peterburge-1380158/>

⁷ <https://mikluho-maclay.online>

⁸ <https://topspb.tv/news/2021/10/12/v-peterburge-otkrylsya-festival-bereg-maklaya-k-175-letiyu-puteshestvennika/>

<https://foto-travel.net/2021/10/bereg-maklaya>

⁹ <https://mikluho-maclay.org/projekts/bereg-maklaya/>; <http://www.expolife.ru/news/57273.html>

На открытии в онлайн-режиме присутствовали премьер-министр Папуа — Новой Гвинеи Дж. Мараве и посол РФ по совместительству в ПНГ Людмила Воробьева. Обращаясь к собравшимся, они обратили внимание, что именно научные экспедиции стали драйвером в отношениях между странами после длительного затишья¹⁰

В ходе экспедиции была проведена профессиональная фотофиксация, выполнено множество высококачественных фотографий, что послужило основой выпуска иллюстрированного издания «Путешествие на Берег Маклая»¹¹, отснят материал, который лег в основу документального фильма об этой экспедиции «Человек с Луны», успешно показанного на телеканалах России уже в 2018 г.¹² В 2020 г. вышла расширенная режиссерская версия фильма¹³.

Также в период с 2017 по 2020 г. в нескольких городах России были организованы 35 фотовыставок об истории экспедиций. Только в первый год их посетили 15 тыс. человек. Начало положила первая выставка на международном культурном форуме в Санкт-Петербурге в ноябре 2017 г.¹⁴

На основе материалов экспедиции был подготовлен и представлен образовательно-просветительский проект «Миклухо-Маклай, XXI век. Ожившая история»¹⁵, выпущен одноименный иллюстрированный журнал¹⁶.

Многочисленные слушатели и посетители узнали о возрождении исследований в Океании, истории исследования региона, благодаря чему началась подлинная популяризация этноокеанистики и маклаеведения.

¹⁰ <https://www.ivran.ru/novosti?artid=210191>; Обращение премьер-министра Папуа — Новой Гвинеи Джеймса Мараве к участникам форума «Берег Маклая». <https://www.youtube.com/watch?v=W2D4AldmqUo>; Далекий «Берег Маклая» становится ближе. https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/news/223933/

¹¹ <https://library.mikluho-maclay.ru/puteshestvie-na-bereg-maklaya-2018/>;
<https://mikluho-maclay.ru/journey-to-coast-maclay/>

¹² <https://www.kinopoisk.ru/film/1246981/>; <https://culturalforum.ru/events/chelovek-s-luny>

¹³ <https://www.youtube.com/watch?v=wJyq8hcXhMk>

¹⁴ <https://mikluho-maclay.ru/ozhivszej-istoriya-na-kulturnom-forume/>

¹⁵ https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_culture/news/137127/; <https://mikluho-maclay.org/projekts/project-revived-history/>

¹⁶ <https://mikluho-maclay.ru/zhurnal-mikluho-maklaj-xxi-vek-ozhivshaya-istoriya/>

Кроме того, стали налаживаться экономические связи между Россией и Папуа — Новой Гвинеей. Фонд им. Миклухо-Маклая провел презентации для россиян и новогвинейцев под названием «Россия — Папуа — Новая Гвинея, перспективы сотрудничества». Эти встречи проходили при участии посла МИД РФ и Министерства экономического развития РФ.

В конце апреля — начале мая 2019 г. состоялась очередная экспедиция в Папуа — Новую Гвинею, руководителем снова выступил — Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. До прибытия на Берег Маклая члены экспедиции посетили одну из деревень австронезийскоязычного народа моту Хануабада, расположенную к западу от Порт-Морсби. Моту в прошлом были известными гончарами и торговцами, совершавшими свои экспедиции хири на многокорпусных парусных судах лагатои вдоль южного побережья Новой Гвинеи и обменивая керамические изделия на саго и древесные стволы (для изготовления новых лодок). Затем ученые посетили многоэтническую общину Коки, расположенную восточнее Порт-Морсби. На Берегу Маклая члены экспедиции снова разместились в деревне Горенду (в той ее части, которая ныне стала называться деревней Миклухо-Маклая), но посещали также и деревни Бонгу и Гумбу. В каждой из деревень гостей из России встречали праздничными представлениями с песнями и танцами. Этнолог И. В. Чининов проводил исследования современного хозяйственного уклада жителей Горенду, лингвист из Университета Порт-Морсби О. Темпл (бывшая гражданка СССР) изучала лингвистические особенности языка бонгу. Экспедиция пробыла в Горенду с 27 апреля по 4 мая 2019 г. Н. Н. Миклухо-Маклай проводил съемки документального фильма о жизни и быте папуасов Берега Маклая и легендарном потомке папуаса Туя, который первым встретил Миклухо-Маклая в XIX в. и стал его другом [9]. После этого исследователи вернулись в Маданг, а 5 мая посетили деревню Билбил [10].

На этот раз билбилцы отвезли российских гостей на моторной лодке на свою бывшую родину — островок Билбил. Сейчас там нет постоянного населения, но в определенное время года билбилцы посещают этот островок для проведения возрастных инициаций юношей. По возвращению в Маданг ученые посетили местный университет, где провели содер-

жательную встречу со студентами. Вернувшись в Порт-Морсби, члены экспедиции побывали в Университете Порт-Морсби для укрепления связей между нашими странами в сфере образования.

Итогом второй экспедиции в 2019 г. стало обретение ценного материала о хозяйственном укладе папуасов (земледелии, рыболовстве, охоте, собирательстве и животноводстве). Было изучено современное состояние бонгуанского языка, зафиксированы те изменения, которые произошли за последние несколько десятков лет со времени советских экспедиций 1970-х гг. Был отснят материал для документального фильма «Асель-Туй, потомок Туя», позже успешно представленного в Москве на IX Московском международном форуме визуальной антропологии «Камера-посредник»¹⁷. Фильм рассказывает о различных сторонах жизни и быта папуасов деревень Горенду, Бонгу и Гумбу устами коренного жителя, старейшины Асель-Туя¹⁸.

В деревне Горенду были записаны ценные исторические предания о Н. Н. Миклухо-Маклае и снят документальный фильм «Возвращение Маклая», повествующий о деятельности современных экспедиций¹⁹.

Российские экспедиции на Берг Маклая в XXI в. фактически возродили не только научные исследования россиян в этом регионе, но и наладили культурные, гуманитарные и экономические связи между Россией и Папуа — Новой Гвинеей. Значимым проектом, свидетельствующим о развитии культурных связей между двумя государствами, стало учреждение 12 декабря 2019 г. в столице Порт-Морсби Российского кабинета, являющегося первым культурно-информационным центром для обучения русскому языку и развития двусторонних отношений в культурной и научной сферах. На его территории впервые в истории ПНГ российской стороной были проведены различные культурные мероприятия²⁰.

¹⁷ https://polit.ru/article/2021/05/07/ps_camera/

¹⁸ <https://youtu.be/kRtYw47A-Yg>

¹⁹ <https://youtu.be/fB5I5H66k2w>

²⁰ В Папуа — Новой Гвинее состоялось торжественное открытие Российского кабинета // RT. 12.12.2019. <https://russian.rt.com/world/news/697028-gvineya-rossiya-kabinet> (дата обращения: 23.06.2020).

Первые международные мероприятия на высшем уровне

Сотрудничество в области науки, более глубокое знакомство с традициями и культурой наших стран, способствовали взаимному доверию, и как результат, выстраиванию двусторонних дружественных отношений между нашими странами. Именно связи, хорошо налаженные в период экспедиции, не только в деревнях, где проводились исследования жизни и быта папуа-новогвинейцев, но и среди руководства ведущих университетов ПНГ, глав крупных компаний и лично с отцом-основателем Независимого Государства Майклом Сомаре позволили «на полях» саммита АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) в 2018 г. развернуть масштабную культурную программу²¹. Были организованы выставочные мероприятия, рассказывающие об истории связей России и Папуа — Новой Гвинеи. Эти культурные события привлекли внимание прессы в обеих странах, где вышел ряд статей²² в ведущих СМИ. Позитивная повестка позволила показать, что благодаря собранным материалам в период экспедиций на о. Новая Гвинея российские ученые начиная с XIX в. по наши дни вносят значимый вклад в сохранение и изучения культуры и традиций ПНГ²³.

²¹ <https://mikluho-maclay.org/projekts/meropriyatiya-na-ates-2018/>

²² См., например: Дмитрий Медведев принял участие в работе саммита АТЭС, который в этом году состоялся в Папуа — Новой Гвинее // Первый канал. https://www.1tv.ru/news/2018-11-17/355817-dmitriy_medvedev_prinyal_uchastie_v_rabote_sammity_ates_kotoryy_v_etom_godu_sostoyalsya_v_papua_novoy_gvinee; Саммит АТЭС: АТР бурно развивается, и Россия не останется в стороне // Вести Россия 1. https://www.vesti.ru/doc.html?id=3084268#/video/https%3A%2F%2Fplayer.vgtrk.com%2Fiframe%2Fvideo%2Fid%2F1843811%2Fstart_zoom%2Ftrue%2FshowZoomBtn%2Ffalse%2Fsid%2Fvesti%2FisPlay%2Ftrue%2F%3Facc_video_id%3D777421; First PNG univesity delegation visits Russia. The national. <https://www.thenational.com.pg/first-png-univesity-delegation-visits-russia/>; Russia and Papua New Guinea signed a number of documents on cooperation in the humanitarian sphere. Teller Report. <http://www.tellerreport.com/news/—russia-and-papua-new-guinea-signed-a-number-of-documents-on-cooperation-in-the-humanitarian-sphere-.By3ZLuRa7.html>

²³ 18.11.2018 International News Russia and Papua New Guinea signed a number of documents on cooperation in the humanitarian sphere. <http://www.tellerreport.com/news/—russia-and-papua-new-guinea-signed-a-number-of-documents-on-cooperation-in-the-humanitarian-sphere-.By3ZLuRa7.html>;
17.11.2018 RUSSIA NEWS TODAY Reporters at the APEC summit gave a coffee and a book about the Maclay. <https://chelorg.com/2018/11/17/reporters-at-the-apec-summit-gave-a-coffee-and-a-book-about-the-maclay/>;

В апреле 2019 г. в Москве в МИД РФ состоялось важное культурное событие — выставка «Россия и Папуа — Новая Гвинея», организованная на основе фотоматериалов экспедиции Фондом им. Миклухо-Маклая и Министерством иностранных дел РФ для знакомства с историей связей наших стран, развития межкультурного, международного диалога. Среди почетных гостей выставки были представители аппарата правительства, МИД РФ, министерств и ведомств РФ, послов стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), глава Россотрудничества, представители фонда «Русский мир», Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН и др. Выставку приветственным словом открыли заместитель министра иностранных дел РФ И. В. Моргулов и Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. Стоит отметить, что это первое культурное мероприятие в России, которое собрало столь высоких гостей, объединенных темой развития двусторонних отношений Российской Федерации с Независимым Государством Папуа — Новая Гвинея, на котором обсуждались возможности взаимодействия с ПНГ. Независимое Государство Папуа — Новая Гвинея в связи с отсутствием посольства и Почетного консула ПНГ в РФ на данном мероприятии представлял Н. Н. Миклухо-Маклай-младший с одобрения папуа-новогвинейской стороны, проведя экскурсию по выставке и ответив на вопросы уважаемых гостей о реальном положении дел в ПНГ²⁴. По словам И. В. Моргулова, в последнее время связи РФ и Папуа — Новой Гвинеи активизировались. Так, напомнил он,

---

15.11.2018 The National First PNG university delegation visits Russia. <https://www.thenational.com.pg/first-png-university-delegation-visits-russia/>;

10.11.2018 «Muse» Voyage in time. <https://mikluho-maclay.ru/wp-content/uploads/2018/12/NNMM.pdf>;

10.11.2018 THE UNIVERSITY OF PAPUA NEW GUINEA (PDF) https://mikluho-maclay.ru/wp-content/uploads/2018/12/Nicholai_visit.pdf;

01.11.2018 PNG STUDENTS VISIT RUSSIA MELANESIAN NEWS (PDF) <https://mikluho-maclay.ru/wp-content/uploads/2018/12/Newsletter-Dec-2018.pdf>;

08.03.2018 DailyMail The fascinating story of the 19th Century explorer who became the first white man to meet spear-wielding New Guinea tribe, as his great-great-nephew returns 150 years later to meet locals named after his ancestor. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5468789/Russian-explorer-white-man-meet-PNG-tribe.html>

²⁴ «Россия — Папуа — Новая Гвинея» Фотовыставка в МИД РФ. Фонд им. Миклухо-Маклая. <https://mikluho-maclay.ru/fotovystavka-rossiya-papua-novaya-gvineya-v-mid-rf/>

в ноябре 2018 г. состоялся первый в истории контакт глав правительств двух стран «на полях» саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Порт-Морсби, а в настоящее время прорабатывается визит премьер-министра этой страны в Россию. Замминистра также обратил внимание на неплохие перспективы кооперации двух стран в топливно-энергетической и сельскохозяйственной сферах и сообщил о том, что обсуждается вопрос об организации бизнес-миссий РФ и Папуа — Новой Гвинеи²⁵.

Встреча с новым премьер-министром ПНГ

Первый контакт с действующим премьер-министром Дж. Марапе, после его вступления в должность в 2019 г., с российской стороны осуществил Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. На встрече обсудили вопросы всестороннего сотрудничества в гуманитарной сфере, науке, в области развития туризма и защиты инвестиций для российского бизнеса, обсудили и результаты экспедиций, которые были проведены, отметив необходимость продолжать традиции полевых исследований российских ученых в ПНГ. Премьер-министр в ходе встречи отметил, что Папуа — Новая Гвинея уникальна и многообразна, ведь в одной стране объединены тысячи языков и культур. «Мы готовы смотреть и учиться лучшему, не теряя своей уникальности и идентичности. У нас есть хорошая возможность посмотреть на лучшие примеры развития во всем мире и использовать только их. Наш девиз „Друзья — всем, враги — никому“ подтверждает нашу линию развития. Мы открыты новым предложениям и будем рады сотрудничеству с Россией как с великой державой, у которой есть чему поучиться»²⁶, — сказал Дж. Марапе. (рис. 5)

Полевые исследования как фактор развития двусторонних отношений между Российской Федерацией и Папуа — Новой Гвинеей представили

---

²⁵ Моргулов заявил, что визит премьер-министра Папуа — Новой Гвинеи в Россию прорабатывается // ТАСС. 04.04.2019. <https://tass.ru/politika/6294956> (дата обращения: 23.06.2020).

²⁶ Встреча премьер-министра Папуа — Новой Гвинеи Дж. Марапе с Н. Н. Миклухо-Маклаем // Фонд им. Миклухо-Маклая. <https://mikluho-maclay.ru/post-rossiya-i-papua-novaya-gvineya-edinstvo-v-mnogoobrazii/>

результат не только в сохранении приемственности в изучении о. Новая Гвинея, Берега Маклая и результаты новых открытий, а стали основой для нового витка всестороннего развития двусторонних связей на высшем уровне, открывая возможности взаимовыгодного сотрудничества на основе взаимного уважения и доверия.

Литература

1. На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М., 1975.
2. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. С. I–XVI. https://book.mikluho-maclay.ru/wp-content/uploads/2021/05/ММ_статья__Шеститомник.pdf
3. Тумаркин Д. Д. «О тамо, кайе!». Воспоминания и размышления ученого-путешественника. М., 2019.
4. Тумаркин Д. Д. За морем телушка — полушка, да рубль перевоз (о двух этнографических экспедициях на острова Океании). Антропология академической жизни: традиции и инновации. М., 2013.
5. Тумаркин Д. Д. Миклухо-Маклай. Две жизни «белого папуаса». (Сер. ЖЗЛ). Вып. 1282. М.: Молодая гвардия; 2012.
6. Путилов Б. Н. Песни Южных морей. М., 1978.
7. Меликсетова И. М. Встреча с Океанией 70-х годов. М., 1976.
8. Миклухо-Маклай Н. Н. Россия и Папуа — Новая Гвинея в свете новой политики островного государства — перспективы сотрудничества. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020. Т. 1. № 1 (46).
9. Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествие на Берег Маклая. СПб., 2018.
10. Чининов И. В. Материальная культура жителей деревень Горенду и Бонгу (Новая Гвинея) в начале XXI века: традиции и инновации. (По материалам полевых исследований). Вестник антропологии, 2019. № 3 (47).

References

1. On the Maclay Coast (Ethnographic sketches). Moscow, 1975. (In Russ.)
2. Miklouho-Maclay N. N. Collected Works in 6 volumes. 2nd edition, revised and expanded. Saint-Petersburg, 2020, pp. I–XVI. URL: https://book.mikluho-maclay.ru/wp-content/uploads/2021/05/ММ_статья__Шеститомник.pdf (In Russ.)
3. Tumarkin D. D. «O tamo, kaie!». The memories and reflections of a scientist and traveler. Moscow, 2019. (In Russ.)

4. Tumarkin D. D. *Za morem telushka— polushka, da rubl perevoz* (about two ethnographic expeditions to the islands of Oceania). *Anthropology of academic life: traditions and innovations*. Moscow, 2013. (In Russ.)
5. Tumarkin D. D. *Miklouho-Maclay. Two Lives of the «white Papuan»*. Series «Zhizn zamechatelnyh lyudei». Issue 1282. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2012. (In Russ.)
6. Putilov B. N. *Songs of the South Seas*. Moscow, 1978. (In Russ.)
7. Meliksetova I. M. *Encounter with Oceania in the 1970s*. Moscow, 1976. (In Russ.)
8. Miklouho-Maclay N. N. *Russia and Papua New Guinea in the view of new policy of the island state — prospects for cooperation*. *Southeast Asia: current development issues*. 2020. Vol. 1. № 1 (46). (In Russ.)
9. Miklouho-Maclay N. N. *Journey to the Maclay Coast*. Saint-Petersburg, 2018
10. Chininov I. V. *The material culture of the inhabitants of Gorendu and Bongu villages (New Guinea) at the beginning of the XXI century: traditions and innovations (based on field research)*. *Vestnik antropologii*, 2019. № 3 (47). (In Russ.)

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАМКА МАРГАТ (МАРКАБ) В СИРИИ

Виталий Владимирович Прудников

ФГБУН Институт Востоковедения РАН,

gviskar@mail.ru, ORCID ID: 0000–0002–0355–2324

Аннотация: *Данный доклад посвящён некоторым страницам истории исследований замка Маргат (Маркаб) в Сирии. Его основание заложили мусульмане в 60-х гг. XI в. и он верно служил им до 1117 г., когда хитростью оказался в руках крестоносцев. С этого момента начался новый период истории Маргата, который характеризуется активной застройкой, как самого замка, так и прилегающей к нему территории. Интенсивность строительства только возросла с передачей собственности первых владельцев из семьи Мазуаров в руки рыцарей ордена госпитальеров в 1186\7 г. При них Маргат превратился в одну самых мощных крепостей латинского Востока. Только в конце XIII в. мусульмане величайшей ценой потерь и утрат смогли вернуть его себе. Маргат сохранил своё важное значение в регионе вплоть до конца XIX в., а последние отблески городской жизни на его территории угасли только в 50-х гг. XX в.*

Маргат стал привлекать внимание на заре своего существования. Христианские и арабские авторы воспевали в своих произведениях мощь и красоту его укреплений. Многие учёные приступали к его бастионам с целью всестороннего и детального изучения. Большой интерес представляет работа Эммануэля Гийома-Рея, который в конце XIX в. предвосхитил многие современные направления исследований. Ему на смену в начале XXI в. пришла Сирийско-венгерская археологическая экспедиция. В главе этой миссии с 2007 г. бессменно находится Балаш Майор. Во многом благодаря упорству и применению новых методов исследования Сирийско-венгерской археологической миссии удалось добиться довольно значительных результатов, которые рассматриваются в этом докладе.

Ключевые слова: Маркаб, Маргат, крестовые походы, госпитальеры, Мазуары

SOME PAGES OF THE HISTORY OF EXPLORATION OF THE MARGAT (MARKAB) CASTLE IN SYRIA

Vitaly Vladimirovich Prudnikov
Institute of Oriental Studies RAS,

gviskar@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-0355-2324

Abstracts: *This report is devoted to some pages of the history of the research of the Margat (Markab) castle in Syria. Its foundation was laid by Muslims in the 60s. 11th century and he faithfully served them until 1117, when by cunning he was in*

the hands of the crusaders. From that moment, a new period in the history of Margat began, which is characterized by active development, both of the castle itself and of the territory adjacent to it. The intensity of construction only increased with the transfer of property from the first owners from the Mazuars family to the Knights of the Hospitaller Order in 1186/7. Under them, Margat turned into one of the most powerful fortresses of the Latin East. Only at the end of the XIII century. Muslims, at the greatest cost of loss and loss, were able to regain it. Margat retained its importance in the region until the end of the 19th century, and the last glimpses of urban life on its territory faded only in the 50s. 20th century Margat began to attract attention at the dawn of his existence.

Christian and Arab authors sang in their works the power and beauty of its fortifications. Many scientists approached its bastions with the aim of a comprehensive and detailed study. Of great interest is the work of Emmanuel Guillaume-Rey, who at the end of the 19th century. pioneered many modern lines of research. He was replaced at the beginning of the XXI century. came the Syrian-Hungarian archaeological expedition. Since 2007, Balazs Mayor has been at the head of this mission. Largely due to the perseverance and application of new

research methods, the Syrian-Hungarian archaeological mission managed to achieve quite significant results, which are discussed in this report.

Keywords: Markab, Margat, Crusades, Hospitallers, Mazuars

Замок Маргат расположен в провинции Тартус на горе, которая в свою очередь является потухшим вулканом и доминирует над окружающими её возвышенностями. Сама местность дает возможность легко контролировать с этой высоты все проходящие мимо пути, как по суше, так и по морю (рис. 1).

Первые укрепления на этой горе были возведены мусульманами в 60-х гг. XI в. В значительной степени благодаря этим укреплениям и выгодному расположению, византийцы и крестоносцы тщетно пытались выбить мусульман из замка, хотя владели на тот момент практически всей прилегавшей к нему территорией. В 1104 г., после битвы при Харране, Византийской империи удалось на ней практически закрепиться, но десять лет спустя эта земля была захвачена Танкредом, принцем Галилеи и регентом Антиохии, и вошла в состав молодого норманнского княжества. Со смертью Танкреда контроль над всей замковой округой отошел к Рожеру Антиохийскому, которому традиция приписывает наречение этого форпоста юного норманнского государства в Северной Сирии новым именем — Маргат.

Маргат был важным стратегическим пунктом на прибрежном маршруте между Тартусом и Латакией, соединяющем Антиохийское княжество и графство Триполи, а также стратегически важной крепостью из-за близости к анклаву ассасинов.

Спустя много лет (1117 г.) представители семьи Мазуаров вассалы норманнских владык Антиохии хитростью овладели замком. В 1133 г. из-за соперничества за власть между Антиохийским княжеством и Триполи, мусульмане ненадолго отбили Маргат и Валению (ныне Баньяс), но в 1140 г. Мазуары вновь вернули его. Этот регион очень сильно пострадал от землетрясений в 1157, 1170 и 1186 гг. Регулярная

реконструкция и уход за замком подорвали финансовое положение Мазуаров и в 1186\7 г. они предпочли продать свой фамильный трофей братьям ордена госпитальеров.

В 1188 г. король Сицилии Вильгельм II отправил свой флот для противодействия наступлению войск Саладина, которые спешили осадить замок с суши. Данное событие подробно описано у Ибн Ал-асира. Сицилийский флот во главе с адмиралом Маргаритом вплотную приблизился к берегу и приступил к обстрелу продвигавшихся по суше мусульман, которые пытались укрыться от снарядов и стрел за временными укрытиями из кожи, дерева и т. п. [1, р. 33–34].

Только через столетие мусульмане ценой величайших жертв смогли вернуть Маргат себе. В отличие от других укреплений крестоносцев, замок не только не был разрушен, но вплоть до 1884 г. сохранял своё значение центра военно-административной единицы.

Большой вклад в изучение Маргата внес французский учёный, археолог, топограф и ориенталист Эммануэль Гийом-Рей. Он является автором основополагающих работ по археологии Святой земли. Особое значение имеет его «Исследование памятников военной архитектуры крестоносцев в Сирии и на острове Кипр», опубликованное в 1871 г. по результатам его экспедиций на Восток.

В 1856 г. с разницей в четыре года он дважды побывал на развалинах замка и составил ряд ценных наблюдений. В частности, он отмечал огромную роль ландшафта, как при выборе места, так и на всех этапах строительства средневековых укреплений [1, р. 18]. Наиболее близкой аналогией процесса возведения замков крестоносцев в Сирии он считал традиции, которые возникли под сильным арабским и византийским влиянием на норманнской Сицилии [1, р. 9].

По его мнению, Маргат наряду с Краком и Тортозой не избежал сильного влияния византийского зодчества. Это выразилось не только в огромных размерах (по сравнению с замками средневековой Европы), но использование двойных стен, каменных откосов и сторожевых башен [1, р. 14–15].

Автор описывает занесенный песком порт Маргата и один из его укреплённых форпостов Болдо (Палтос) на мысе Рас-Бальди-эль-Мелек [1, р. 20–21].

Из своей третьей поездки в Сирию он привез двадцать семь медальонов (Шартрского и Вандомского типов), которые он нашел в Маркабе, а впоследствии передал в музей Шартра.

Другой реперной точкой в археологических исследованиях на данном объекте являются работы Балаша Майора — венгерского археолога, востоковеда, основателя Сирийско-венгерской археологической миссии. С 2007 г. он руководит раскопками замка Маркаб. Среди направлений его исследований можно выделить следующие: сеть позднеантичных и средневековых поселений Восточного Средиземноморья, позднеантичная и средневековая военная архитектура Ближнего Востока, пещерные замки, историко-археологическая топография сирийского приморья, средневековые венгерские правящие центры и их окрестности, средневековая Европа и Византия.

Большое значение имеют раскопки, которые исследователи ведут с 2006 г. в Маркабе. Сирийско-венгерская археологическая миссия изучила значительную часть различных построек, укреплений и реконструировала их функции (рис. 2); было проведено серьезное изучение системы управления водными ресурсами и гигиены; в часовне замка среди многих других деталей росписей была обнаружена самая большая серия росписей, созданных крестоносцами на Святой Земле.

Госпитальеры в Маркабе объединили принципы замковой и монастырской архитектуры с самыми передовыми на тот момент военными технологиями. Две трети замкового холма занимало предместье — город-крепость. Здесь жили христиане (местные и пришлые), которые возвели свои церкви и больницы. Некоторые дома в городе просуществовали до 1959 г. На территории пригорода ведутся раскопки.

К югу от вершины холма стоит внутренний замок иоаннитов, вокруг которого была возведена двойная оборонительная стена, полностью опоясывающая внутренний замковый холм. Разработана шарнирная система защиты: стены цитадели возвышались над внешними, чтобы прикрыть сражающихся на нижних стенах (рис. 3).

Помещения замка образуют кольцевидную систему комнат по кругу. В самой южной и самой уязвимой точке горы стоит укрепленная

круглая жилая башня; в её квадратном основании стены толще обычного и толщина составляет около 6 метров. Башня была соединена с часовней дворцовым флигелем, в котором располагались приемные залы. На месте часовни, в самом защищенном месте замка, стояла бывшая квадратная жилая башня семьи Мазуар, на месте которой иоанниты возвели часовню. На восточной стороне вершины холма, рядом с часовней, находится общежитие, которое собственно являлось бывшим донжоном Мазуаров и к 1202 г. дважды перестраивалось и со временем достигло своих монументальных размеров.

Еще одна интересная особенность общежития заключается в том, что в верхней части ряда сводчатых помещений иоанниты также построили элегантные гостиные, ванную комнату и кухню. В жилом помещении также было два туалета со смывом! К западной стороне донжона примыкает двухэтажная трапезная; где на верхнем этаже питались рыцари, а внизу ели оруженосцы и сержанты. Продолжением столовой является кухня, где утопленная в пол труба отводила воду из раковины в канализационную систему. Используя более ранние элементы замка, рыцари-монахи создали разветвленную водосборную и водопроводную систему. Дождевая вода подавалась по керамическим трубам в огромные сводчатые помещения, высеченные в базальте. Внутренний двор замка (рис. 4) использовался как ловушка для воды, а в скале под центральным двором была высечена огромная цистерна.

Напротив, общежития находится зал капитула, где проводились рыцарские ассамблеи. Исследователи говорят, что зал первого отделения рухнул во время землетрясения 1202 г.; на его месте было построено новое помещение размером 12 × 36 метров, каменный сводчатый потолок которого поддерживался двумя рядами столбов. К сожалению, эта часть здания также была разрушена, но помещение было перестроено на основе оставшихся окон и остатков столба со стороны моря. Рядом с ним стоит самый роскошный зал замка, именуемый двухколонным. Западная сторона замка закрыта укрепленной внешней надвратной башней, с которой открывается прекрасный вид на море (рис. 5).

В статье «Микроморфогеохимические исследования процессов формирования трапезной замка Маргат (Калат аль-Маркаб), Сирия» приве-

дённые данные дают представление о процессах образования отложений и последствиях биологического распада, а также подчеркивают ценность комплексного микроархеологического подхода к реконструкции процессов образования и интерпретации стратиграфии средневековых зданий.

Во время раскопок археологами была выдвинута гипотеза о том, что отложения в трапезной замка появились в результате внезапного пожара или разрушения. В процессе работ она была отвергнута в пользу другой версии. Поскольку отложения включают равно как навоз животных, так и значительное количество элементов раствора, предположительно смытого с оштукатуренного бочкообразного свода и стен осадками, что само по себе ясно указывает на изменение первоначальных функций трапезной и на длительный период забвения. Вполне возможно, что трапезная госпитальеров с деревянным антресольным полом была перестроена мамлюками, которые вставили перегородки и кувшины для хранения в нижнюю часть трапезной, но, весьма вероятно, сохранили верхний уровень.

Похоже, что сокращение общего обеденного пространства не было проблемой для новых владельцев, поскольку они придерживались других норм и не обладали таким же количеством ртов как предыдущий гарнизон. А это означало, что Маркаб постепенно терял свое значение с XIV в. Исследователи испытывали трудности с определением точной даты, когда именно деревянный антресольный этаж исчез вовсе из трапезной, но, более вероятно, что это случилось во времена Османской империи.

В цитадели Маркаба были найдены железные наконечники стрел и образцы фрагментов кольчуги, сделанные из железа и меди, которые были исследованы группой археометаллургических исследований Университета Мисколка с использованием различных методов [6, р. 1].

Данное исследование включало рентгеновский скрининг, оптическую микроскопию, сканирующую электронную микроскопию с энергодисперсионной спектроскопией и тесты на микротвёрдость для определения состава, микроструктуры и механических свойств находок и процессов их изготовления (например, следы формовки и вероятной термической обработки), что могло применяться как крестоносцами, так и мамлюкскими мастерами по металлу. Несмотря на то, что близость моря губительна для

изделий из железа и даже из меди, комплексное обследование оказалось очень полезным для получения глубоких знаний о материальных характеристиках находок.

Результаты исследований показывают, что при изготовлении наконечников стрел из кованого железа использовались различные виды производственных процессов, а также типичная техника изготовления звеньев цепи. С точки зрения применения были обнаружены два вида наконечников стрел. Расширенные листообразные, которые могли быть сделаны для арбалетов, хотя они полностью проржавели и часто имеют продольные трещины.

Кроме того, среди этих широких листовидных стрел можно встретить два типа, те, что чуть поменьше, и те, что больше. При изготовлении более тонких шиповидных бронебойных наконечников стрел кузнецам было доступно достаточно твердое сырье (например, заготовки, содержащие относительно большое количество углерода или переработанного железа) или кованое железо.

В случае с кованным железом, полученным в результате сыродутного (криничного) процесса, твердость материала можно было повысить различными методами (ковочное упрочнение или цементация), что в большей степени зависело от профессиональных знаний и предпочтений мастера.

Полностью проржавевшие, утолщённые наконечники стрел были менее тщательно обработаны и изготавливались из более мягкого железа. Размеры и вес наконечников стрел указывают на то, что эти наконечники использовались для арбалетов. Это неудивительно, учитывая значительную высоту стен и превалирующий в данной местности сильный западный ветер. Были найдены и другие плоские двухсторонние ромбовидные наконечники стрел и несколько фрагментов арбалетных болтов. Одной из ключевых находок является костяная гайка для арбалета.

Были исследованы четыре наконечника стрел типа А. Различные размеры зерен, наблюдаемые в этих более тонких образцах наконечников стрел с бронебойным оружием, предположительно были вызваны процессомковки, в ходе которого материал нагревался в древесном угле. Это может привести к науглероживанию, но кузнецы не могли проковать все

сечение; поэтому внутренние части охлаждались медленнее, а интенсивная пластическая деформация поверхностной области приводила к более грубой микроструктуре с более мелкозернистой микроструктурой вблизи поверхности. Можно было использовать водяное охлаждение, но оно было недостаточно эффективным для правильного процесса закалки. Выявлен кованный продукт с однородной структурой и, возможно, подвергнутый нагреву до высоких температур для лучшей пластичности, но этот процесс нагрева привел к обезуглероживанию поверхности. Образование мелкозернистого перлита и наличие узоров Видманштеттена предполагает, что охлаждение было немного более интенсивным, чем охлаждение, вызванное только воздухом, поэтому произошла некоторая форма ранней закалки типа среды, но это не была полная закалка, поскольку известны сегодня. По материалу эти четыре наконечника стрел можно разделить на две категории, где в одном случае основной материал имел низкое содержание углерода и был почти полностью ферритным, а в другом базовый материал имел более высокое содержание углерода, чем предыдущие, и перлитную структуру [6, р. 9].

Высокое содержание углерода обеспечивало более высокую твердость, что указывает на то, что не требовалось дополнительной обработки для создания прочности. В заключение следует отметить, что на четырех наконечниках стрел были обнаружены следы трех методов производства. Кузнецы того периода (крестоносцы или мамлюки), вероятно, обладали глубокими эмпирическими познаниями в области производства железных заготовок и на некий технический регламент. Наконечники стрел выковывались горячей ковкой без специальной термической обработки. В этом отношении они похожи на наконечники стрел XIII в., найденные в Арсуфе. Однако твердость основных материалов данных образцов отличается от одного к другому, что зависело либо от неоднородности железных блюмов, которые применялись в производстве, либо эти заготовки могли возникнуть в результате процессов переработки, что одинаково характерно и для крестоносцев и для мамлюков.

Состав шлаковых включений свидетельствует о том, что в качестве сырья для плавки служила болотная руда с высоким содержанием фосфора.

Однако металлическое железо не содержит фосфора. Шлаковые включения содержат относительно большое количество оксида железа и оксида кальция. Следовательно, фосфор не мог вызвать горячеломкость железа в процессековки. Основным методом производства кольчужной проволоки предполагал следующий процесс: медь, латунь или железо должны были намотать проволоку по спирали на тонкий шест, а затем разрезать его вертикально, создавая открытые кольца для ссылок. Затем они были соединены и выкованы вместе. Высокая температура обработки использовалась во время обоих процессов. Железные звенья также были выкованы вместе при высокой температуре, чтобы образовать прочную связь. Звенья имеют тонкое поперечное сечение, поэтому в процессе охлаждения не требовалось никаких других сред, кроме воздуха. Локальные выделения в матрице медного сплава свидетельствуют о том, что сырье не было получено в процессе первичной плавки.

Одним из важных достижений сирийско-венгерской археологической экспедиции может считаться обнаружение следов многочисленных навесных конструкций, которые были характерны для многих сооружений крестоносцев. Они наглядно демонстрируют тот факт, что в мирное время превалировала необходимость использования замков госпитальеров в качестве странноприимных центров, а не оборонительных рубежей. Навесы и помещения, построенные с довольно тонкими стенами и решетчатыми крышами из легко портящихся материалов, являлись полезными, практичными, а также легко проветриваемыми жилыми помещениями в длительные мирные периоды, но исчезали одними из первых во время серьезной осады [2, p. 174].

Литература

1. Rey E. G. (Emmanuel Guillaume), b. 1837. Etude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre. Paris: Impr. nationale, 1871.
2. Major B. Medieval “light construction buildings” on top of the vaulted halls of al-Marqab Citadel (Syria). Castelos das Ordens Militares. Atas do Encontro Internacional. Lisboa, março de 2014. P. 165–181.
3. Major B. Remains of the 12th and 13th century rural settlement in the southern littoral of Syria (first report on the fieldwork). Proceedings of the 20th Congress of the UEAI, The Arabist 26–27, 2003. P. 249–266.
4. Major B., Kázmér M. Distinguishing damages from two earthquakes—Archaeoseismology of a Crusader castle (Al-Marqab citadel, Syria). The Geological Society of America. Special Paper 471., 2010. P. 185–198.
5. Major B. Micromorphological and geochemical investigation of formation processes in the refectory at the castle of Margat (Qal'at al-Marqab), Syria // Syria Journal of archaeological science. 50. P. 451–459.
6. Török B., Barkóczy P., Kovács Á, Major B., Vágner Z. Arrowheads and chainmail fragments from the Crusader Al-Marqab Citadel (Syria): First archeometallurgical approach. Materials and manufacturing processes vol. 32. 2017. p. 916ff.

ЭКСПАНСИЯ НОРМАННОВ НА ВОСТОКЕ В XI–XII ВВ. ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ

Виталий Владимирович Прудников

ФГБУН Институт востоковедения РАН,

gviskar@mail.ru, ORCID ID: 0000–0002–0355–2324

Аннотация: *В данном докладе рассмотрены основные данные нумизматики и сигиллографии, отражающие основные этапы проникновения норманнов в Малую Азию и Северную Сирию в XI–XII вв. Первый этап был связан с появлением на византийской службе с первой половины XI в. небольших отрядов норманнских наёмников, которые традиционно приходили из Южной Италии. Благодаря данным византийской сигиллографии стало известно не только имена, титулатура, карьера, жизненные перипетии, личные предпочтения и взгляды ранее неизвестных выходцев из Нормандии, но также нашла подтверждение информация о довольно высоком положении в византийском обществе некоторых известных по другим источникам предводителей норманнов.*

Второй этап связан с началом первого крестового похода и характеризуется образованием латинских государств на Востоке. Норманны одними из первых создали своё княжество в Северной Сирии с центром в Антиохии. С этого времени начинается история монетного дела этого уникального образования крестоносцев. Производство, сюжеты и легенды антиохийских фоллисов до сих пор являются предметом изучения и жарких споров современных исследователей. Особый интерес представляют данные, отражающие результаты взаимодействия норманнов различными общностями и традициями: арабами, византийцам, сельджуками и т. д.

Ключевые слова: Норманны; норманнские наёмники в Византии; первый крестовый поход; антиохийское княжество; нумизматика; византийская сигиллография

Иллюстрации к статье Каландарова Т.С.

«Сакральное поле»: вызовы и перспективы (на примере изучения мусульманских общин Таджикистана)

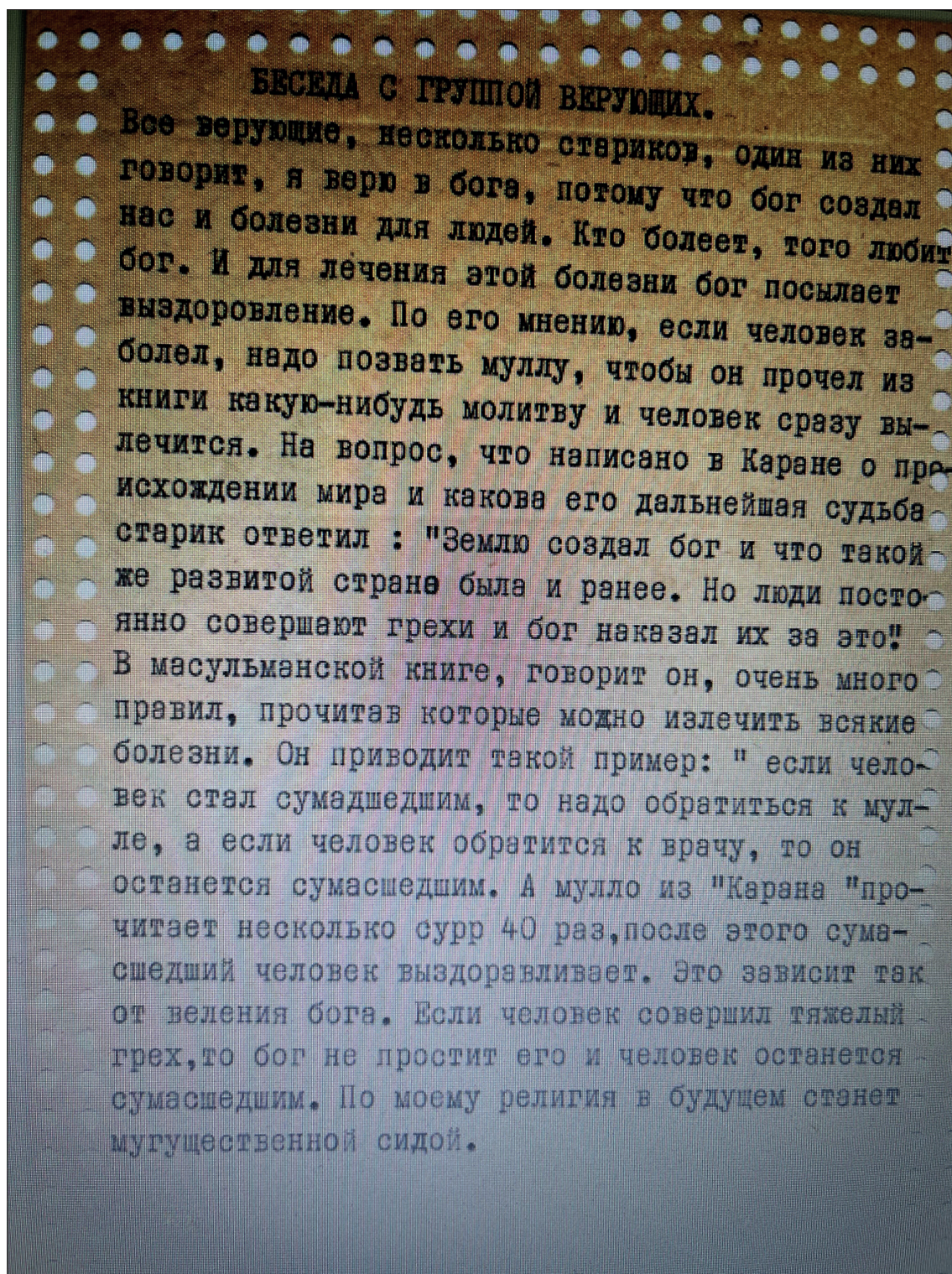

Рис.1 Карточка фокус группы из личного архива Ю.Г. Зинченко

Fig.1 Focus group card from personal archive of Yu.G. Zinchenko

Иллюстрации к статье Кормышевой Э.К.

Раскопки Института Востоковедения РАН в Гизе (Египет).
Сезон 2021

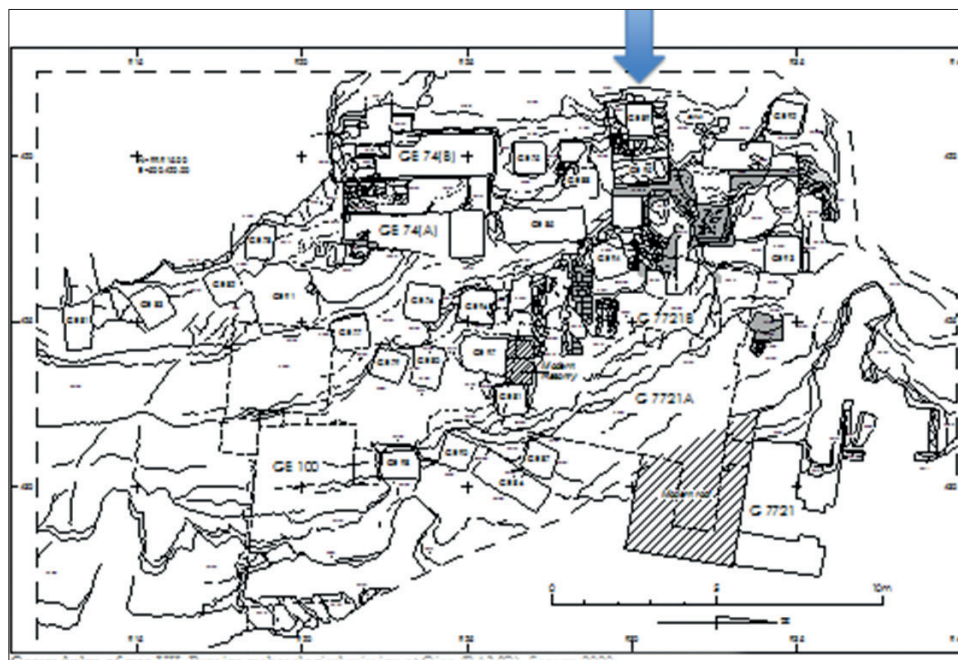

Рис. 1 План северной части российской концессии в Гизе (Ветохов С.В.)
Fig. 1 Ground plan of the northern part of the Russian Concession at Giza
(Vetokhov S.V.)

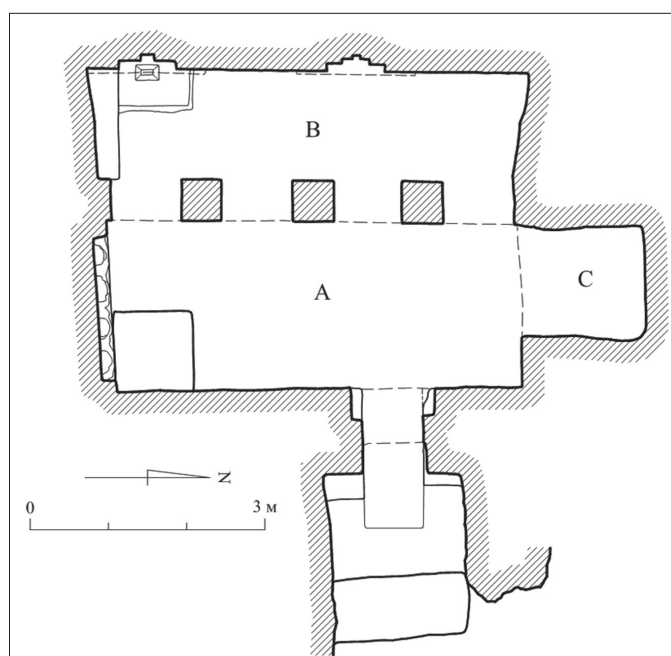

Рис. 2 План гробницы GE 89, по данным раскопок 2021 года (Ветохов С.В.)
Fig. 2 Plan of the rock tomb GE 89 according to data of the excavations 2021
(Vetokhov S.V.)

Рис. 3 Ортофото гробницы GE 89 (Воробьев А.А.)

Fig. 3 Orthophoto of the rocktomb GE 89 (Vorobiev A.A.)

Рис. 4 Жертвенная плита на ложной двери помещения В (Волович А.Ю.)

Fig. 4 Offering slab on the false door in the room B (Volovich A.Ju.)

Рис. 5 Погребение карлика в стволе шахты
(Лебедев М.А.)

Fig. 5 Dwarf from Ge 60. Reconstruction of face
(Mednikova M.B., Rasskazova A.V.)

Иллюстрации к статье Кормышевой Э.К.

Раскопки Института Востоковедения РАН в Западном Драгабе (Республика Судан)

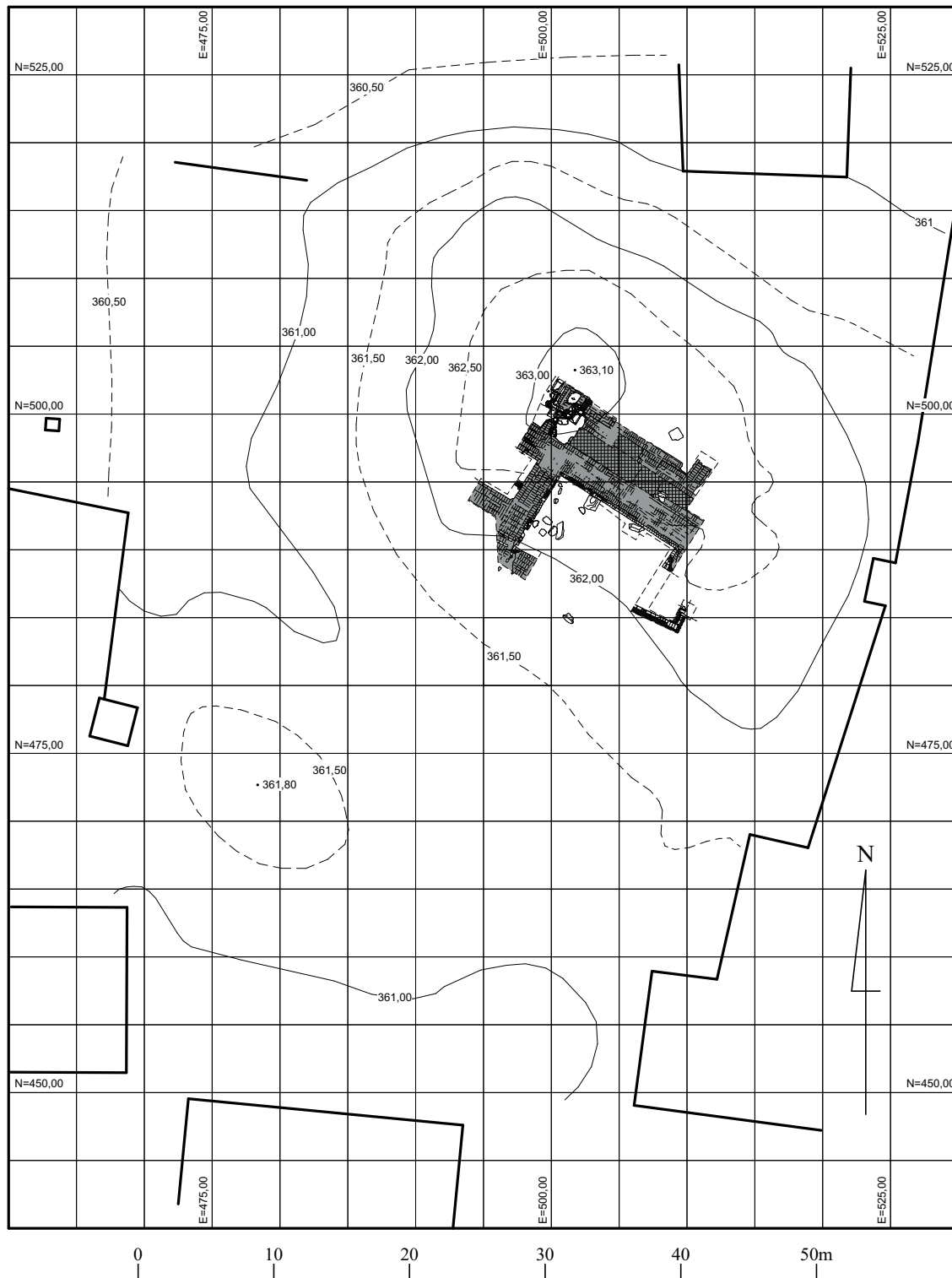

Рис. 1 Топографический план (Ветохов С.В., Воробьев А.А.)

Fig. 1 Topographic plan (Vetokhov S.V., Vorobiev A.A.)

Рис. 2 3Д модель раскопанной территории (Воробьев А.А.)

Fig. 2 3D model of the excavated area (Vorobiev A.A.)

Рис. 3 Помещение 1 (Воробьев А.А.)

Fig. 3 Room 1 (Vorobiev A.A.)

Рис. 4 Ортофото раскопанной зоны (Воробьев А.А.)

Fig. 4 Orthophoto of the excavated area (Vorobiev A.A.)

Рис. 5 Помещения 1 и 2 (Воробьев А.А.)

Fig. 5 Rooms 1 and 2 (Vorobiev A.A.)

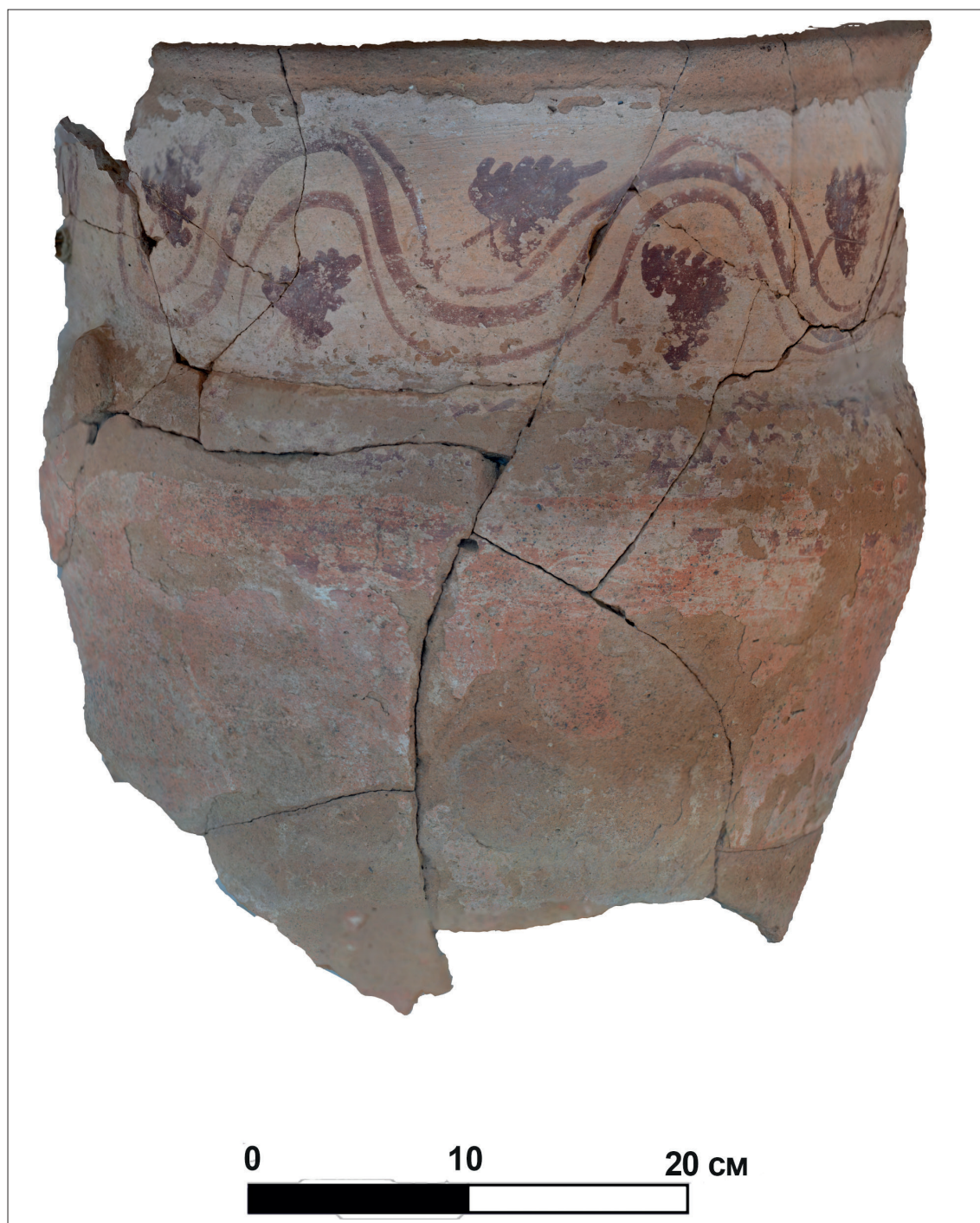

Рис. 6 Кратер (Бахматова В.Н.)

Fig. 6 Crater (Bakhmatova V.N.)

**Иллюстрации к статье Крола А.А., Березиной Н.Я.,
Гордеева Ф.И., Калининой О.С., Толмачевой Е.Г.,
Чирковой А.Х., Лейбовой Н.А.**

Исследования Нубийской археолого-антропологической
экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ
в Центральном Атбае (2017–2022)

Рис. 1 Карта с обозначением географических названий, упоминающихся
в статье

Fig. 1 Map with toponyms mentioned in the article

Рис. 2 Карта с указанием местоположения археологической концессии Нубийской экспедиции МГУ

Fig. 2. Map pointing at the location of the Nubian mission of Lomonosov MSU archaeological concession

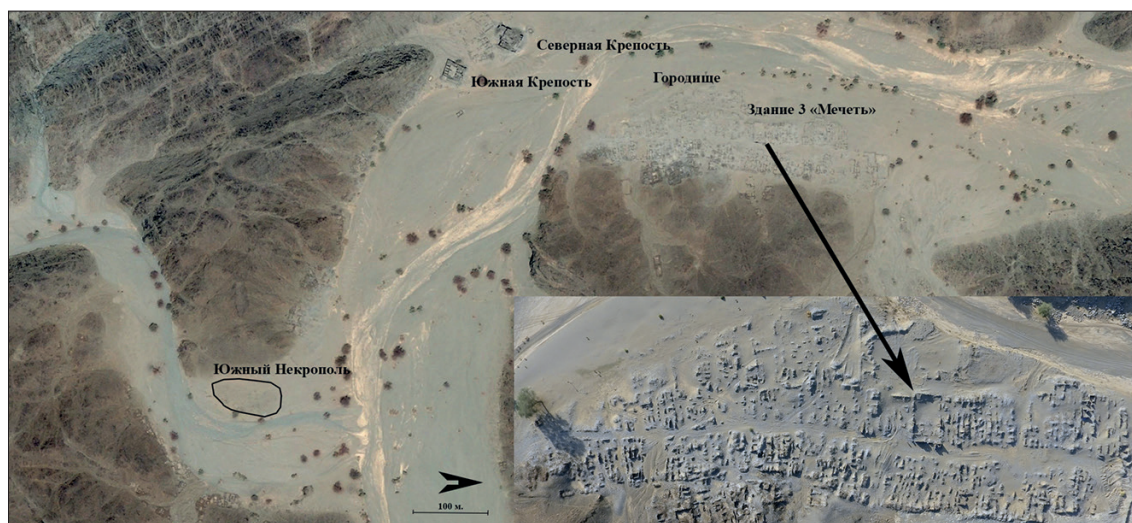

Рис. 3– Карта Памятника Дерахейб с указанием основных археологических объектов
Fig. 3. Map of the Deraheib site mentioning main archaeological features.

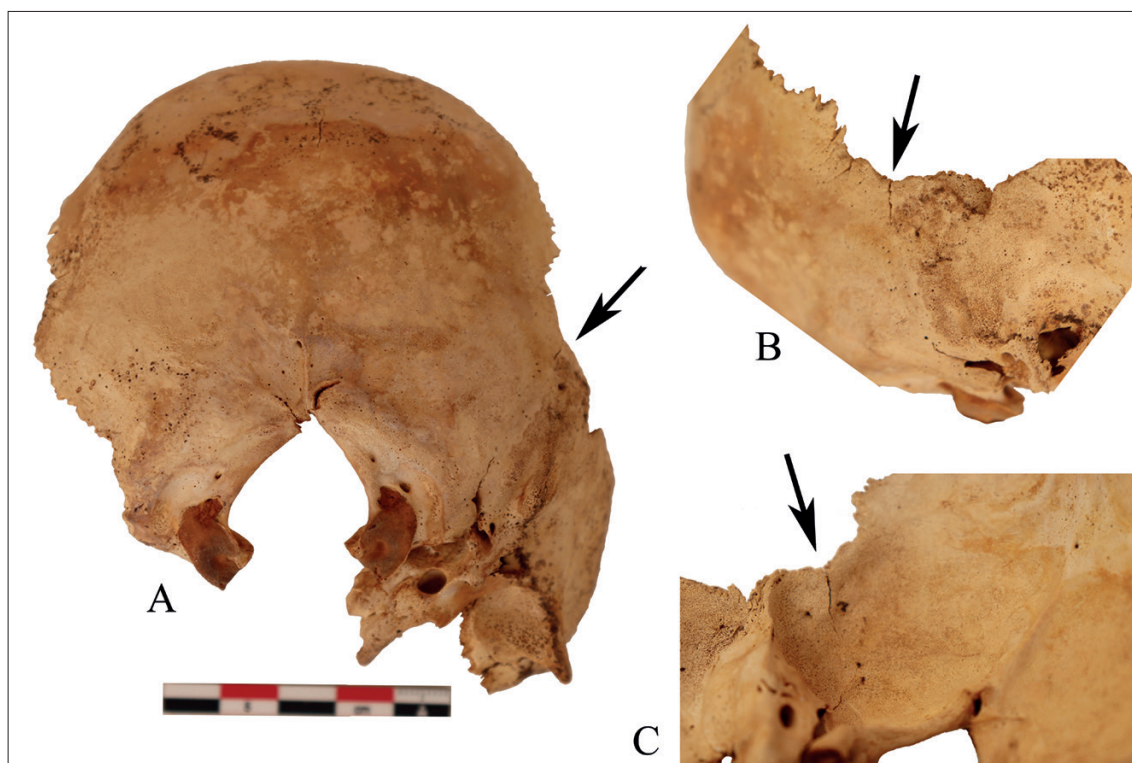

Рис. 4. Раннее сращение затылочно-сосцевидного шва с правой стороны. Ребенок 6-12 мес. (погребение 23).

А – вид снаружи, со стороны большого затылочного отверстия

В – вид снаружи, видна область синостоза

С – вид изнутри, видна область синостоза

Стрелками обозначен несросшийся край шва в области астриона (точка в месте схождения лямбдовидного, затылочно-сосцевидного и теменно-сосцевидного швов).

Fig. 4. Early fusion of the occipitomastoid suture on the right side. Child 6-12 months old, (burial 23).

A – view from the outer surface of the skull of foramen magnum

B – view from the outer surface of the skull, the area of synostosis is visible

C – view from the inside, the area of synostosis is visible

The arrows indicate the unossified edge of the suture in the asterion region (the point at the convergence of the lambdoid, occipital-mastoid and parietal-mastoid sutures)

Рис. 5 Керамика городища Дерахейб: 1, 2, 3, 4 — люстровая керамика из шурфа; 5 — асуанские раннеисламские белые сосуды (Aswan Early Islamic White Ware W22) из шурфа, 6 — асуанская раннеисламская кухонная посуда, хозяйственная и транспортная тара (Aswan Early Islamic Utility Ware U8) из шурфа, 7 — нубийская лепная керамика из Северной крепости, 8,9 — курильницы с поселения и из шурфа. (Фото, рис. Е.Г. Толмачевой, К. Самурского)

Fig. 5 Pottery from the site Deraheib: 1,2,3,4 — luster wares from the excavation area of the season February-March 2022 at the Northern Fortress; 5 — Aswan Early Islamic White Ware W22 from the excavation area of the season February-March 2022 at the Northern Fortress, 6 — Aswan Early Islamic Utility Ware U8 from the excavation area of the season February-March 2022 at the Northern Fortress, 7 — Nubian hand-made wares from the from the Room 1 of the Northern Fortres; 8,9 — Censers from the settlement and from the excavation area of the season February-March 2022 at the Northern Fortress. Photo: K. Samurskii, E. Tolmacheva

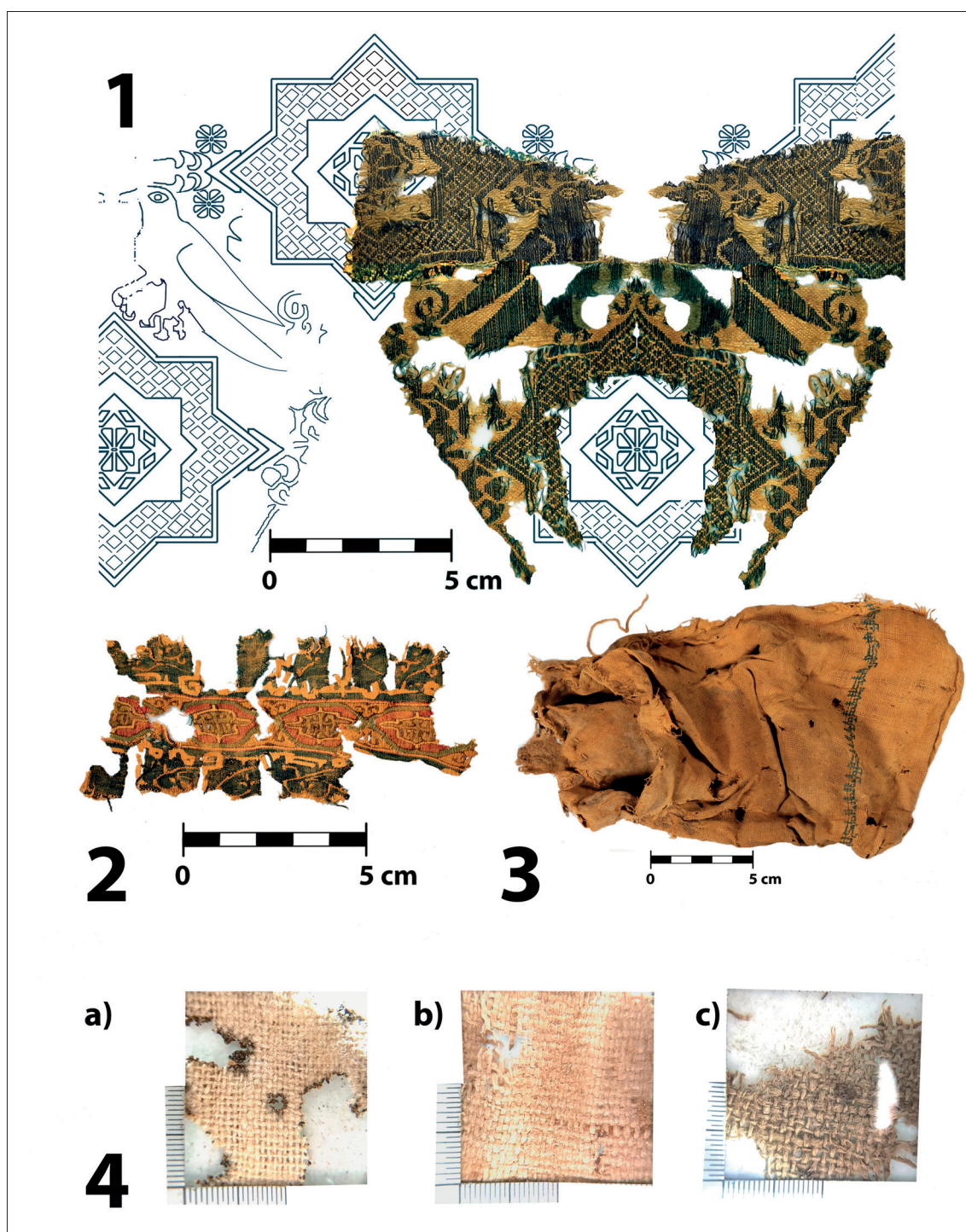

Рис. 6 Археологический текстиль: 1 — реконструкция калансувы (О.В. Орфинская, Е.Г. Толмачева), 2 — фрагмент ткани в гобеленовой технике, 3 — льняной мешочек с арабграфичной надписью. 4. Фрагменты тканей с некрополя (хлопок Z-крутка, хлопок S-крутка, лен S-крутка)(Фото Е.Г. Толмачевой, К. Самурского)

Fig. 6 Archaeological textiles from the Northern fortress

(1) Virtual reconstruction of the silk with octagonal stars and birds decoration. O. Orfinskaya, E. Tolmacheva. (2). Tapestry fragment. (3) Linen bag with tiraz silken embroidery. (4)Textiles from the graves. a) Cotton tabby weave with Z-twist. b) Cotton tabby weave with S-twist c) Linen tabby weave with S-twist. Photo: E. Tolmacheva, K. Samurskii

Иллюстрации к статье Янь Ли Полевые работы Тяньцзинь: выявление материалов по истории российской диаспоры

Рис. 1. Тяньцзинь. Здание бывшего русского консульства. (Фото автора. 2021)

Fig. 1. Tianjin. The building of the former Russian consulate. (Photo by the author. 2021)

Рис. 2. Тяньцзинь. Здание Русско-Азиатского банка. (Фото автора. 2021)
Fig 2. Tianjin. The building of the Russian-Asian Bank. (Photo by the author. 2021)

Рис. 3. Тяньцзинь. Фотография русских военных, выставлена в Музее Тяньцзиня. (Фото автора. 2021)
Fig. 3. Tianjin. Photograph of the Russian military, exhibited at the Tianjin Museum. (Photo by the author. 2021)

Иллюстрации к статье Лидовой Н.Р. Мудиетту — полевые исследования фольклорного театра Кералы

Рис. 1 Калам. Изображение богини Кали (фото автора)

Fig. 1. Kalam. Image of the goddess Kali (author's photo)

Рис. 2. Одевание короны Бхадракали (фото автора)

Fig. 2. Putting on the Bhadrakālī's crown of (author's photo)

Рис. 3. Койимпатанаяр — глава армии Бхадракали (фото автора)

Fig. 3. Kōyimpāṭanāyar – the leader of the Bhadrakālī army (author's photo)

Рис. 4. Комический персонаж Кули
(фото автора)

Fig. 4. Comic character Kūḷi (author's
photo)

Рис. 5. Дарика и Дана-
вендра (фото автора)

Fig. 5. Dārika and
Dānavendra (author's
photo)

Иллюстрации к статье Мадурова Д.Ф.

Историческая география Сувары X–XIII веков

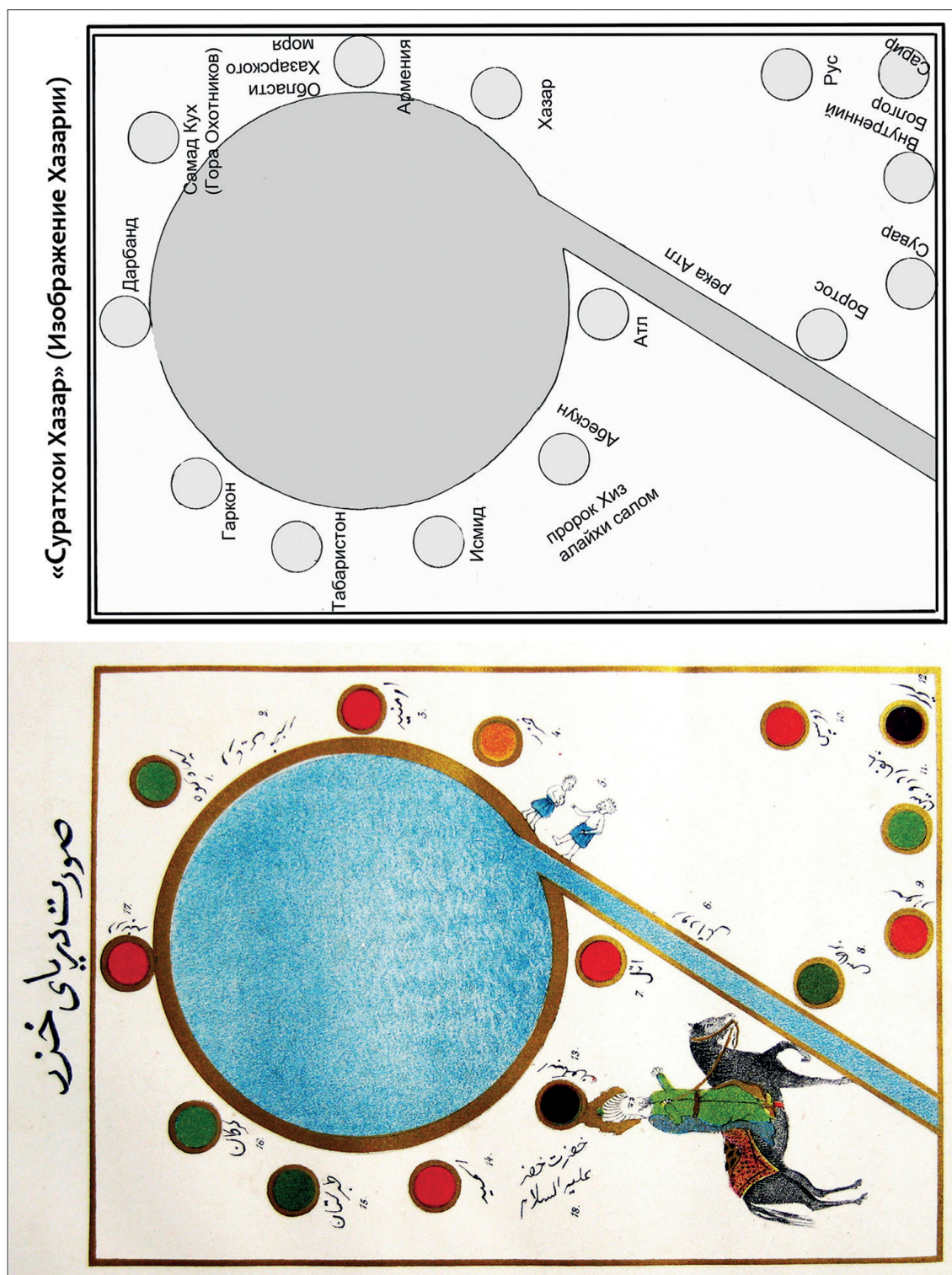

Рис. 1. Карта Насир-един Туси (перевод Б. Норик)

Источник: Nasir-eddin Tusi. Melgunof G. Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres, oder Die Nordprovinzen Persiens. Leipzig: Leopold Voss, 1868. s.294

Fig. 1. Nasir-eddin Tusi Map (translated by B. Norik)

Source: Nasir-eddin Tusi. Melgunof G. The Southern Shore of the Caspian Sea, or The Northern Provinces Persia. Leipzig: Leopold Voss, 1868. p.294

Иллюстрации к статье Меняева Б.В.

Собрание рукописей на ойратском языке,
хранящихся в селе Улан-Хол Калмыкии

Рис. 1 Улан-Хольский хурул. Фото автора.

Рис. 2 Алтарь Улан-Хольского хурула. Фото автора.

Рис. 3 Фрагмент из рукописи «Boqdo Dalai blamayin zarliq». Фото автора.

Рис. 4 Фрагмент из астрологического сочинения с рисунками. Фото автора.

Рис. 5 Фрагмент текста гаданий о потерянном скоте. Фото автора.

Иллюстрации к статье Миклухо-Маклая Н.Н.

Полевые исследования как фактор развития
двусторонних отношений между Российской Федерацией
и Папуа — Новой Гвинеей

Рис. 1. Встреча российской экспедиции на Берегу Маклая. Папуа — Новая Гвинея, 2017 г.

Fig. 1. Meeting the Russian expedition on the Maclay Coast. Papua New Guinea, 2017.

Рис. 2. Встреча Н.Н. Миклухо-Маклая-мл. (разыгранная пантомима). 2017 г.

Fig. 2 Meeting N. N. Miklouho-Maclay Jr. (played out pantomime). 2017.

Рис. 3. Воин в традиционной одежде с луком. 2017 г.
Fig. 3. A warrior in traditional clothes with a bow. 2017.

Рис. 4. Н.Н. Миклухо-Маклай-мл. возглавляет праздничную процессию. Папуа — Новая Гвинея, 2017 г.

Fig. 4. N. N. Miklouho-Maclay Jr. leads a celebratory procession. Papua New Guinea, 2017.

Рис. 5 Н.Н. Миклухо-Маклай-мл., Дж. Марапe (премьер-министр ПНГ), Г. Джуфа (губернатор провинции Оро, ПНГ). Встреча в парламенте г. Порт-Морсби. 2019 г.

Fig. 5. N. N. Miklouho-Maclay Jr., J. Marape (PNG Prime Minister), G. Juffa (Governor of Oro Province, PNG). Meeting at the Parliament, Port Moresby. 2019.

Иллюстрации к статье Прудникова В.В.

Некоторые страницы истории исследований
замка Маргат (Маркаб) в Сирии

Рис. 1. Замок Маргат с высоты птичьего полета (фото 30-х годов XX века из открытых источников)

Fig. 1. Margat Castle from a bird's eye view (photo from the 30s of the XX century from open sources)

Рис. 2. Следы работы Сирийско-венгерской археологической миссии в Маргате
Fig. 2. Traces of the work of the Syrian-Hungarian archaeological mission in Margat

Рис. 3. Укрепления замка (фото В.В. Лебединского)
Fig. 3. Fortifications of the castle (photo by V.V. Lebedinsky)

Рис. 4. Внутренний двор замка (фото В.В. Лебединского)
Fig. 4. Inner courtyard of the castle (photo by V.V. Lebedinsky)

Рис. 5. Надвратная башня (фото В.В. Лебединского)
Fig. 5. Gate tower (photo by V.V. Lebedinsky)

Иллюстрации к статье Прудникова В.В.

Экспансия норманнов на Востоке в XI-XII вв.

По данным нумизматики

Рис. 1. Монета правителя Антиохии Танкреда

Fig.1 Coin of the ruler of Antioch Tancred [5, zeno #161146]

Рис. 2. Монета графа Сицилии Рожера I

Fig. 2. Coin of Count Roger I of Sicily [5, zeno #227582]

Рис. 3. Печать Ричарда Принчипата
Fig. 3. Seal of Richard Principate [5, zeno #31363]

Рис. 4. Монета правителя Антиохии Рожера Салернского
Fig.4 Coin of the ruler of Antioch, Roger of Salerno [5, zeno #19146] [5, zeno #19146]

Рис. 5. Монета сельджукского султана Рума Кылыч Арслана II
Fig. 5 Coin of the Seljuk Sultan Rum Kılıç Arslan II [5, zeno # 169855]

Иллюстрации к статье Рыжаковой С.И.

Парсы Индии: некоторые результаты длительного этнографического исследования (2003-2022 гг.)

Рис. 1. Биккху Маникша и ее праздничная одежда: гари (гуджаратский тип сари), китайская вышивка гладью. Фото Светланы Рыжаковой, 2010 г. Нью-Дели. Индия.

Fig. 1. Bhicoo J. Manekshaw and her festivity dress: gari, a kind of sari of Gujarati type, with Chinese embroidery. Photo by Svetlana Ryzhakova, 2010. New Delhi, India.

Рис. 2. Тина Мехта. Фото Светланы Рыжаковой, 2015 г. Калькутта. Индия.

Fig. 2. Tina (Tehmina) Mehta. Photo by Svetlana Ryzhakova, 2015. Kolkata, India.

Рис. 3. Эрвад Джимми Хоми Тарапорвалла. Анджуман Аташ Адаран, храм огня парсов (зороастрийцев) в Калькутте. Фото Светланы Рыжаковой, 2008 г. Калькутта. Индия.

Fig. 3. Ervad Jimmy Homi Taraporewalla. Panthaki – Kolkata Parsi (Zoroastian) fire temple, Photo by Svetlana Ryzhakova, 2008. Kolkata, India.

Рис. 4. Диво, традиционный светильник парсов. Дома у Тины Мехты. Фото Светланы Рыжаковой, 2019 г. Калькутта. Индия.

Fig. 4. Divo, traditional home lamp for prayer and meditation, in Tina Mehta's home. Photo by Svetlana Ryzhakova, 2019. Kolkata, India.

Иллюстрации к статье Тяньгэ Чу

Полевые исследования в Шэньянском Императорском дворце-музее (КНР, 2021)

沈阳故宫导游全景图

The Tour Route Map of Shenyang Palace

Рис. 1. Карта Шэньянского императорского дворца. Фото Т. Чу. Шэньян, 6 мая 2021.

Fig. 1. The map of the Shenyang Imperial Palace-Museum. Photo by author T. Chu. Shenyang, May 6, 2021.

Рис. 2. Павильон Вэнь-шо-гэ. Фото Т. Чу. Шэньян, 6 мая 2021.

Fig. 2. Wensuge Library. Photo by author T. Chu. Shenyang, May 6, 2021.

Рис. 3. Башня феникса Фэн-хуан лоу. Фото Т. Чу. Шэньян, 6 мая 2021.

Fig. 3. Phoenix Tower (Fènghuáng lóu). Photo by author T. Chu. Shenyang, May 6, 2021.

Рис. 4. Цзинь-дянь-гэ. Фото Т. Чу. Шэньян, 6 мая 2021.

Fig. 4. Jingdian Pavilion. Photo by author T. Chu. Shenyang, May 6, 2021.

Рис. 5. Цзянь-цзюньский ямын. Фото Т. Чу. Шэньян, 6 мая 2021.

Fig. 5. The Shengjing Yamen. Photo by author T. Chu. Shenyang, May 6, 2021.

**Иллюстрации к статье Чхаидзе В.Н., Виноградова А.Ю.,
Дружининой И.А., Рассказовой А.В.**

Грозою будь еретиков, опорой православных:
погребение воина из Среднего Зеленчукского храма

Рис. 1. Средний Зеленчукский храм. Вид с юго-востока (фото 2018 г.).

Fig. 1. The Middle Zelenchuk church. View from the south-east (photo 2018).

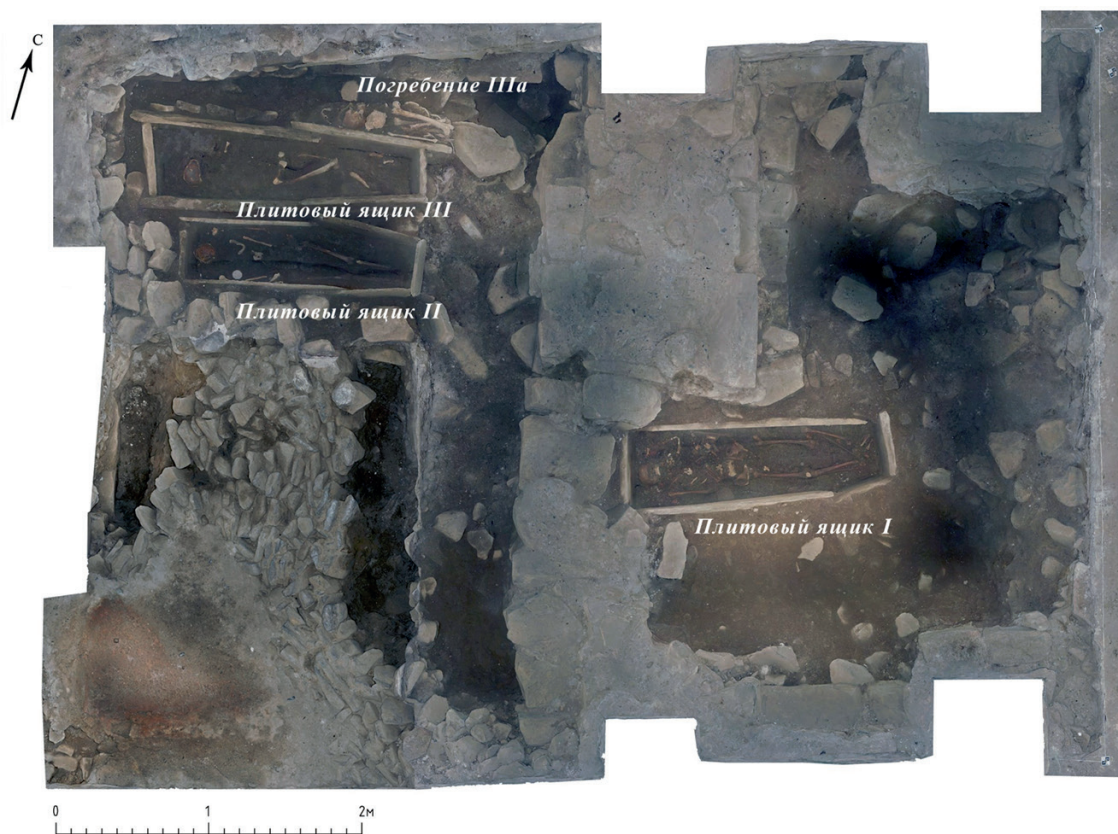

Рис. 2. Средний Зеленчукский храм (2019, 2021 гг.). Западный придел. Фотграмметрия (автор М. Ю. Свойский).

Fig. 2. The Middle Zelenchuk church (2019, 2021). The Western aisle. Photogrammetry (author M. Yu. Svoisky).

Рис. 3. Средний Зеленчукский храм. Западный придел. Вид с востока.

Fig. 3. The middle Zelenchuk church. West aisle. View from the east.

Рис. 4. Средний Зеленчукский храм. Западный придел. Плитовые ящики II и III. Погребение IIIa. Вид с севера.

Fig. 4. The middle Zelenchuk church. West aisle. Tile boxes II and III. Burial IIIa. View from the north.

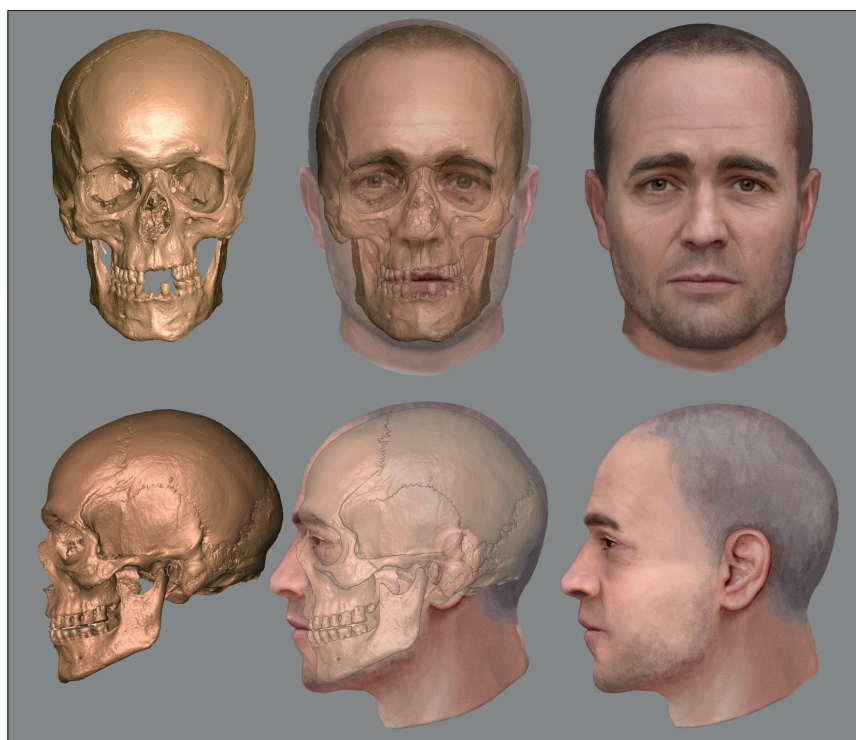

Рис. 5. Погребение IIIa-2. Графическая реконструкция по черепу (автор А. В. Рассказова).

Fig. 5. Burial IIIa-2. Reconstruction of the skull (author A. V. Rasskazova).

Иллюстрации к статье Шаповаловой С.Н.

Артефакты культуры Саньсиндуй,
тайник или ритуальное жертвоприношение

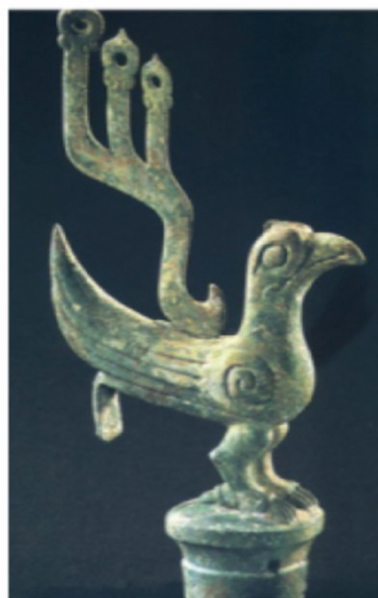

Рис. 1. Бронзовое дерево культуры Саньсиндуй (2800 - 800 г. до н. э.).
Музей Саньсиндуй. Сычуань. Китай.

Fig. 1. The bronze tree of the Sanxingdui culture (2800 - 800 BC). Sanxingdui
Museum. Sichuan. China.

Рис. 2. Саньсиндуйские личины аналогичные по типу иньским маскам Тао-те. Культура Саньсиндуй (2800 – 800 г. до н. э.). Музей Саньсиндуй. Сычуань. Китай.

Fig. 2. Sanxingdui mask similar to the Yin mask of Tao-tie. The Sanxingdui culture (2800 - 800 BC). Sanxingdui Museum. Sichuan. China.

Рис. 3. Маска Тао-те на бронзовых сосудах эпохи Шан-Инь (1554 – 1046 г. до н.э.). Китай. Национальный музей г. Шанхай.

Fig. 3. Tao-tie mask on bronze vessels of the Shang-Yin era (1554 – 1046 BC). National Museum of Shanghai. China.

THE EXPANSION OF THE NORMANS IN THE EAST IN THE XI–XII CENTURIES. ACCORDING TO NUMISMATICS

Vitaly Vladimirovich Prudnikov

Institute of Oriental Studies RAS,

gviskar@mail.ru, ORCID ID: 0000–0002–0355–2324

Abstracts: *This report examines the main data of numismatics and sigillography, reflecting the main stages of the penetration of the Normans into Asia Minor and Northern Syria in the 11th–12th centuries. The first stage was associated with the appearance in the Byzantine service from the first half of the 11th century. small detachments of Norman mercenaries who traditionally came from southern Italy. Thanks to the data of Byzantine sigillography, not only the names, titles, careers, life vicissitudes, personal preferences and views of previously unknown immigrants from Normandy became known, but information about the rather high position in Byzantine society of some leaders of the Normans, known from other sources.*

The second stage is associated with the beginning of the first crusade and is characterized by the formation of the Latin states in the East. The Normans were among the first to create their principality in Northern Syria, with the center in Antioch. From this time begins the history of the monetary business of this unique formation of the crusaders. The production, plots and legends of the Antioch follis are still the subject of study and heated debate by modern researchers. Of particular interest are data reflecting the results of the interaction of the Normans with various communities and traditions: Arabs, Byzantines, Seljuks, etc.

Keywords: Normans; Norman mercenaries in Byzantium; first crusade; Principality of Antioch; numismatics; Byzantine sigillography

В современную эпоху для работы историков особую важность приобретают результаты проведения полевых исследований. Не стоит много говорить о том, что для темы настоящего доклада огромное значение имеет изучение данных сигиллографии и нумизматики, которые не только дополняют наши знания, но и позволяют по-новому взглянуть на вопрос проникновения норманнов в регионы Востока.

Одну из первых публикаций двух печатей норманнских предводителей на византийской службе сделал в XIX в. французский учёный Г. Шлюмберже [1, р. 289–303].

Немногим более ста лет, Ж.-К. Шене вводит в научный оборот новые данные сигиллографии, благодаря которым становятся известны имена норманнов, не упоминавшихся в хрониках, но честно служивших империи на Востоке [2, р. 118–119]. Если византийские хроники упоминают патрикия Рандольфа, который храбро сражался на стороне Михаила VI; тагматофиларха Раимбальда из Лонгивардии; Жиль-практа; Константина Умбертопула, то данные сигиллографии говорят о некоем Захарии франке вестархе и стратиге Селевкии, исполнявшего свои обязанности в период с 1060 по 1080 гг. Вильгельм «*antropos du basileus*» и магистр, был стратигом Селевкии и Исаврии до 1085 г. Шене приводит моливдовулы, опубликованные Лихачёвым Вильгельма ипата и Вильгельма нормана. Шейнэ предполагает, что эти печати с одинаковой вероятностью могли принадлежать как одному и тому же человеку, как и разным, учитывая насколько данное имя было распространено в Нормандии.

Шлюмберже опубликовал печать Готье Петронаса патрикия, антиипата и стратиго, которая была украшена образом святого Михаила и датируется серединой XI в. Другая печать принадлежала Теодору Франгопулосу проедру. Известны печати Рауля магистра и магистра Боэмунда, возможно того самого Боэмунда, сына Роберта Гвискарда [2, р. 118–119].

Замечательным подспорьем для специалистов, изучающих историю Малой Азии средневекового периода, служат каталоги византийских печатей, изданные в XX ст. русским учёным Н. П. Лихачёвым, а также издания предпринимаемые Дамбартон Оукс.

Большой интерес представляет работа Шлюмберже, посвящённая нумизматике государств крестоносцев на Ближнем Востоке, в особенности те пассажи, которые посвящены монетам антиохийского княжества. В частности он описывает очень редкую медную монету норманнского правителя Антиохии Танкреда, который изображается на аверсе в тюрбане, а в легенде монеты написано по-гречески: «великий эмир Танкред». Шлюмберже предположил, что данное изображение было «чем-то смелым и преждевременным» [1, р. 561], от чего впоследствии Танкред был вынужден отказаться. К большому сожалению, учёный не опубликовал изображение данной монеты ни в одной из известных нам работ. В то же время нам не удалось найти визуальное подтверждение существования данного артефакта.

Тем не менее, легенда этой монеты прочно вошла в научный оборот. Р. Груссе в своей монографии отмечал её как наглядную характеристику деятельности Танкреда [3, р. 73]. Несколько десятилетий спустя С. Рансимен в «Истории крестовых походов» писал, что Танкред, коверкая греческий язык, на своих монетах скромно именовал себя то «рабом Божиим», то «великим эмиром». В этом Рансимен усматривает отзвуки борьбы локальных амбиций Танкреда и общественного мнения Антиохии [4, р. 32–33].

С другой стороны, реально подтверждено существование десятков медных монет антиохийского княжества, на которых Танкред изображен на аверсе с бородой, мечем в руке и в головном уборе, сильно напоминающем тюрбан. В легенде по кругу монеты написано по-гречески: «Господи помоги своему рабу Танкреду» [5, zeno #112202]. На обратной стороне встречается изображение креста, в углах которого читается «IC - XC — NI — KA» [5, zeno #93502; #112202; #161146] (рис. 1).

Учитывая тот факт, что Танкред был хорошо знаком с арабомусульманской культурой Сицилии и даже знал арабский язык, можно предположить, что версия о тюрбане имеет право на существование. Данную монету можно было бы отнести к эклектичному арабо-норманнскому стилю, который в это время зарождался во владениях италийских норманнов.

С. П. Брюн сделал ряд ценных наблюдений над монетами норманнских правителей Антиохии, на которых использовались сюжеты византийской иконографии: Богоматерь Оранта и «Чудо св. Георгия о змие». Последний образ по мнению Брюна появляется на монетах Рожера не только благодаря тесным связям с Византией, но вследствие победы Антиохийского князя над сельджуками у Тель-Данита в 1115 г. [2, с. 38]. Автор считает появление на фоллисах Рожера образа Оранты «редчайшим и ранним примером» для монет латинских правителей [2, с. 37]. Брюн делает верный вывод о том, что с установлением власти франкского правителя Раймунда де Пуатье в 1136 г. на смену «норманновизантийским» фоллисам пришли французские денье [2, с. 39]. Очень огорчает то, что в статье отсутствуют изображения самих фоллисов.

В ряду других интересных сюжетов можно назвать изображение конного всадника, которое встречалось на медных монетах Великого графа Сицилии с 1072 по 1101 гг. Рожера I [14, zeno #227585; #117979; #197825], а также на печати правителя Эдессы в 1104–1108 гг. Ричарда Принчипата [14, zeno #31363] (рис. 2, 3).

Очень часто конный всадник выбит на фоллисах правителя Антиохии с 1112 по 1119 гг. Рожера Салернского [14, zeno #43540; #43539; #43538; #17441; #19138; #19146; #128913; #141911; # 157048] (рис. 4).

В первых двух случаях представлены всадники с копьем, щитом и шлеме. В их чертах легко угадываются норманнские рыцари-завоеватели. Данный сюжет согласуется с римской традицией изображения триумфа и легитимации новых правителей Южной Италии и Сицилии.

Вполне естественно, что всадники на монетах Рожера и Ричарда Салернского имеют щит миндалевидной формы, который принято относить к щитам норманнского типа. А. В. Банк считает, что эти заимствования из западной культуры вылились в «аристократические» устремления византийского искусства», которые в свою очередь стали следствием некой «официальной реформы середины XII в.»: во время правления Мануила Комнина, когда на смену лукам, стрелам и круглым щитам пришли продолговатые и тяжелые копья [6, с. 95–96]. Более подробно вопрос о норманнском влиянии на византийскую аристократию в XI–XII в. рассматривался в специальной работе [7, с. 100–127.].

На монетах антиохийского княжества мы уже видим всадника в образе святого Георгия, поражающего копьём змея. Как упоминалось выше, С. П. Брюн считает, что данный образ возник под влиянием византийской иконографии и был навеян победой Рожера Салернского над сельджуками у Тель-Данита в 1115 г. [8, с. 38]. Очевидно, что Рожер провел некую переоценку ценностей и отказался от традиции нанесения своего изображения на монеты в пользу поиска покровительства и защиты у святого воинства.

С другой стороны, нельзя безоговорочно говорить об одностороннем византийском влиянии. В норманнских хрониках к. XI в. при описании решающих сражений между мусульманами и христианами в наиболее отчаянные моменты появляются вооруженные святые, которые непосредственно оказывают помощь христианам. Малатерра сообщает, что в битве норманнов с арабами при Серами в 1063 г.: «... появился некий всадник в сверкающих доспехах, восседающий на белом коне, держащий белое знамя (закреплённое на копье с навершием в форме сверкающего креста)» [9, р. 44]. Это был святой Георгий, который увлек норманнов в бой и принес им победу. Тут же Малатерра говорит, что подобное навершие в виде креста было на копье самого Рожера I.

Анонимный норманнский рыцарь сообщает о появлении под Антиохией целого войска на белых лошадях и с белыми знаменами во главе с святым Георгием, Меркурием и Димитрием, которые спасли измождённое войско крестоносцев от полного разгрома превосходящими силами тюрков-сельджуков [10, р. 67]. Характерно, что все перечисленные святые были покровителями византийской армии. Перечисленные примеры говорят о существовании в XI–XII в. норманно-византийской общности, ставшей результатом продолжительного взаимодействия культур. Косвенным подтверждением данного тезиса может служить довольно редкое явление в византийской иконографии: появление трёх стеатитовых икон конных святых, датированное М. В. Алпатовым XI в. [1, с. 97–98].

Контакты норманнов и сельджуков в Малой Азии начались задолго до первого крестового похода. Вполне естественно предположить, что сельджуки могли позаимствовать у норманнов образ конного воина,

в руках которого преимущественно находилось копье. Сельджуки модифицировали данный образ, добавив в руки всадника булаву (рис. 5).

С каждым годом полевые исследования приносят значительное количество находок и способствуют увеличению данных электронных баз. Но уже имеющиеся знания позволяют говорить о довольно мощном для обозначенного периода времени движении норманнов в регионы Малой Азии и Северной Сирии.

Литература

1. Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle // *Revue Historique*. 1881. XVI. P. 289–303.
2. Cheynet J.-C. L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la Première Croisade / éd. M. Balard et A. Ducellier // *Migrations et diasporas méditerranéennes (Xe — XVIe siècles)*. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2002.
3. Grousset R. *L'épopée des Croisades*. Paris: Librairie Académique Perrin, 1995.
4. Runsimen S. *A history of the crusades: The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem*. London: Folio Society, edition, 1994. Vol. I.
5. #ZENO <https://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=1245>
6. Банк А. В. *Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки*. Москва: Наука, 1978 г.
7. Прудников В. В. *Deus adiuvā! Норманнские рыцари в Анатолии, XI–XII вв.* Москва: ИВ РАН, 2019.
8. Брюн С. П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской историографии на заре крестовых походов // *Культура и цивилизация*. 2013. Вып. 1–2. С. 33–48.
9. Gaufredus Malaterra *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius* // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. Bologna: N. Zanichelli, 1928. T. 5.
10. Anonimi *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* / ed. B. A. Lees. Oxford: Clarendon Press, 1924.

ПАРСЫ ИНДИИ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛИТЕЛЬНОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (2003–2022 гг.)

Рыжакова С. И.

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук,

SRyzhakova@gmail.com, ORCID: 0000–0002–8707–3231

Аннотация. *В статье представлен материал длительного этнографического исследования сообщества парсов, которое автор проводит с 2002 г. в ряде городов Индии (прежде всего, в Калькутте и Дели; также и Мумбаи и Гуджарате). Описываются и анализируются ключевые проблемы современной этнокультурной ситуации парсов-зороастрийцев Индии, их богатого исторического наследия — материального и нематериального, биографии и судьбы отдельных людей, их точки зрения на прошлое и будущее своего сообщества и в целом зороастризма в современном мире.*

Ключевые слова: парсы, Индия, зороастризм, культурное наследие, биографии

Информация о финансировании: Публикация в рамках проекта РНФ № 22–28–00505: «Особые миры» Индии: малые народы и социальные группы. Этнокультурные стратегии сохранения и сглаживания различий (руководитель С. И. Рыжакова).

PARSIS OF INDIA: SOME RESULTS OF THE LONG-TERM ETHNOGRAPHIC RESEARCH (2003–2022).

Svetlana I. Ryzhakova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science;

SRyzhakova@gmail.com, ORCID: 0000–0002–8707–3231

Abstract. The article presents the material of a long-term ethnographic study by the author of the Parsi Zoroastrians community of India. The key problems of modern culture are described and analyzed. The situation with historical heritage — both tangible and intangible, as well as some points of view on the past and future of the community and Zoroastrianism in general in the modern world are under study.

Keywords: Parsis, India, Zoroastrianism, cultural heritage, biographies

Введение

В сложной социальной ткани южноазиатского общества хорошо прослеживаются две тенденции, одна из которых нацелена на сохранение и даже культивирование социальных и культурных различий, вторая — на их сглаживание и растворение. Это можно увидеть на материале языков, социальной структуры, культурных идентичностей, пищевой культуры, религиозных культов, обрядов, художественной литературы и фольклора, устройства повседневной жизни и множества другого.

Индия в целом представляет собой конгломерат множества «особых миров», своего рода «островов», состоящих из отдельных социальных групп, разделенных на касты (джати), сословия (варны), этноконфессиональные группы, племена. Некоторые из них закреплены юридически и объединены в категории «списочных» («зарегистрированных») каст и племен и «прочих отсталых классов». Кроме того, в Индии проживают особые народы, некогда мигрировавшие сюда в разное время, осевшие

здесь и сформировавшие свой культурный и социальный ландшафт; их ряд велик, а современное положение и статусы чрезвычайно разнообразны. Например, это потомки африканских переселенцев сидди Гуджарата, потомки арабских торговых групп юго-западного побережья, тибетцы, сформировавшие компактные поселения в северных областях Индии и на юге, в штате Карнатака, евреи, в частности, евреи Кочина и бене-израэль Бомбея, армяне и китайцы Калькутты и многие другие.

Между элементами столь разнородного индийского общества плещется «море» социальных контактов (как мирных, так и конфликтных), взаимосвязей, культурного и языкового полилога, происходит сглаживание и преодоление различий или достигается консенсус для решения общих задач. Южная Азия демонстрирует с одной стороны яркий пример консервативности и даже инертности в сохранении многих идентичностей (кастовая иерархия), а с другой — своеобразной социальной гибкости, навыков учитывать различные модели организации общества и культуры и оперировать ими.

В настоящей статье я обращаюсь к парсам-зороастрийцам, интереснейшему со многих точек зрения этноконфессиональному сообществу Индии. Современная этнокультурная ситуация, отношения с богатым историческим наследием парсов — материальным и нематериальным, биографии и судьбы отдельных людей, их точки зрения на прошлое и будущее своего сообщества и в целом зороастризма в современном мире представляют предметы моего исследования, которое было начато в 2002 г.

Парсы представляют собой наиболее крупное, сплоченное и хорошо организованное сообщество зороастрийцев мира; небольшие группы, исповедующие эту религию, живут также в Иране (возможно, около 25 тысяч), Ираке (около 15 тысяч), Узбекистане, Таджикистане и других странах мира. Относительно крупные группы собственно парсов и иранцы проживают в США (около 14 тысяч), Канаде (около 6400 человек), Великобритании (около 5500 человек), небольшие же общины парсов имеются в Кантоне (Китай), Сингапуре, Гонконге, Восточной Африке и ЮАР, Адене, в Карачи (Пакистан, около 3 тысяч), Европе (около 1 тысячи), Юго-Восточной Азии, Австралии и Новой Зеландии (около 2 тысяч)

и в других странах мира. Проблема быстрого сокращения числа парсов горячо обсуждается в личных беседах и публично, на конференциях и форумах, представлена на страницах сайта организации «Parzor foundation»¹.

На сегодняшний день общая численность парсов в Индии не вполне известна (всеобщая Перепись населения, которая должна пройти в 2021 г., была перенесена), и составляет, по всей видимости, несколько более пятидесяти тысяч человек: согласно данным Переписи населения Индии 2011 г. их было 57264 человек, а в последние десять лет продолжалось неуклонное снижение. Несколько менее 45 тысяч живут в Мумбаи и Пуне и окрестностях этих городов — традиционно, наибольшее пространство скопления парсов. Отдельные общины парсов имеются в южной части Гуджарата — Санджан, Удвада, Навсари, Бхаруч и другие, историческое место формирования общины парсов, начиная, по-видимому, с XI в., а также в ряде городов Индии, в частности, в Дели, Калькутте, Джемшедпуре и др. Говорят парсы на языке гуджарати (обычно обозначаемом как «парсийский гуджарати»), а также маратхи, английском. Их культовые тексты (прежде всего «Авеста») созданы на авестийском языке и пехлави.

Кроме парсов зороастризм в Индии исповедует также небольшое сообщество ирани², группам, прибывшим в Британскую Индию во второй половине XIX — начале XX вв. (эпоху Каджарской династии) видимо из иранских районов Йазд и Керман.

Ряд широко известных легенд передается из поколения в поколение, во многом имеет документальное подтверждение, но обросло и дополнениями, характерными для устных нарративов³. Значительную роль в жиз-

¹ <https://www.unescoparzor.com/traditional-crafts> (дата обращения 13.04.2022).

² Этот этноним, «ирани», применяется также к совершенно другому сообществу, к нескольким мусульманским шиитским группам Индии, некоторые из которых до недавнего времени вели бродячий образ жизни проживающим в разных штатах, прежде всего, Уттар-прадеш, Мадхья-прадеш, Махараштра, Карнатака, Андхра-прадеш.

³ Предки парсов, персы-зороастрийцы, бежали из Персии после падения династии Сасанидов и укрепления там ислама. Возможно, несколькими волнами они переселялись на территорию Индии из Персии в VIII–IX в. Согласно широко распространенному среди современных парсов Индии преданию, флот группы беженцев, направляемый советами жрецов и астрологов, прибыл 16 июня 632 г. к полуострову Диу (около Гуджарата), где они поселились и научились говорить на гуджарати. Затем они вновь пустились в морское путешествие, попали в бурю

ни общины сыграло оформление европейской колониальной власти в Индии. Парсы стали крупнейшей и влиятельнейшей общиной, заселившей торговый и промышленный город Бомбей (Мумбаи), основанный британцами. К 1850 г. они здесь владели половиной городской земли. В XVIII в. часть общины отселилась в Калькутту; существенные группы парсов обосновались в Секундерабаде и Хайдерабаде, в Дели, в некоторых других крупных городах Индии.

До конца XIX в. роль парсов в экономической и политической жизни была уникальной, и только в XX в. в их традиционные сферы занятости начали преуспевать и другие общины. Среди парсов высоки образовательный уровень, степень вестернизации и урбанизации, политическая активность. Парсы в Индии традиционно занимались торговлей, промышленностью, строительством и кораблестроительством, виноделием, управлением, банковским делом, образованием, служили переводчиками, работали брокерами и посредниками в европейских торговых предприятиях. Много среди парсов адвокатов и врачей. Особенно яркую особенность истории парсов составляет развитая система взаимопомощи, благотворительность и взаимодействие.

Существует обширная литература по истории парсов; так, пожалуй, самой знаменитой и в свое время важнейшей стала работа Дживанджи Джамшедджи Модии (1854–1933) «Религиозные церемонии и обычаи парсов» (1922 г.) [1].

Чрезвычайно много аспектов их истории и культуры
и, дав обет построить храм в случае счастливого спасения, в 936 г. (по другим сведениям — в 756 г.) прибыли на землю (на территории современного штата Гуджарат), которую называли Санджан, по имени одного иранского города, где и получили дозволение жить, договорившись с правителем Джади Раной о шестнадцати положениях, регламентирующих жизнь и деятельность общины. В них подчеркивалась близость индуизма и зороастрийской религии. Среди прочего предполагалось овладение мигрантами местным языком, принятие местной одежды, отказ от ношения оружия. Парсы построили храм огня; зажженный ими священный огонь и по сей день сохраняется в храме в деревне Удвада, ставшей центром паломничества. Другими важнейшими поселениями парсов стали Навсари, Сураат, Бхаруч и другие. В Санджане парсы мирно жили до 1066 г., после чего, гонимые мусульманскими завоевателями, начали расселяться, продвинулись в Маусари и другие смежные области в Гуджарате. В 1297 г. часть земель Гуджарата подверглись нападению мусульман; возможно, это заставило часть парсов переселиться южнее, на территорию современного штата Махараштра, в область современного Мумбаи (Бомбея). Однако достоверных сведений о жизни парсов до XVIII в. немного.

сохраняется в устной памяти и еще не зафиксированы. Отчасти эту лакуну в последние годы стали заполнять материалы, размещаемые в пространстве Интернета⁴. Среди этнографической литературы о парсах особое внимание, как мне представляется, нужно обратить, в частности, на работу Джесси Палсетия «Парсы Индии. Сохранение идентичности в городе Бомбее» [2], а также две книги, построенные в основном на собранных авторами глубинных интервью, исследование Филиппа Крейенброка 1994 г. в сотрудничестве с Шехназ Невиль Мунши «Живой зороастризм. Парсы-горожане говорят о своей религии» [3] и работу Далии Рай «Парсы Калькутты» [4]. Весьма ценными работами являются фундаментальные издания Фирозы Годредж и Фирозы Пантаки Мистри «Зороастрийский гобелен. Искусство, религия, культура» (2002 г.) [5] и «Вечное пламя: Зороастризм в истории и воображении» под редакцией Сары Стюарт, Урсулы Симс-Вильямс и Фирозы Пантаки Мистри, приуроченное к обширной музейно-выставочной программе, широко представленной историю и культуру зороастрийских народов мира, в том числе парсов, организованной в Дели в мае 2016 г. [6]. К письменному наследию парсов, вопросам их истории и религии обращается в своих работах Даниел Шиффелд (Daniel J. Sheffield⁵).

В отечественной этнографии специальных исследований современной общины парсов крайне немного; весьма ценными представляются пока что неопубликованные, хотя время от времени и представляемые на лекциях и конференциях материалы исследований и наблюдений Антона Зыкова. При этом, так или иначе, история и культура парсов нередко затрагивается во многих индологических работах.

Мое исследование культуры, судеб и этнографии парсов основано на длительном общении с целым рядом людей, щедро делящихся своими знаниями и впечатлениями, на наблюдении за глубокими этнокультурными процессами, фиксации биографий. Первоначально оно было связано

---

⁴ См., в частности: <https://artsandculture.google.com/story/JgVhgZI2nwcA8A> (дата обращения 13.04.2022).; <https://www.youtube.com/watch?v=rpT63xZ1OIE> (дата обращения 01.07.2022).

⁵ См.: <http://princeton.academia.edu/DanielSheffield> (дата обращения 01.07.2022).

с моим изучением индийской исполнительской культуры, ее конфигурации и форм бытования среди разных этнических и социальных групп Индии, в частности гарбы, важнейшего танцевального жанра Гуджарата, исполняющегося здесь практически всеми сообществами, прежде всего в рамках одного из главных праздничных периодов, Навратри осеннего сезона шарад (сентябрь-ноябрь) [7]. Многие парсы, как оказалось, исполняют гарбу и на своих торжествах, в частности, на свадьбах, после проведения обряда навджот, на праздновании Навруза и т.д. Обязательным элементом в этом танце оказывается круговое движение, часто с ритмическими хлопками в ладоши, в центре же танцующих групп помещается сосуд — гарабо, или гараби, символически представляющий присутствие священного женского начала. Гарба парсов — один из множества элементов, воспринятых некогда мигрировавшим на территорию Индии сообществом иранцев, сохранявшим ряд других своих социальных и культурных институтов и практик.

Две темы, связанные с сообществом индийских парсов, привлекли мое особенное внимание. Во-первых, это культурные артефакты, символы и предметы материальной культуры, используемые как в ходе обрядов, так и в повседневной жизни; часть их восходит к иранскому наследию предков современных парсов, другие же — результат культурной диффузии и влияния со стороны местной культуры, обычаев и практик. Они свидетельствуют об особенностях культурных контактов и взаимосвязях сообщества парсов и других, соседних народов и групп.

Во-вторых, это история нескольких семей парсов и биография отдельных их представителей. Так, в 2003 г. я познакомилась и начала длительное общение с некоторыми выдающимися личностями, играющими заметную роль в истории всего сообщества парсов. Прежде всего, это были генерал-лейтенант Ади Мехерджи Сетна (родившийся в 1924 г., ветеран Второй мировой войны, награжденный высоким званием Падма Бхушан, в 1990-е гг. возглавивший Совет парсов Дели (Delhi Parsi Anjuman) и Совет Федерации зороастрийцев (Federation of Zoroastrians Anjuman); он умер в 2006) и его дочь, Шерназ Кама, профессор Колледжа Леди Шри Рам Университета Дели, директор проекта «Парсы-зороастрийцы» (Parzor)

при ЮНЕСКО, нацеленного на исследование культуры и наследия⁶. В ходе общения с ними я сформировала основу своих знаний об истории и современном положении парсов Индии, Шерназ также стала для меня бесценным помощником в ходе подготовки этнографической экспедиции в Гуджарат в 2007 г., когда я посетила около десяти традиционных мест компактного проживания парсов в Сурате, Санджане, Навсари, Бхаруче и Ахмедабаде, и записала около тридцати глубинных интервью.

Главной темой, на которой было сосредоточено мое внимание, были культурные контакты и взаимовлияние; собранный материал показал, что наибольшей концентрации они достигают в области повседневного домашнего быта и обустройства дома (прекрасный тому пример — традиционные дома парсов в городе Бхаруч, где, среди прочего, сохраняется практика накопления и использования дождевой воды), рукоделия, украшения и убранства жилища.

Другая важная область, в которой хорошо прослеживается культурная «синкретия», это кухня. В 2004 г. я записала несколько бесед с живущей в Дели Биккху Маникша (рис. 1) (вдовой вице-маршала Индийской авиации, Джеми Хармусджи Фрамджи Маникша (Jemi Harmusji Framji Manekshaw, 1916–1998), выдающейся женщиной-поваром, знатоком кухни парсов, автором ряда книг, в 1960-е гг. ставшей основательницей первого ресторана континентальной кухни в Дели «Basil & Thyme». Беседы с ней открыли для меня тему культурных влияний в кухне парсов, в частности, особенности формирования и бытования таких классических блюд как дхансак (который готовится с использованием баранины или козлятины с бобовыми, овощами и рядом пряностей), объединивших черты иранской и гуджаратской пищевых культур. В дальнейшем тему кухни парсов я обсуждала с десятками других информантов. В целом можно сказать, что при сохранении нескольких наиболее значительных блюд-символов, особенно часто приготавливаемых на праздники, в обычной повседневности кухня парсов соответствует вкусам и пристрастиям тех регионов, где они живут, а также отвечает обычаям и нормам по большей части урбанизированных классов современной Индии.

⁶ <https://www.soas.ac.uk/staff/staff104449.php> (дата обращения 01.07.2022).

Главным местом моего исследования стала Калькутта. Здесь особенно важным стало знакомство в 2003 г. со знатоком истории зороастризма и обычаев парсов Тиной Мехтой (рис. 2), обучавшейся в 1980-е гг. в Лондоне и слушавшей курс лекций Мэри Бойс, но главное, имеющей собственный духовный и интеллектуальный опыт. Тина Мехта — автор книги «Зороастрийская сага» (малотиражное издание автора 1995 г., с предисловием Мэри Бойс [8]) В течение многих лет Тина читала курсы лекций по зороастризму для Миссии Рамакришны; начиная с 2003 г. она прочитала несколько лекций специально для меня, на видеозапись. В дальнейшем наша дружба с Тиной настолько укрепилась, что я записала весьма подробную историю ее семьи и ее биографию, получила в дар часть ее библиотеки и ее уникальный фотоархив. В настоящее время я веду работу над монографией, основанной на историко-культурном прочтении личной истории и биографии семьи Тины Мехты. Я записала около тридцати интервью и с другими парсами Калькутты, в том числе и с жрецами, служителями храмов, в частности, эрвадом Джимми Хоми Тарапорваллой (рис. 3).

История семей парсов Калькутты хорошо показала историческую динамику сокращения их присутствия в пространстве города, вместе с неуклонной убылью числа парсов. Хорошо известен особый похоронный ритуал парсов — помещение тел покойных под открытым небом, в похоронные «башни молчания», дакхма. Практически полное отсутствие крупных птиц-стервятников, грифов, в городах, привело к тому, что тела покойных подолгу лежат нетронутыми, что входит в противоречие с ожидаемым быстрым «исчезновением тела», требуемым похоронной практикой зороастризма. Это приводит к ожесточенной дискуссии внутри сообщества парсов — что теперь, в новых экологических и социальных условиях следовало бы делать с телами умерших. Часть моих информантов выступают за кремацию или погребение (в Дели и других городах Индии уже давно существуют и кладбища парсов), однако примерно 10% твердо придерживаются традиционного типа похорон и выражают желание, чтобы их тела были помещены в пространство ближайшей дакхмы.

В Калькутте благодаря содействию Ношира Гхерды в 2008 г. я смогла посетить внутреннее пространство перед дакхмой в Белиагхата, а также

ныне не действующий, заброшенный, но исторически весьма значимый храм огня (агиари) семьи Банерджи. История с двумя агиари Калькутты — одним (частным, принадлежащим семье, которая уже давно не в состоянии содержать здание в приличном виде, но также противится предложению общины парсов передать его в коллективную собственность) заброшенным, и вторым действующим (управляемым советом и принадлежащим всей общине парсов) наглядно демонстрирует крайнюю уязвимость материального исторического наследия, если оно остается в частной собственности семей, количественно и качественно идущих на убыль.

В Мумбаи, во многих городах Гуджарата, в Калькутте, Дели и некоторых других местах существуют действующие храмы огня разного статуса (аташ берам, аташ адаран и др.), где служат жрецы (мобеды), получившие специальное образование. Костюм жрецов особый, обычно белый, включает маску и тюрбан. Сохраняется практика недопущения в храмы огня людей, исповедующих иные религии. Примечательно, что этот запрет объясняется многими парсами как способ защиты от возможного обвинения в прозелитизме, как форма соблюдения одного из условий Джади Раны, поставленных перед их предками-мигрантами. Тем не менее, известны и преодоления этого запрета. Так, в 2007 году в Мумбаи я стала гостьей в доме госпожи Мехер Мастер-Мус, основательнице колледжа в Санджане, ведущую активную просветительскую деятельность. Так совпало, что в то же время что и я, в ее доме жила небольшая группа поддерживаемых ею россиян из Санкт-Петербурга и других городов, люди, практикующие и постигающие зороастризм. Некоторые из них посещали храмы огня в Мумбаи и в Гуджарате. При этом другие парсы Мумбаи, особенно Кходжасти Мистри (с которым я неоднократно беседовала), выступают резко против такого рода религиозной конверсии. Конфликт, разгоревшийся вокруг посещения храмов несколькими россиянами, отразился в средствах массовой информации и в некоторой мере обсуждался членами сообщества парсов. Можно сделать вывод, что наибольшей остроты противоречия достигают только в сообществе парсов Мумбаи; парсы же Гуджарата, Дели, Калькутты в гораздо меньшей степени вовлечены в эти жаркие споры.

Зафиксировала я и другие, более нейтральные точки зрения на проблему «своих»-«чужих», идентичности, конфессиональной принадлежности, смешанных браков и возможности религиозного прозелитизма. В Мумбаи всего было записано около двадцати интервью в пяти багхов — традиционных жилых кварталов парсов Мумбаи, в некоторых из которых были созданы небольшие музеи, где собраны параферналия и предметы быта и повседневной культуры.

Одна из сложнейших проблем парсов — исчисление времени. Парсы имеют три календаря (шахеншахи, кадми и фасли), значимых в обрядовой жизни. Каждый месяц посвящен определенной природной стихии и связан с определенными духовными силами и невидимыми покровителями. Важнейший праздник — Ноуруз (Новый год), отмечаемый разными группами индийских парсов по-разному: 21 марта (день весеннего равноденствия, «Ноуруз Джамшида», легендарного персидского царя) и 16–17 августа. Интересно, что наличие нескольких «Ноурузов» воспринимается ныне не столько как проблема (что имело место в прошлом), сколько как возможность.

Подростки парсов обязательно проходят обряд «нового рождения», навджот, церемонию повязывания священного шнура (кушти, кусти, кошти) и надевания рубашки судре или седре. Особый предмет острого обсуждения и споров среди парсов сегодня — могут ли дети, рожденные в смешанных браках от отцов не-парсов и матерей-парсов проходить обряд навджот и в дальнейшем считаться членами религиозного сообщества. На этот счет имеются противоположные точки зрения; примерно 15% ортодоксально настроенных парсов считают, что навджот можно совершать только детям, чей отец принадлежит к числу парсов. Их оппоненты указывают на катастрофическое сокращение численности парсов по целому ряду причин, в число которых, получается, входит и этот конфессиональный эксклюзивизм.

Большинство повседневных религиозных обрядов парсы проводят дома, перед лампой со священным огнем — диво (рис. 4). Во многих домах имеются портреты Заратуштры и символические изображения Ахура Мазды. Распространено использование амулетов и благопожелательных

предметов (чоук или чаук, напольные рисунки известью; фравашаи, фигурки ангелов; торан, плетеные стеклярусные украшения над дверными проемами), существуют ритуальные табу.

Анализируя символический характер обрядовых предметов парсов, нужно учесть динамическую взаимосвязь двух категорий: менок — мир духовный, невидимый, и гетик — видимый, осязаемый, материальный. В передвижении между этими пространствами бытия особую роль играет ритуальная чистота, которую символизирует металл серебро, и благопожелательные символы, такие как изображение рыб, растительный орнамент, пирамидка сахара. Ряд предметов и связанных с ними обычаев (нанесение на лоб знаков красным порошком, кумкумом, напольные украшения белым порошком, использование кокосовых орехов в ходе обрядов и др.) оказываются заимствованием из индуистской ритуальной практики.

Итак, парсы, происходя из групп мигрантов, социально и культурно формировались как один из народов Индии. Они говорят на гуджарати, хинди, английском, парсы Калькутты владеют бенгальским, Махараштры — маратхи, и т. д. Одежда и кухня парсов сформировалась на основе местной культуры, в женский костюм вошел особый тип одежды, гари и т. д. Известная легенда «сахар в молоке» [9] иллюстрирует особый тип социо-культурной интеграции, позитивную роль «катализаторов», запустивших процесс позитивных преобразований всего индийского общества. Однако несмотря на это парсы всегда оставались своеобразным этнокультурным «островом» в океане людского «континуума» Индии. Они сохраняют память о прошлом своих предков, придерживаются ряда традиций и обычаев, характерных для иранцев, при этом полностью сохранили свою традиционную религию, воспроизведя все необходимые институты. В деталях же ее выражения можно заметить ряд синкретических элементов и заимствований из региональной и местной культурной и духовной практики Индии.

Благодарности

Публикация в рамках проекта РНФ № 22–28–00505: «Особые миры» Индии: малые народы и социальные группы. Этнокультурные стратегии сохранения и сглаживания различий (руководитель С. И. Рыжакова).

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project of the Russian Science Foundation No. 22–28–00505: “Peculiar worlds of India: particular communities and social groups. Ethnocultural strategies for preserving and annihilation of differences” (supervisor Svetlana Ryzhakova).

Литература / References

1. Modi Jivanji Jamshedji. The Religious ceremonies and customs of the Parsees. 2nd edition (reprint). Bombay: Society for the promotion of Zoroastrian Religious Knowledge and Education, 1995. 455 p., +index, bibl.
2. Palsetia Jesse S. The Parsis of India. Preservation of Identity in Bombay City. New Delhi: Manohar, 2008. 368 p., + ill.
3. Kreyenbroek Philip G. in collaboration with Shehnaz Neville Munshi. Living Zoroastrianism. Urban Parsis Speak About their Religion. Richmond. Surrey (UK): Curson, 2001. 344 p.
4. Ray Dalia. The Parsees of Calcutta. Kolkata: Sujana Publications, 2005. 236 p.
5. Godrej Pheroza J., Punthakey Mistree Pheroza. A Zoroastrian Tapestry. Art, Religion and Culture. Ahmedabad: Mapin Publishing, 2002. 762 p.
6. The Everlasting Flame: Zoroastrianism in history and imagination. Edited by Sarah Stewart, Ursula Sims-Williams, Firoza Punthakey Mistree. New Delhi: National Museum, 2016. 103 p.
7. Patel Kalhans. Garbā-Rāsa. A Folk Music and Dance. Delhi: Neeraj Publishing House, 2009. 136, ill.
8. Mehta Tina. The Zarathushtrian Saga. Forwarded by professor Mary Boyce. [Calcutta]: A Writers Workshop Publication, 1995. 714 p.
9. Dadabhoy Bakhtiar K. Sugar in Milk. Lives of Eminent Parsis. New Delhi: Rupa Publications, 2008. 518 p.

Информация об авторе:

Светлана И. Рыжакова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия. 19991, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А. SRyzhakova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-8707-3231.

Information about the author:

Svetlana I. Ryzhakova, Dr. of Sci. (History), leading research fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. Russia, Moscow, Leninsky prospect, 32A. SRyzhakova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-8707-3231.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСЛАМА В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Андрей Вячеславович Сызранов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
a_sizranov@mail.ru

***Аннотация.** Полевые исследования ислама, в сочетании с изучением арабографических текстов, эпиграфических памятников, позволяют изучать мусульманскую историю и культуру в комплексе, многообразии проявлений. Цель статьи — изучить накопленный научный опыт полевых исследований ислама в Астраханской области (регионе, где мусульмане издревле составляют значительную часть населения), а также наметить перспективы дальнейших изысканий. В статье рассматриваются работы дореволюционных, советских и современных исследователей, в которых есть (даже фрагментарно) полевые сведения об исламе в Астраханском регионе в прошлом и настоящем. Автор приходит к выводу, что, несмотря на существующие работы, данное направление исследований по-прежнему остаётся недостаточно разработанным, что актуализирует необходимость его дальнейшего развития, прежде всего, в области этнографии, археографии, эпиграфики.*

Ключевые слова: археография; Астраханская область; ислам; исследователи; полевые исследования; эпиграфика; этнография.

FIELD STUDIES OF ISLAM IN THE ASTRAKHAN REGION

Andrey V. Syzranov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
a_sizranov@mail.ru

Abstract. *Field studies of islam, combined with the study of arabographic texts, epigraphic monuments, allow us to study muslim history and culture in a complex, a variety of manifestations. The purpose of the article is to study the accumulated scientific experience of field research of Islam in the Astrakhan region (a region where muslims have been a significant part of the population since ancient times), as well as to outline the prospects for further research. The article examines the works of pre-revolutionary, soviet and modern researchers, which contain (even fragmentary) field information about islam in the Astrakhan region in the past and present. The author comes to the conclusion that, despite the existing works, this area of research is still insufficiently developed, which actualizes the need for its further development, primarily in the field of ethnography, archeography, epigraphy.*

Keywords: archeography; Astrakhan region; islam; researchers; field research; epigraphy; ethnography.

История ислама в России, как научное направление, фокусирует своё внимание как на комплексном изучении многовекового наследия мусульманских народов, так и на современной динамике в исламской среде. Сочетание классического исламоведения с его опорой на арабографические тексты и полевых этнографических и антропологических исследований позволяет видеть всю мозаичность российского ислама. В этой связи необходимость полевых, прежде всего, этнографических (а также археографических, эпиграфических) исследований мусульманства в России не вызывает сомнений.

Достаточно важным нам представляются полевые исследования ислама в Астраханской области — регионе, где ислам издревле является од-

ной из традиционных религий, а мусульмане сегодня составляют более четверти населения. Цель статьи — изучить накопленный научный опыт полевых исследований ислама в нижневолжском регионе и наметить перспективы дальнейших изысканий.

Одним из первых, кто проявил интерес к этой теме, был российский историк и государственный деятель В. Н. Татищев (1686–1774), который в период своего астраханского губернаторства (1741–1745 гг.) активно интересовался историей и археологией Астраханской губернии. Среди прочего, историк оставил интересные сведения о мусульманском святом месте — могиле святого Джигит-хаджи, располагавшемся на территории Селитренного городища (остатки столицы Золотой Орды г. Сарай; в современном Харабалинском районе Астраханской области) [1, с. 284]. Об этом святом месте также упоминает российский учёный, участник Академической экспедиции 1768–1774 гг. П. С. Паллас (1741–1811) в своей работе «Путешествие по разным провинциям Российского государства» [2, с. 244].

Другие участники Академической экспедиции, члены Академии наук С. Г. Гмелин (1744–1774) и И. Г. Георги (1729–1802), побывавшие в Астрахани в 1769–1770 гг., в своих трудах приводят сведения о мусульманских мечетях и учебных заведениях, мусульманском духовенстве, праздниках и обрядах [3, с. 163, 179–184, 191, 194, 197; 4, с. 30].

В сочинениях астраханских медиков Ф.И.М. Ольдекопа (1821–1876) [5, с. 403–408, 434] и А. П. Далингера (1854–1908) [6, с. 12–20] содержится ценная информация о традиционном быте мусульманских народов Астраханской губернии, также о мечетях, религиозном образовании, духовенстве, мусульманских праздниках, обрядах, пищевых запретах. Кроме того, Ф.И.М. Ольдекоп в своей работе рассказывает об астраханских персах-шиитах, их религиозных обычаях (в частности, о шиитских траурных мероприятиях в день Ашура).

Конечно, большое значение для изучения «поля» нижневолжского ислама имеют этнографические исследования. Так, российский этнограф П. И. Небольсин (1817–1893) в своей фундаментальной монографии о народах Нижнего Поволжья в том числе описывает мусульманские обряды, сообщает о мечетях, медресе [7, с. 75, 87, 99, 100–101, 105–106].

Этнограф-тюрколог В. А. Мошков (1852–1922) собрал ценный устный материал о верованиях астраханских ногайцев-карагашей, в частности, космогонических и анимистических представлениях, традициях казахского и карагашского шаманства [8, с. 1–67].

В 1927 г. у ногайцев-карагашей Астраханского края побывал этнограф В. Д. Пятницкий. В 1930 г. по результатам полевых исследований он опубликовал статью «Карагачи», в которой, помимо всего прочего, содержатся сведения о мусульманском духовенстве, мусульманских учебных заведениях, культе святых и их могил, анимистических верованиях, погребальных обрядах, шаманской практике [9, с. 155–170].

В 1966 г. этнографические исследования у астраханских туркмен проводил советский этнограф С. М. Демидов. В статье, вышедшей по итогам этой экспедиции, он, в частности, приводит сведения о бытовании у туркмен норм «ортодоксального ислама» и народных суеверий [10].

В статье этнографа Р. К. Уразмановой подробно рассматриваются похоронно-поминальные обряды татар и ногайцев Астраханской области [11, с. 89–108]. Этой же проблеме (в основном, на материалах юртовских ногайских татар) посвящены работы исследовательниц Н. Р. Азизовой [12; 13] и А. Р. Усмановой [14, с. 34–37]. В монографии Ф. С. Баязитовой содержатся этнографические материалы об анимистических персонажах в верованиях юртовцев, татар, ногайцев-карагашей и ногайцев-кундровцев Астраханской области [15, с. 251–255].

Существенный вклад в полевое изучение ислама в нижневолжском регионе внёс астраханский историк-этнограф В. М. Викторин. По результатам своих экспедиций В. М. Викторин опубликовал ряд статей, посвященных культу мусульманских святых в Астраханском крае [16; 17; 18]. Также отметим недавнюю работу астраханских исследователей-энтузиастов А. Дунбоянова и Р. Рафиковой о мусульманских святых местах Астраханской области, во многом основанную на полевых материалах, собранных авторами [19].

В 2007 г. в Володарском районе Астраханской области (где компактно проживают казахи) побывали этнографы Е. И. Ларина и О. Б. Наумова. В их итоговой монографии о роли традиций в современной жизни рос-

сийских казахов отдельный раздел посвящен изучению разновидностей трансформаций в религиозной области российских казахов, в том числе и астраханских. Исследовательницы отмечают факт сосуществования религиозных новшеств и сохранившихся доисламских традиций в быту и обрядности казахов [20].

В монографии этнографа О. И. Брусиной уделяется отдельное внимание изучению ислама, религиозных представлений и обрядов у российских (ставропольских и астраханских) туркмен в советский и постсоветский периоды [21, с. 160–172].

Несмотря на существующие работы, комплексные полевые исследования ислама в Астраханской области специально не проводились. Общую картину исторической эволюции ислама и форм его бытования в регионе можно составить на основе отрывочных сведений, сообщаемых в самых разных публикациях. В целом, можно констатировать, данная тема по-прежнему остаётся малоисследованной, что актуализирует научную необходимость её дальнейшего изучения.

Прежде всего, интерес для полевых исследований представляют формы «народного» ислама в Волжском низовье. На большом историко-этнографическом материале отечественные исламоведы пришли к выводу о том, что «приспособление ислама к местным традициям разных народов было причиной возникновения различных его локальных форм, под которыми следует понимать совокупность религиозных верований мусульман, независимо от того, соответствуют они предписаниям и принципам канонизированного вероучения или нет» [22, с. 139]. В каждой стране, у каждого народа ислам обрел местные особенности. Эти особенности обусловлены специфическим историческим развитием отдельных народов, которое, в свою очередь, оказало влияние на развитие мусульманской религиозной мысли. Проникая в ту или иную этнокультурную среду, ислам, сталкиваясь с местными обычаями и традициями, подвергался их воздействию (и, естественно, сам воздействовал на них), что придавало ему характерные для данной среды черты. Таким образом, во всех регионах мусульманского мира ислам является сложным сплавом местных традиций, восходящих к доисламским религиозным верованиям, обрядам и культурам,

и классических мусульманских традиций, опирающихся на Коран, Сунну и шариат. Это явление получило в религиоведческой литературе название «народный», «простонародный», «бытовой» ислам, в отличие от ислама «официального», «нормативного» [23, с. 109; 22, с. 6; 24, с. 3; 25, с. 126; 26]. При этом важно понимать, что сознании верующих мусульман все в совокупности поверья и ритуалы, вне зависимости от их реального происхождения, представляли и предстают как истинный ислам. И действительно, некоторые домусульманские (и немусульманские) верования и обряды разных регионах, подверглись сильному его влиянию, что уже давно в обыденном сознании воспринимаются как мусульманские. А два выделенных уровня ислама — «народный» и «нормативный» — представляют собой части единого явления. Отметим, однако, что данный подход к изучению ислама разделяют далеко не все исследователи.

В Астраханской области к формам «народного» ислама можно отнести анимистические верования, исламизированное шаманство. Элементы домусульманских верований присутствуют в культуре мусульманских святых и почитании их могил (местные названия — ауля, авлия, эвлия), обрядовой и праздничной культуре тюрок нижней Волги. Отметим, что если этнографическое изучение мусульманских святых мест (и мусульманских кладбищ, на которых большинство из них расположены) в регионе более-менее проводилось, то эпиграфика культовых объектов остается неисследованной.

Помимо этно-полевых, необходимы социо-антропологические исследования мусульманских общин Астрахани, в частности, мечетных, суфийских и салафитских джамаатов. Опыт непосредственного изучения астраханской салафитской общины так называемых «муминов» (или «мухминов»; от араб. иман — «вера», муамин — «верующий, мусульманин») был предпринят В. М. Викториним (при нашем участии) в 1999 г. [27, с. 38–49; 28, с. 59–65; 29, с. 80]. Мечетные и суфийские общины Астрахани также привлекали внимание исследователей [29, с. 75–78; 30].

В методике полевых, в частности, этнографических исследований ислама накоплен большой опыт наблюдений, навыков и положений, которые проверены практикой. Область верований и культов требует от исследо-

вателя особенного труда и осторожности. Непосредственное наблюдение и общение с людьми, как верно заметил еще выдающийся советский этнограф Г. П. Снесарев, является основным методом полевых исследований этнографов. Тем более это относится к области духовной культуры, особенно вопросов религии и культа [31, с. 89].

Чрезвычайную важность также представляют полевые археографические изыскания в регионе, уже предпринимаемые в прошлом. К примеру, в собрании рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН хранится коллекция Сабира Алимова, учителя из г. Астрахань, внештатного сотрудника данного института. С. Алимову было поручено выявлять по всему Астраханскому краю письменные памятники периода Золотой Орды, а также исторические и фольклорные рукописи татар, ногайцев, туркмен, казахов и наиболее ценные покупать. Проведя несколько археографических экспедиций, С. Алимов в период с 1936 по 1939 гг. отправил в Институт востоковедения 22 посылки. Коллекция Алимова насчитывает более 1200 рукописей на фарси, арабском, татарском, ногайском, турецком и других языках, в частности, рукопись «Список повествования о пророке Сулеймане Бакыргани» (XIX в.), «Китаб ал-кониэт ал-манийэ» («Приобретение желаемого для пополнения достаточного») хорезмского ученого аз-Захиди ал-Газмини (XIII в.) [32, с. 70–72]. Интересно, что эти и другие рукописи были найдены С. Алимовым в мавзолее некоего святого на кладбище аула Осыпной Бугор (тюрк. Ярлы-Тюбе, в совр. Приволжском районе Астраханской области).

В 1935 г. экспедиция Института востоковедения АН СССР приобрела в Астрахани список хроники дагестанского историка Мухаммада Тахир ал-Карахи (1809–1882) «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах». Эта рукопись была переписана дагестанцем Али ибн Абд ал-Хамидом ал-Гази-Гумуки, и была поднесена в дар имаму астраханской мечети № 9 Абдурахману Абдулвагаповичу Алиеву (Абд ар-Рахману ибн Абд ал-Ваххабу ибн Али), сыну астраханского суфийского шейха Абдулвагапа Алиева (Абд ал-Ваххаба ибн Али ал-Хаджи-Тархани; ум. в 1899 г.) [33, с. 12]. К сожалению, сегодня археографические поиски мусульманских текстов в регионе не предпринимаются.

Касательно изучения мусульманских эпитафических памятников (прежде всего, старинных надмогильных плит с арабографическими надписями, сохранившихся во множестве на мусульманских кладбищах), еще раз отметим, что в Астраханской области такого рода исследования, насколько нам известно, не проводились.

Литература

1. Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. Научное наследство. Т. 14. М.: Наука; 1990. 380 с.
2. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. / Сост. В. Алексеев. Сталинград, 1936. 328 с.
3. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сём городе: с начала августа 1769 года по пятое июня 1770 года. СПб.: Типография Императорской Академии наук; 1777. 361 с.
4. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. II. О народах татарского племени и других не решенного ещё происхождения северных сибирских. СПб.: Типография Императорской Академии наук; 1799. 178 с.
5. Ольдекоп Ф. И. М. Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окружности. СПб., 1870. 720 с.
6. Далингер А. Медико-статистическое исследование татарского населения Астраханского уезда. СПб.: Типография П. Воицкой; 1887. 173 с.
7. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. СПб.: Типография Министерства внутренних дел; 1852. 197 с.
8. Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества иноземцев Волжско-Камского края. Мелодии ногайских и оренбургских татар. I. Введение. Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань: Типо-литография Императорского Университета; 1894. Т. XII. Вып. 1. С. 1–67.
9. Пятницкий В. Д. Карагачи (По материалам поездки в 1927 г.). Землеведение. Географический журнал им. Д. Н. Анучина. Т. 32. Вып. 3–4. М., 1930. С. 155–170.
10. Демидов С. М. Этнографическая поездка к астраханским и ставропольским туркменам. Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад: Ылым; 1987. С. 83–109.

11. Уразманова Р. К. Праздники и обряды астраханских татар. Астраханские татары. Казань: Изд-во ИЯЛИ КНЦ РАН; 1992. С. 89–108.
12. Азизова Н. Р. Свадебная и похоронно-поминальная обрядность астраханских татар (конец XX — начало XXI вв.). Историко-этнографическое исследование. Астрахань: Издательство АОИУУ; 2002. 64 с.
13. Азизова Н. Р. Обряды жизненного цикла астраханских (юртовских) татар: социокультурный анализ. М.: Издательство Московской финансово-юридической академии; 2009. 277 с.
14. Усманова А. Р. Похоронно-поминальные обряды татар Астраханской области. Живая старина. 2003. № 3 (39). С. 34–37.
15. Баязитова Ф. С. Астраханские татары: Духовная наследие: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор. Казань: Фикер; 2002. 300 с.
16. Викторин В. М. Ауля и мужавират (следы доисламских верований у ногайцев окрестностей Астрахани). Половецкая луна (публицистический и литературно-художественный журнал). Черкесск, 1993. № 3 (7). С. 85–92.
17. Викторин В. М. Мужавират и культ святых мест — «ауля» в нижневолжском варианте ислама (цивилизационный, формационный и этнический подходы к изучению). Ислам, общество и культура: Материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)». Омск: ТОО «Репро-текст»; 1994. С. 40–42.
18. Викторин В. М. Тукли-баба Шашлы-адже — святое место астраханских мусульман. Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 50–61.
19. Дунбоянов А. Г., Рафикова Р. Ф. Астраханские аулия. Астрахань, 2018.
20. Ларина Е. И., Наумова О. Б. Сквозь модернизацию: традиции в современной жизни российских казахов. М.-СПб.: Нестор-История; 2016. 304 с.
21. Брусина О. И. Российские туркмены. Три века этнической стойкости. М.: ИЭА РАН; 2019. 372 с.
22. Басилов В. Н. Культ святых в исламе. М.: «Мысль»; 1970. 144 с.
23. Гольдциер И. Культ святых в исламе (Мухаммеденские эскизы). М.: ОГИЗ; 1938. 180 с.
24. Басилов В. Н., Снесарев Г. П. Введение. Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука; 1986. С. 3–5.
25. Чвырь Л. А. Очередные задачи этнографического изучения ислама в Туркестане. Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 124–128.
26. Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Восточном Туркестане. М.: Вост. лит.; 2006. 286 с.
27. Магомедов А. К., Мацузато К., Викторин В. М. Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферия» мусульманского пространства. Ульяновск: УлГУ; 2006. 72 с.
28. Викторин В. М. Ислам в Астраханском регионе. М.: Логос; 2008. 96 с.

29. Сызранов А. В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет»; 2007. 181 с.
30. Сызранов А. В. Суфизм и суфии в Нижнем Поволжье. Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 3. С. 27–38.
31. Снесарев Г. П. Некоторые вопросы методики полевых этнографических исследований в области религии и атеизма. Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 89–94.
32. Курмансеитова А. Х. У истоков ногайской книги (XIX — начало XX века). Черкесск: КЧИГИ; 2009. 216 с.
33. Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / Комментарий и пер. Т. М. Айтберова и А. М. Барабанова. Махачкала: Издатель: Общество книголюбов Дагестана; 1990. Ч. I. 146 с.

Информация об авторе

Сызранов Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения Российской академии наук, a_sizranov@mail.ru

References

1. Tatishchev V. N. Notes. Letters. 1717–1750. Scientific heritage. Vol. 14. M.: Science; 1990. 380 p. (In Russ.)
2. Historical travels. Extracts from memoirs and notes of foreign and russian travelers on the Volga in the XV–XVIII centuries / Comp. V. Alekseev. Stalingrad, 1936. 328 p. (In Russ.)
3. Gmelin S. G. Journey through Russia to explore the three kingdoms of nature. Part II. Journey from Cherkassk to Astrakhan and stay in this city: from the beginning of august 1769 to the fifth of june 1770. St. Petersburg: Printing house of the Imperial academy of sciences; 1777. 361 p. (In Russ.)
4. Georgi I. G. Description of all the peoples living in the Russian state and their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, faiths and other memorabilia. Part II. About the peoples of the Tatar tribe and other undecided origin of the Northern Siberian. St. Petersburg: Printing house of the Imperial academy of sciences; 1799. 178 p. (In Russ.)
5. Oldekop F. I. M. Medical topography of the city of Astrakhan and its immediate circumference. St. Petersburg, 1870. 720 p. (In Russ.)
6. Dalinger A. Medical and statistical study of the tatar population of the Astrakhan district. St. Petersburg: P. Voshchinskaya printing house; 1887. 173 p. (In Russ.)
7. Nebolsin P. I. Essays of the Volga Lower reaches. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of internal affairs; 1852. 197 p. (In Russ.)

8. Moshkov V. A. Materials for the characterization of musical creativity of foreigners of the Volga-Kama region. Melodies of the Nogai and Orenburg Tatars. I. Introduction. Proceedings of the Society of archeology, history and ethnography at the Imperial Kazan university. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University; 1894. Vol. XII. Issue 1, pp. 1–67. (In Russ.)
9. Pyatnitsky V. D. Karagachi (Based on the materials of a trip in 1927). Land studies. Geographical journal named after D. N. Anuchin. Vol. 32. Issue 3–4. M., 1930, pp. 155–170. (In Russ.)
10. Demidov S. M. Ethnographic trip to astrakhan and stavropol turkmens. Materials on historical ethnography of turkmens. Ashgabat: Ylym; 1987, pp. 83–109. (In Russ.)
11. Urazmanova R. K. Holidays and rituals of the Astrakhan tatars. Astrakhan tatars. Kazan: Publishing house of the KSC RAS; 1992, pp. 89–108. (In Russ.)
12. Azizova N. R. Wedding and funeral and memorial rites of the Astrakhan tatars (late XX—early XXI centuries). Historical and ethnographic research. Astrakhan: Publishing house of ARIIT; 2002. 64 p. (In Russ.)
13. Azizova N. R. The rituals of the life cycle of astrakhan (yurt) tatars: socio-cultural analysis. Moscow: Publishing house of the Moscow financial and legal academy; 2009. 277 p. (In Russ.)
14. Usmanova A. R. Funeral and memorial rites of the Tatars of the Astrakhan region. Living antiquity. 2003. No. 3 (39). pp. 34–37. (In Russ.)
15. Bayazitova F. S. Astrakhan Tatars: Spiritual heritage: family and household, ritual terminology and folklore. Kazan: Ficker; 2002. 300 p. (In Russ.)
16. Victorin V. M. Aulya and muzhavirat (traces of pre-Islamic beliefs among Nogais in the vicinity of Astrakhan). Polovtsian moon (journalistic and literary-artistic magazine). Cherkessk, 1993. No. 3 (7). pp. 85–92. (In Russ.)
17. Victorin V. M. Muzhavirat and the cult of holy places — «aulya» in the Lower Volga version of Islam (civilizational, formational and ethnic approaches to study). Islam, society and culture: Materials of the International scientific conference «Islamic civilization on the eve of the XXI century (to the 600th anniversary of islam in Siberia)». Omsk: Repro-text; 1994. pp. 40–42. (In Russ.)
18. Victorin V. M. Tukli-baba Shashly-adjе is a holy place of astrakhan muslims. Ethnographic review. 2003. No. 2. pp. 50–61. (In Russ.)
19. Dunboyanov A. G., Rafikova R. F. Astrakhan auliya. Astrakhan, 2018. (In Russ.)
20. Larina E. I., Naumova O. B. Through modernization: traditions in the modern life of Russian Kazakhs. M.-St. Petersburg: Nestor-History; 2016. 304 p. (In Russ.)
21. Brusina O. I. Russian turkmens. Three centuries of ethnic resistance. Moscow: IEA RAS; 2019. 372 p. (In Russ.)
22. Basilov V. N. The cult of saints in islam. M.: «Thought»; 1970. 144 p. (In Russ.)
23. Goldtsier I. The cult of saints in islam (Muhammadan sketches). Moscow: OGIZ; 1938. 180 p. (In Russ.)

24. Basilov V. N., Snesev G. P. Introduction. Ancient rituals, beliefs and cults of the peoples of Central Asia. Historical and ethnographic essays. M.: Tatishchev V. N. Notes. Letters. 1717–1750. Scientific heritage. Vol. 14. M.: Science; 1986. pp. 3–5. (In Russ.)
25. Chvyr L. A. The next tasks of the ethnographic study of islam in Turkestan. Ethnographic review. 2001. No. 3, pp. 124–128. (In Russ.)
26. Chvyr L. A. The rituals and beliefs of the Uighurs of the XIX–XX centuries: essays on popular islam in East Turkestan. Moscow: East lit.; 2006. 286 p. (In Russ.)
27. Magomedov A. K., Matsuzato K., Victorin V. M. Islam and politics in modern Russia: the «core» and «periphery» of the muslim space. Ulyanovsk: UISU; 2006. 72 p. (In Russ.)
28. Victorin V. M. Islam in the Astrakhan region. Moscow: Logos; 2008. 96 p (In Russ.)
29. Syzranov A. V. Islam in the Astrakhan region: history and modernity. Astrakhan: Publishing house «Astrakhan university»; 2007. 181 p. (In Russ.)
30. Syzranov A. V. Sufism and sufis in the Lower Volga region. East (Oriens). Afro-Asian societies: history and modernity. 2008. No. 3., pp. 27–38. (In Russ.)
31. Snesev G. P. Some questions of the methodology of field ethnographic research in the field of religion and atheism. Ethnographic review. 2013. No. 6. pp. 89–94. (In Russ.)
32. Kurmanseitova A. H. At the origins of the nogai book (XIX — early XX century). Cherkessk: KCHIGR; 2009. 216 p. (In Russ.)
33. Muhammad Tahir al-Karahi. The brilliance of dagestan sabers in some Shamil battles / Comment. and trans. T. M. Aitberov and A. M. Barabanov. Makhachkala: Publisher: Dagestan book-lovers society; 1990. Part I. 146 p. (In Russ.)

Information about the author

Syzranov Andrey V. — Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow, Center for the Study of Central Asia, Caucasus and Ural-Volga region, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, a_sizranov@mail.ru

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ШЭНЬЯНСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЦЕ–МУЗЕЕ (КНР, 2021)

Тяньгэ Чу

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2924-2639>,
E-mail: Tiange64@qq.com

Аннотация: *Статья посвящена 120-летию поездки профессоров Аполлинария Васильевича Рудакова, Николая Васильевича Кюнера и Петра Петровича Шмидта с группой студентов в китайский город Шэньян (Шэнцзин) в 1901 г., посетивших Императорский дворец (в прошлом дворцы и книгохранилища в Мукдене) и Цзян-цзюньский ямын. В результате экспедиции Восточный институт во Владивостоке получил уникальные материалы, которые использовались в учебном процессе. В настоящее время часть этой коллекции находится в Санкт-Петербургском институте восточных рукописей РАН, некоторые книги — в Центральной научной библиотеке ДВО РАН во Владивостоке. В 2021 г. автор этой статьи дважды обследовал Шэньянский дворец, его музей и бывшую резиденцию губернатора. Во время этих полевых исследований, проведенных под руководством научного руководителя профессора ДВФУ А. А. Хисамутдинова, были отмечены изменения на территории музейного комплекса.*

Ключевые слова: А. В. Рудаков; Шэньян; музей Шэньянского Императорского дворца; Ямэнь; российско-китайские связи

FIELD RESEARCH AT THE SHENYANG IMPERIAL PALACE-MUSEUM (PRC, 2021)

Tiange Chu

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2924-2639>

E-mail: Tiange64@qq.com

Abstract: *This article is dedicated to the 120th anniversary of the trip of Professors Apollinariy Vasilievich Rudakov, Nikolai Vasilievich Kyuner and Pyotr Petrovich Schmidt with a group of students on survey to the Chinese city of Shenyang (Shengjing) in 1901, visiting the Imperial Palace (formerly palaces and book depositories in Mukden) and the Jiang-jun Yamen. As a result of the expedition, the Oriental Institute in Vladivostok received unique materials, which were used in the educational courses. Currently, part of this collection is in the St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, and some books are in the Central Scientific Library of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in Vladivostok. In 2021, the author of this article twice made research at the Shenyang Palace, its museum, and the former governor's residence. During these field studies, conducted under the supervision of the Professor FEFU A. A. Khisamutdinov, changes in the territory of the museum complex were noted.*

Keywords: A. V. Rudakov; Shenyang; Shenyang Imperial Palace Museum; Yamen; Russian-Chinese Relations

Введение

Актуальностью статьи является важность анализа сохранившихся уникальных материалов поездки дальневосточных ученых в Шэньян, которые до сих пор почти не изучены. Сегодня Шэньянский императорский дворец (沈阳故宫博物院) имеет огромное историческое значение для культуры Китая.

В конце XIX века в Китае произошли события, которые позже назвали Ихэтуаньским (Боксерским) восстанием. Его участники выступили против иностранного вмешательства во внутреннюю жизнь Китая. В результате Гражданской войны под опасностью уничтожения оказались культурные ценности, часть из которых перевезли в Восточный институт во Владивостоке [1]. Позднее наиболее ценные китайские рукописи перевезли из Владивостока в Ленинград в 1935 г. [2, с. 618]. Об руководителе экспедиции А. В. Рудакове опубликовал небольшую книгу историк А. А. Хисамутдинов [3].

Китайские ученые тщательно исследовали фонды Императорского дворца в Шэньяне. Например, археолог Луань Йе изучал материальную маньчжурскую и китайскую культуры, а музейвед Ли Ли проанализировал многочисленные коллекции [4]. Архивовед Чжан Хун выявил интересные документы маньчжурских архивов Императорского дворца в Шэньяне и в архиве провинции Ляонин [5]. В своей статье научный сотрудник Первого исторического архива Китая Го Мэйлань подчеркнул ценность и роль архивов императорского дворца в Шэньяне [6]. Некоторые ученые уделяют особое внимание архитектурному стилю, особенностям и структуре императорского дворца в Шэньяне и в этом помогли результаты экспедиции дальневосточных исследователей [7] [8]. Профессор Ян Годун перевел на китайский язык отчет экспедиции А. В. Рудакова «Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене» в журнале Шэньянского дворцового музея, предоставляя китайским ученым новый взгляд на Шэньянский императорский дворец через записи русского синолога [9]. Вопросов по коллекции, перевезенной в Россию, остается еще очень много.

Поездка дальневосточных китаеведов

Чтобы лучше узнать современные коллекции в императорском дворце Шэнцзина (沈阳故宫博物馆), нужно проанализировать деятельность экспедиции под руководством профессора А. В. Рудакова. 15 ноября 1900 г. в Восточном институте получили телеграмму от Приамурского генерал-губернатора Н. Н. Гродекова: «Взятии Мукдена, я просил разрешения Военного министра взять из библиотеки наиболее ценные экземпляры

в научном отношении, для чего командировать А. В. Рудакова. Президент Академии наук тоже просил содействия моего по принятию мер, дабы сохранить для науки Мукденскую библиотеку» [10, с. 97].

Для поездки, разбора библиотеки и перевода документов на русский язык Восточный институт выделил 4998 рублей [11]. Несмотря на сжатые сроки подготовки, востоковеды успели хорошо подготовиться, даже купили в магазине Кунста и Альберса дорогой фотоаппарат для копирования редких документов.

Получив уведомление, директор Восточного института А. М. Позднеев собрал экспедицию. В мае 1901 г. профессора А. В. Рудаков, П. П. Шмидт, Н. В. Кюннер и три студента (С. И. Горяинов, К. И. Дмитриев и А. П. Хионин) отправились в Шэнцзин, чтобы исследовать коллекцию дворца [3, с. 19]. «Здесь, — писал Аполлинарий Васильевич, — по ближайшем ознакомлении подтвердилось, что так называемой “знаменитой древней Мукденской библиотеки” не существует вовсе, а есть ряд отдельных книгохранилищ, более позднего происхождения, не ранее XVIII века. Содержание их было исключительно ограничено рамками китайской литературы, имеющей частное значение только для специалистов-синологов. При всем том, эти библиотеки оказались сильно устаревшими (рукописи XVIII века), и я, разумеется, не мог рекомендовать изучение их нашим студентам, предоставив им полную возможность практически знакомиться тут с языком и страной. Наконец, с самым трудом разбора и изучения памятников китайской литературы могли справиться только более зрелые силы наши экспедиции» [12, с. 3–4].

Почти за два месяца профессора и студенты тщательно проверили и описали книги и культурные памятники в павильонах Вэнь-шо-гэ (文溯阁), Башня феникса Фэн-хуан-лоу (凤凰楼), Цзинь-дянь-гэ (□□□), Чун-мо-гэ (崇谟阁) и Цзян-цзюньском ямыне (盛京将军衙门).

Времени командировки не хватало, чтобы просмотреть все старинные книги. Рудаков сильно жалел, но и того, что они увидели, вполне хватило для монографии «Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене». В ней он описал здания и павильоны, книжные фонды, культурные памятники Вэнь-шо-гэ, Фэн-хуан-лоу, Цзинь-дянь-гэ, Чун-мо-гэ, Цзянь-ц-

зюньский ямын и прочее. [12]. Вскоре вышел и «Каталог важнейших произведений китайской литературы, хранящихся в Мукденской библиотеке» [13]. На следующий год профессора Восточного института вновь отправились в Китай для сбора материалов.

Публикации А. В. Рудакова позволили востоковедам понять, какие уникальные материалы хранились во дворце Шэнцзина. Подробное описание Рудаковым архитектуры, экспозиций и коллекций Шэньянского императорского дворца позднее позволили китайским специалистам понять, какие изменения произошли в дворце-музее (Рис 1).

Современное состояние Шэньянского дворца.

Павильон Литературы Вэнь-шо-гэ (文溯阁)

За каждым изменением скрывается уникальная история и значение. По словам сотрудников Дворцового музея, «из-за войны некоторые книги и памятники культуры были утеряны, и нынешнее местонахождение невозможно найти» [14]. Однако, несмотря на это, часть древностей сохранилась в целостности, а некоторые здания были восстановлены.

Первое здание, которое посетил А. В. Рудаков, был павильон Вэнь-шо-гэ: «Одной из замечательнейших библиотек не только Манчжурии, но и Китая, надо считать находящуюся в стенах богдыханских дворцов Мукденя» [12, с. 5]. Он подробно описал Вэнь-шо-гэ и окружающие его здания, такие как сцена Цзя-ин-тан (嘉荫堂), здание Ян-си-чжай (仰熙斋), каменные стены Вэнь-шо-гэ, «Юй-чжи-вэнь-шо-гэ цзи» (御制文溯阁记) и «Юй-чжи Сун сяо-цзун лунь» (御制宋孝宗论) и т. д.

Павильон Вэнь-шо-гэ больше не выглядит так плохо: «Среди общего разрушения и гибели висят ещё покрытия вековой пылью и современно забытая, надписи богдыханской кисти, являясь и немыми свидетелями транжирит прошлого, и горьким укором расточаемую», чем он написал в статье [12, с. 6]. Сейчас это здание посещается множеством туристов. В отличие от воспоминаний 1901 г., в районе Вэнь-шо-гэ появилось несколько новых зданий. Например, «Стела Сы-ку-цюань-шу Юнь-фу-дзи» (四库全书运复记碑). В 1927 г., правительство провинции Фэнтянь перевезло «Сы-ку-цюань-шу» в павильон Вэнь-шо-гэ [15]. Стела с надписью появилась в 1931 г.

в ознаменование возвращения «Сы-ку-цюань-шу». В 1935 г. национальная библиотека Фэнтянь выяснила, что Вэнь-шо-гэ серьезно повреждена, а крыша протекала. Чтобы защитить книги в павильоне, на юго-западе павильона построили в 1937 г. новую двухэтажную библиотеку, названную «Синь гэ» (新阁). Затем летом «Сы-ку-цюань-шу» и «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чен» перенесли в павильон Синь гэ [16, с. 30](Рис. 2).

Коллекции в павильоне Вэнь-шо-гэ

Также были отреставрированы некоторые старые постройки. Например, в мае 2007 г. усилиями сотрудников музея Шэньянского дворца внутренние перегородки и поврежденные резные деревянные перегородки павильона были отремонтированы [17].

Основываясь на исторических записях, сотрудники восстановили предметы в доме так, как они выглядели в период императора Цяньлуна. В центре входа в павильон Вэнь-шо-гэ выставлены столы, на которых находятся копии книг «Сы-ку-цюань-шу», такие как «Цзин-бу» (经部), «Ши-бу» (史部), «Цзы-бу» (子部) и «Цзи-бу» (集部). Также отреставрированы книжные полки и другие экспонаты в павильоне Вэнь-шо-гэ. «Ту шу цзи ченг» (图书集成) находится на книжной полке, на которой А. В. Рудаков видел также копии «Цин-дин Сы-ку-цюань-шу цзун-му» (钦定四库全书总目) и «Цин-дин Сы-ку-цюань-шу цзун-мин му лу» (钦定四库全书简明目录).

Хотя книга «Сы-ку-цюань-шу» в павильоне Вэнь-шо-гэ пережила войны, она до сих пор отлично сохранилась. 13 сентября 2021 г. насчитывается всего 36 315 книг, 79 897 томов, 6144 ящиков (но из них 3 ящика пусты), которые хранятся в библиотеке Ганьсу [17]. «Цин-дин Сы-ку-цюань-шу цзун-мин му лу» (3 ящика, 17 книг, 20 томов) и «Цин-дин Сы-ку-цюань-шу цзун-му» (всего 20 ящиков, 127 книг, 200 томов) тоже хранятся в библиотеке Ганьсу, каталог «Цин-дин Сы-ку-цюань-шу»: «Цзин-бу» (经部) 957 ящиков, «Ши-бу» (史部) 1,584 ящиков, «Цзы-бу» (子部) 1,584 ящиков и «Цзи-бу» (集部) 2,016 ящиков [17]. Очевидно, это те сведения, о которых не знал Рудаков. «Сы-ку-цюань-шу» в Вэнь-шо-гэ пережил множество войн и переселений, поэтому их каталоги отличаются, и повреждение были неизбежны.

В своей статье А. В. Рудаков записал количество и описал каталог «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чен». В настоящее время «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чен» хранятся в четырех северных павильонах и трех павильонах на юге (Четыре северных павильона: Чэндэгэ — Вэньцзинь, Вэньюаньгэ Юаньминьюань в Пекине, Вэньюаньгэ в Пекине, Вэнсугэ Императорского дворца Шэньяна. Цзяннань Три павильона: Чжэньцзян Вэньцзунгэ, Янчжоу Вэньхуэйгэ, Ханчжоу Вэньлангэ), из-за войн они перенесли повреждения разной степени. Но, к счастью, коллекция «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чен» в павильоне Вэнь-шо-гэ Императорского дворца в Шэньяне сохранилась хорошо и хранится в библиотеке Ганьсу. Количество «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чен» в библиотеке — 10 000 томов, и его каталог — 40 томов [18]. Стоит отметить, что с 1949 по 1959 гг. Китай и Россия придавали большое значение культурным связям и часто обменивались книгами. Пекинская библиотека последовательно отправила 217,469 китайских книг и изданий в различные российские библиотеки. Среди них «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чен», которые были получены Российской государственной библиотекой, а затем отправлены в Русский Азиатский музей [19, с. 21].

Башня феникса Фэн-хуан лоу (凤凰楼) и ее коллекции

Проходя через Чунчжэндянь, можно увидеть доску «Цзыци Дунлай», написанную императором Цяньлуном. В Фэн-хуан лоу уже нет «стульев из красного дерева», вместо них теперь есть скамейки для отдыха туристов. Доска на лицевой и оборотной сторонах первого этажа не убрана, и поэтому текст размыт. Это следы от ветра и дождя за 120 лет. Из-за невозможности попасть на второй и третий этажи Фэн-хуан лоу, нельзя увидеть нынешнюю внутреннюю сцену Фэн-хуан лоу (рис. 3).

Десять портретов императора и 13 картин об императорах, «Цзяцин хуанди син ле ту» (嘉庆皇帝行乐图), «Даогуанг син ле ту» (道光行乐图), «Ши фан госи» (Шэнцзин шибэо 盛京十宝) и «Юй-чжи бао-пу цзи» (御制宝谱记) сохранились на втором и третьем этаже павильона Фэн-хуан лоу. 30 сентября 1900 г. портреты императора и «Ши Фан Го Си» были перевезены в город Жэхэ, а затем в Бэйпинский (Пекинский) музей памятников культуры. В марте 1948 г. Бэйпинский (Пекинский) музей

памятников культуры объединился с музеем Пекинского дворца Гугун, и все культурные коллекции были перемещены туда.

Портреты императоров династии Цин: «Тай-цзу Гао-хуан-ди шэн-жун» (太祖高皇帝圣荣), «Тай-цзун Вэнь хуан-ди эн-жун» (太宗文皇帝圣荣), «Ши-цзу Чжан хуан-ди эн-жун» (世祖章皇帝圣荣), «Шэн-цзу Жэнь хуан-ди эн-жун» (圣祖仁皇帝圣荣), «Ши-цзун Сянь хуан-ди эн-жун» (世宗宪皇帝圣荣), «Жэнь-цзун Жуй хуан-ди эн-жун» (仁宗睿皇帝圣荣), «Сюань-цзун Чэн хуан-ди эн-жун» (宣宗成皇帝圣荣), «Вэнь-цзун Сян хуан-ди эн-жун» (文宗显皇帝圣荣); картины об императорах: «Ван Го чао-хэ ту» (万国朝贺图), «Юань-сяо-син-лэ-ту» (元宵行乐图) в настоящее время сохраняются в музее Пекинского дворца Гугун.

«Десять государственных печатей» (盛京十宝): «Да цин шоу мин чжи бао» и «Би ю хуан ди чжи бао» сохраняют в музее Пекинского дворца [20, с. 116]. Цин юй «хуан ди чжи бао», Тан сян му «Хуан ди чжи бао», Цзинь «Фэн тянь чжи бао», Цзинь «Тянь цзы чжи бао», Би юй «Фэн тянь фа цзу цинь сянь ай минь», Цин юй «Чи мин чжи бао» также находятся в музее Пекинского дворца. Но пока не найдена информация о Цин юй «Дань фу чу ян си фанг», Цзинь «Гуан юнь чжи бао». Возможно, как и писал А. В. Рудаков, они потерялись во время войны [11, с. 29].

Коллекции в Архивном здании Цзинь-дянь-гэ (敬典阁)

В современном Цзинь-дянь-гэ публике показывают только первый этаж. На первом этаже две комнаты. Нельзя увидеть оригиналы каких-либо книг. Можно увидеть только структуру здания Цзинь-дянь-гэ, прочитать пояснения к «Юйде» и посмотреть фотографии части «Юйде» на сайте дворца (рис. 4).

«Юйде» (玉牒), который был в Цзинь-дянь-гэ, в настоящее время хранится в архиве Ляонин [21, с. 430]. «Юйде» — единственная полная систематизированная родословная династии Цин, всего содержит 1133 тома (567 томов на маньчжурском и 566 томов на китайском языке) [5, с. 10], в котором записаны императорские архивы с 1661 по 1921 гг. 8 марта 2002 г. «Юйде» был включен в «Список наследия китайских архивных документов — первая серия» [22, с. 430].

Павильон Чун-мо-гэ (崇谟阁) и его архивы

После Китайско-японской войны Чун-мо-гэ (崇谟阁) сильно изменился. В 1961 г. Центр защиты национальных культурных реликвий признал Чун-мо-гэ национальным достоянием Китая. В апреле 1983 г. в павильоне начались реставрационные работы, которые закончили в 1986 г.

Судьба «Шэн-сюнь» (圣训), «Ши-лу», и «Манвэн Лаодан», изначально хранящихся в павильоне Чун-мо-гэ, различна.

«Шэн-сюнь». В династии Цин было 12 императоров, кроме императора Фу И, который написал «Шэн-сюнь» 11 династий. Первые десять династий имели маньчжурские и китайские тексты, а династия императора Гуансюй — только китайский текст. Когда книга окончательно заполнялась, ее, как и «Ши-лу», отправляли в Императорский дворец Шэнцзин, где хранится «Да Хонглинг Бен». Всего насчитывается 1779 пакетов, 922 тома на маньчжурском языке (полное) и 857 томов на китайском (частично отсутствует текст). Среди них наибольшее количество «Шэн-сюнь» в эпоху императора Гао-цзун Шунь (清高宗纯皇帝圣训) [5, с. 10].

«Ши-лу» (实录). В 1925 г., после создания Дворцового музея, была проведена инвентаризация «Ши-лу». «Ши-лу», хранящиеся в Чун-мо-гэ, теперь находятся в архиве Ляонина. Полный текст «Ши-лу династии Цин», распространяющийся за рубежом, напечатан «Маньчжурско-японской культурной ассоциацией» марионеточного государства Маньчжоу-го. Сравнивая эти тексты с фондами Пекинского университета и Первого исторического архива Китая, можно увидеть много различий в вопросах, касающихся международных отношений правительства Цин [23, с. 445]. После сравнения выяснилось, что большинство поправок к отдельным словам и предложениям являются преднамеренными изменениями во время фотокопирования специалистами государства Маньчжоу-го.

В настоящее время в архиве Ляонина «Ши-лу» насчитывается 7,517 томов (3,449 томов на маньчжурском языке и 4,068 томов на китайском языке, в том числе «Сюаньтун Чжэнцзи») [23, с. 445].

«Лао-дан-це на маньчжурском языке» (满文老档). «Лао-дан-це на маньчжурском языке» также имеется в архиве Ляонина. Всего в ней 52 пачки в 360 томах [21, с. 428]. Эти исторические записи династии Цин написаны

на маньчжурском языке. «Юань-дань Маньчжурии» (на основе старых и новых маньчжурских шрифтов или нескольких монгольских документов, хранящихся в дворцовом музее Тайваня) были переписаны в семи экземплярах.

Другие здания, которые посетил А. В. Рудаков

Вэнь-дэ-фань и У-гун-фань (文德坊及武功坊). В 2017 г. Шэньянский музей признали «Национальным первоклассным музеем Китая». Он ежегодно принимает большое количество туристов. Поэтому были изменены некоторые постройки. Например, «большой двор» между аркой Вэнь-дэ-фань и аркой У-гун-фань, описанный А. В. Рудаковым, теперь превратился в торговую пешеходную улицу.

Входя в «большой двор» со стороны арки Вэнь-дэ-фань, видны многие маленькие красные здания. На одной из табличек написано: «Департамент туристической службы Шэньяна». В этом центре можно приобрести сувениры, мороженое с изображением Шэньяна, книги о Шэньяне и музее.

Цзянь-цзюньский ямын (盛京将军衙门)

В конце статьи А. В. Рудаков упомянул о Цзянь-цзюньском ямыне. Руины Цзянь-цзюньского ямына, высшего местного военного и исполнительного учреждения в районе Шэнцзин, больше не существуют. Вместо этого здесь в 1907 г. построили особняк губернатора трех провинций Северо-восточной провинции, который расположен между особняком командира Чжана и Императорским дворцом Шэньяна. 9 ноября 2016 г. особняк губернатора трех восточных провинций был снова отремонтирован, его планируется использовать как музей. Однако он все еще не открыт (рис. 5).

Заключение

Сегодняшний Шэньянский дворец больше не Императорский дворец, а музей, в котором можно познакомиться с историей. Публикации А. В. Рудакова помогают многим русским китаеведам изучить историю дворца

и его документов. Каталогизация старых книг в 1900 г. позволила современным китайским и российским археологам и историкам понять, что хранилось во дворце в прошлом.

Есть надежда, что в будущем, при сотрудничестве китайских и российских историков, можно восстановить настоящую историю этого уникального собрания и составить полный каталог книг.

Литература

1. Лю Лицю. Библиотека Восточного института: К истории создания китайского фонда. Библиосфера. 2017; 1:25–29. DOI: 10.20913/1815–3186–2017–1–25–29.
2. Попова И. Ф. К истории библиотеки Восточного института во Владивостоке. Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М.: Памятники ист. мысли; 2008:614–624.
3. Хисамутдинов А. А. Аполлинарий Васильевич Рудаков. 1871–1949 / авт. предисл. О. П. Болотина. Владивосток: Изд. Вост. ин-та ДВГТУ; 2006. 88 с.
4. Луань Йе 栾晔, Ли Ли 李理. Из дворцовой архитектуры Шэньянского императорского дворца можно увидеть смешение маньчжурской и китайской культур 从沈阳故宫宫殿建筑看满汉文化的交融. Журнал Шэньянского архитектурного университета 沈阳建筑大学学报; 2010. 2:166–171. (На кит. яз.) DOI: CNKI: SUN: SJSH.0.2010–02–011.
5. Чжан Хун 张虹. Маньчжурские архивы в архивах провинции Ляонин и их объявление 辽宁省档案馆馆藏满文档案及其公布. Ланьтайский мир 兰台世界; 2017. 2: 8–13. (На кит. яз.) DOI: 10.16565/j.cnki.1006–7744.2017.02.01.
6. Го Мэйлань 郭美兰. Обзор маньчжурско-китайских архивов императорского дворца в Шэньяне 沈阳故宫满汉档案综析. Маньчжурские исследования 满语研究; 2009. 2: 59–64. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1000–7873.2009.02.010.
7. Чжан Сюй Кан 张煦康. Исследование Внутреннего двора в Средней части Мукденского дворца 沈阳故宫中路后寝建筑研究. Тяньцзинь: Тяньцзиньский университет 天津: 天津大学; 2019. (На кит. яз.) DOI: 10.27356/d.cnki.gtjdu.2019.002762.
8. Чжан Цзялу 张佳璐. Сравнение Запретного города в Пекине и Запретного города в Шэньяне 北京故宫与沈阳故宫的对比—浅谈清朝皇家建筑的特点. Китайская и зарубежная архитектура 中外建筑; 2011. 9:65–67. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1008–0422.2011.09.015.
9. Рудаков А. В. 鲁达科夫 A.V., Ян Годун 阎国栋. Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдене. Результаты командировки летом 1901 г. в Мукден 阎国栋. 盛京皇宫与皇家藏书阁—1901年夏盛京考察成果录. Журнал Шэньянского дворцового музея 沈阳故宫博物院院刊; 2008. 2:53–72. (На кит. яз.) DOI: CNKI: SUN: SYBW.0.2008–02–013.

10. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та; 1999. 628 с.
11. Письмо инспектора Восточного института № 58 от 8 июля 1901. Собр. Т. А. Каракаш (Владивосток).
12. Рудаков А. В. Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене. Результаты командировки летом 1901 г. в Мукден. Известия Восточного института. 1901. 3:1–40.
13. Рудаков А. В. Каталог важнейших произведений китайской литературы, хранящихся в Мукденской библиотеке. Владивосток: Типолитография газеты «Дальний Восток», 1901. 70 с.
14. ПМА. Поездка в Шэньянский императорский дворец. 6–8 мая 2021.
15. Интерпретация библиотеки коллекции «Сику Цюаньшу» 《四库全书》 藏书馆解说[Электронный ресурс]. URL: https://www.gslib.com.cn/skjs/content_8699 (дата обращения: 26.05.2022). (На кит. яз.)
16. Ли Ли 李理. Сокровища Шэньянского дворца-музея 沈阳故宫珍宝. Шэньян: Изд-во Шэньян 沈阳: 沈阳出版社; 2004 (На кит. яз.)
17. Ежегодные коллекции музея 历年文物入藏 [Электронный ресурс]. (дата обращения: 26.05.2022). URL: http://www.sypm.org.cn/comcontent_detail4/&frontcomcontent_list01-12778013681571currentids=3__15&comcontentid=15&comp_stats=comp-frontcomcontent_list01-12778013681571.html. (На кит. яз.)
18. ПМА, Интервью у Джин Й: Инвентаризация в библиотеке Ганьсу. Ганьсу, 13 сентября 2021.
19. Дуань Цзебинь 段洁滨. 50 лет обмена между Национальной библиотекой и бывшим Советским Союзом (ныне Российская Федерация) 国家图书馆与前苏联、今俄联邦书刊交换50年. Пекинский библиотечный журнал 国家图书馆学刊; 1999. 3:19–25. (На кит. яз.) DOI: CNKI: SUN: VJG.0.1999-03-002.
20. Цзян Шуньюань 姜舜源. Анализ Императорского сокровища династии Цин в Национальном музее 国博藏清“皇帝之宝”考析. Журнал Национального музея Китая 中国国家博物馆馆刊; 2014. 9:116–125. (На кит. яз.)
21. Вэнь Шупин 温淑萍. Архивная коллекция Шэньянского Императорского дворца Чунмогэ и Цзиндяньгэ 从崇谟阁和敬典阁看沈阳故宫的档案收藏. Журнал Шэньянского дворцового музея 沈阳故宫博物院院刊; 2011. 5:428–432 (На кит. яз.) DOI: CNKI: SUN: SYBW.0.2011-00-037.
22. «Юйде» — единственная полная родословная императора «清玉牒» —唯一完整的皇族族谱[Электронный ресурс]. URL: www.lnsdag.org.cn/lnsdaj/wmdsc/zdhc/content/402880da40f0b8350140f246822e25b2.html (дата обращения: 26.05.2022) (На кит. яз.)
23. Сай На 赛娜. Сравнительное содержание «Ши-лу» «清实录»版本比较概括]. Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии 内蒙古师范大学学报(哲学社会科学版); 2007. 1:444–446. (На кит. яз.) DOI: CNKI: SUN: NMGS.0.2007-S1-154.

References

1. Liu Liqiu. Library of the Oriental Institute: Toward the History of the Chinese Foundation. *Bibliosphere*. 2017; 1:25–29. DOI: 10.20913/1815–3186–2017–1–25–29. (In Russ.)
2. Popova I. F. To the history of the library of the Oriental Institute in Vladivostok. Expanding the Horizons of Science: To the 90th Anniversary of Academician S. L. Tikhvinsky. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; 2008: 614–624. (In Russ.)
3. Khisamutdinov A. A. Apollinariy Vasil’evich Rudakov. 1871–1949. Vladivostok: Vostochnyy institut DVG TU; 2006. (In Russ.)
4. Luan Ye 栾晔, Li Li 李理. From the palace architecture of Shenyang Imperial Palace one can see the mixture of Manchu and Chinese cultures 从沈阳故宫宫殿建筑看满汉文化的交融. *Shen yang jian zhu da xue xue bao* 沈阳建筑大学学报; 2010. 2:166–171. (In Chinese). DOI: CNKI: SUN: SJSH.0.2010–02–011.
5. Zhang Hong 张虹. Manchu archives in Liaoning province archives and their announcement 辽宁省档案馆馆藏满文档案及其公布. *Lan tai shi jie* 兰台世界; 2017. 2:8–13. (In Chinese). DOI: 10.16565/j.cnki.1006–7744.2017.02.01.
6. Go Meilan 郭美兰. A review of the Manchu-Chinese archives of the Imperial Palace in Shenyang 沈阳故宫满汉文档案综析. *Man yu yan jiu* 满语研究; 2009. 2:59–64. (In Chinese) DOI: 10.3969/j.issn.1000–7873.2009.02.010.
7. Zhang Xukang 张煦康. A study of the Inner Court in the Middle Part of Mukden Palace 沈阳故宫中路后寝建筑研究. Tianjin: Tian jin da xue 天津: 天津大学; 2019. (In Chinese). DOI: 10.27356/d.cnki.gtjdu.2019.002762.
8. Zhang Jialu 张佳璐. Comparison of the Forbidden City in Beijing and the Forbidden City in Shenyang 北京故宫与沈阳故宫的对比—浅谈清朝皇家建筑的特点. *Zhong wai jian zhu* 中外建筑; 2011. 9:65–67. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1008–0422.2011.09.015.
9. Rudakov, A.V. 鲁达科夫 A.B., Yan Godun 阎国栋. Bogdohan palaces and book depositories in Mukden — Results of a business trip in the summer of 1901 to Mukden 阎国栋. 盛京皇宫与皇家藏书阁—1901年夏盛京考察成果录. *Shen yang gu gong bo wu yuan yuan kan* 沈阳故宫博物院院刊; 2008. 2:53–72. (In Chinese) DOI: CNKI: SUN: SYBW.0.2008–02–013.
10. History of the Far Eastern State University in documents and materials. 1899–1939. Vladivostok: Izdatelstvo DVFU; 1999. (In Russ.)
11. Letter of the Inspector of the Oriental Institute No. 58 of 8 July 1901. T. A. Karakash (Vladivostok). (In Russ.)
12. Rudakov A. V. Bogdihan Palaces and Book Depositories in Mukden. Results of a business trip in the summer of 1901 to Mukden. *Izvestiya Vostochnogo instituta*; 1901. 3:1–40. (In Russ.)
13. Rudakov A. V. Catalogue of the most important works of Chinese literature kept in the Mukden Library. Vladivostok: Tipolitografiya gazety “Dalniy Vostok”; 1901. 70 p.
14. Trip to the Shenyang Imperial Palace. May 6–8, 2021.

15. Interpretation of the “Siku Quanshu” Collection Library 《四库全书》 藏书馆解说. URL: https://www.gslib.com.cn/skjs/content_8699 (accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
16. Li Li 李理. Treasures of Shenyang Palace Museum 沈阳故宫珍宝. Shen yang gu gong bo she 沈阳故宫博物院: 沈阳出版社; 2004. (In Chinese).
17. Annual collections of the museum. URL: http://www.sypm.org.cn/comcontent_detail4/&frontcomcontent_list01-12778013681571currentids=3__15&comcontentid=15&comp_stats=comp-frontcomcontent_list01-12778013681571.html (accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
18. PMA, Interview with Jin Y: Inventory in Gansu Library. Gansu, September 13, 2021.
19. Duan Jiebin 段洁滨. Fifty years of exchange between the National Library and the former Soviet Union (now the Russian Federation) 国家图书馆与前苏联、今俄罗斯联邦书刊交换50年. Guo jia tu shu guan xue kan 国家图书馆学刊; 1999. 3:19–25. (In Chinese). DOI: CNKI: SUN: BJJG.0.1999–03–002.
20. Jiang Shunyuan 姜舜源. Analysis of the Qing Dynasty Imperial Treasure in the National Museum 国博藏清“皇帝之宝”考析. Zhong guo guo jia bo wu guan guan kan 中国国家博物馆馆刊; 2014. 9:116–125. (In Chinese).
21. Wen Shuping 温淑萍. The Archive Collection of Shenyang Chunmoge and Jingyang Imperial Palace 从崇谟阁和敬典阁看沈阳故宫的档案收藏. Shen yang gu gong bo wu yuan yuan kan 沈阳故宫博物院院刊; 2011. 5:428–432. (In Chinese). DOI: CNKI: SUN: SYBW.0.2011–00–037.
22. “Yuide” is the only complete genealogy of the emperor “清玉牒” — 唯一完整的皇族族谱. URL: www.lnsdag.org.cn/lnsdaj/wmdsc/zdhc/content/402880da40f0b8350140f246822e25b2.html (accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
23. Sai Na 赛娜. Comparative contents of the Shi-Lu “清实录”版本比较概括. Nei meng gu shi fan da xue xue bao 内蒙古师范大学学报 (哲学社会科学版); 2007. 1:444–446. (In Chinese). DOI: CNKI: SUN: NMGS.0.2007-S1–154.

ГРОЗОЮ БУДЬ ЕРЕТИКОВ, ОПОРОЙ ПРАВОСЛАВНЫХ: ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА ИЗ СРЕДНЕГО ЗЕЛЕНЧУКСКОГО ХРАМА¹

Виктор Николаевич Чхаидзе^а, Андрей Юрьевич Виноградов^б,
Инга Александровна Дружинина^с, Анна Владимировна Рассказова^д

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
chkhaidze.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2478-8926>

^б Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

^с Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
inga_druzh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3180-7697>

^д Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
rasskazova.a.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4107-7923>

Аннотация. *В статье представлены результаты комплексных исследований на городище Нижний Архыз, в интерьере Среднего Зеленчукского храма (построен в X в.) (Рис. 1). При раскопках в западном рукаве храма были выявлены 7 захоронений (Рис. 2–4) о которых приводится краткая информация. Одно из захоронений — погребение мужчины 25–29 лет представляет очевидный интерес. На скелете погребенного зафиксированы многочисленные зажившие переломы. Причиной смерти стала рубленая рана, нанесенная в область центральной части левой теменной кости остро-рубящим лезвийным оружием (вероятнее всего, саблей). Травмы и морфологические особенности позволяют говорить о том, что человек много времени проводил в седле, и участвовал в боевых столкновениях, одно из которых стало причиной его гибели — перед нами профессиональный воин, занимавший к моменту своей гибели привилегированное положение в обществе. Возможно, именно причины и обстоятельства смерти повлияли на решение о погребении этого человека во внутрен-*

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01488 по теме «Христиане Северного Кавказа X–XIII веков: исторический, социальный и демографический портрет», <https://rscf.ru/project/22-28-01488/>.

нем пространстве храма — месте захоронения представителей высшей аланской знати. По черепу погребенного была выполнена графическая реконструкция (Рис. 5).

Ключевые слова: Северный Кавказ, Алания, Нижне-Архызское городище, Средний Зеленчукский храм, погребальный обряд, антропологические исследования, реконструкция по черепу.

BE A THREAT TO HERETICS,
A PILLAR OF THE ORTHODOX:
THE BURIAL OF A WARRIOR
FROM THE MIDDLE ZELENCHUK CHURCH
OF THE Xth CENTURY

Victor N. Chkhaidze^a, Andrey Yu. Vinogradov^b,
Inga A. Druzhinina^c, Anna V. Rasskazova^d

^a Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
chkhaidze.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2478-8926>

^b Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

^c Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
inga_druzh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3180-7697>

^d Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russian Federation
rasskazova.a.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4107-7923>

Abstract. *The paper presents the results of comprehensive research on the settlement of Nizhny Arkhyz, in the interior of the Middle Zelenchuk church (built in the 11th century) (Fig. 1). During excavations in the western arm of the church, 7 burials were identified (Fig. 2–4), about which brief information is provided. One of the burials — the burial of a man 25–29 years old, is of obvious interest. Numerous healed fractures were recorded on the skeleton of the buried. The cause of death was a chopped wound inflicted in the area of*

the central posterior part of the left parietal bone by a sharp-cutting blade weapon (most likely a saber). Injuries and morphological features allow us to say that a person spent a lot of time in the saddle, and participated in military clashes, one of which caused his death — we have a professional warrior who occupied a privileged position in society at the time of his death. Perhaps it was the causes and circumstances of death that influenced the decision to bury this man in the inner space of the church — the burial place of representatives of the highest Alan nobility. A graphic reconstruction was performed on the skull of the buried person (Fig. 5).

Keywords: North Caucasus, Alania, Nizhne-Arkhyz settlement, Middle Zelenchuk church, funeral rite, anthropological research, reconstruction of the skull.

Введение

Один из уникальных археологических памятников на территории Российской Федерации — Нижне-Архызское городище, расположенное в Карачаево-Черкесской Республике, в среднем течении реки Большой Зеленчук, на ее правом берегу. Это специально созданный в первой четверти X в. митрополичий город — церковная столица Западной Алании. На памятнике сохранились три древнейших храма России — Северный, Средний и Нижний Зеленчукские, а также фундаменты 11 небольших церквей и часовен. Древнее имя города неизвестно. Жизнь на городище продолжалась в X–XII вв. Город погиб в результате разорения Алании монголами в первой трети XIII в. [1, с. 14–27].

С 2018 г. совместная Нижне-Архызская археологическая экспедиция Института археологии РАН, Института востоковедения РАН, НИУ Высшая школа экономики, проводит комплексные исследования на городище. Главным объектом изучения является Средний Зеленчукский храм (по государственному паспорту — «Средний храм X века») (Рис. 1) — исследования проводятся внутри интерьера и снаружи, у северной апсиды. Основной задачей работ является установление хронологии строительства храма, выявление его функциональной структуры, изучение

прихрамового некрополя. До 2018 г. научным археологическим раскопкам храм не подвергался [2, с. 164–166, рис. 1–4; 3, с. 293–295, рис. 1].

Цель и задачи

Средний Зеленчукский храм был построен в X в., первоначально как купольный храм типа полусвободного латинского креста с восточными пастофориями и тремя апсидами; после перестройки в конце XIX в. — это купольный храм типа вписанного креста простого извода без свободно стоящих опор, с тремя апсидами. Длина храма без центральной апсиды и притвора — 14,86–14,9 м, с апсидой — ок. 17,55 м, ширина — ок. 15,55 м [1, с. 115–119; 4, с. 94–131, рис. 55–91].

В 2019 г. в западном рукаве храма, между боковыми пилястрами, был заложен раскоп (Рис. 2), в границах которого, помимо архитектурного убранства, были выявлены 7 захоронений [5, с. 296–298], одно из которых — погребение воина, представляет несомненный интерес.

Материалы и методы

Центральное погребение (надо полагать, из семьи ктиторов) совершенно в плитовом ящике I (Рис. 2–3), принадлежало женщине 40–44 лет, уложенной вытянуто на спине. Ориентировка западная. Инвентарь представлен серебряным витым браслетом, надетым на левую руку погребенной. Образец грунта из-под браслета выявил высокую концентрацию фосфора (2,32%), что указывает на наличие изделия из кожи или шерсти (войлока).

Два грунтовых погребения: 1 — женское и 2 — детское, к югу от плитового ящика I (Рис. 3), совершены в деревянных конструкциях, на что указывают находки гвоздей, выявленных по периметру погребений. Полное отсутствие растительной массы в образцах из центра и изголовья погребения 1 и небольшие объемы растительной органики в образце, взятом непосредственно под гвоздем, возможно, указывают на использование вместо гроба деревянной рамы без дна. Судя по образцам древесного дегрита из погребения 2, здесь скорее использовалась кора в качестве гроба, нежели древесина.

Погребение 1 — безынвентарное захоронение женщины 20–24 лет (уложена вытянуто на спине, головой на запад). Погребение 2 — детское, (*infantis*) 5 лет, поза — аналогичная, у черепа находилось ожерелье из 10 бусин (стекло, паста, кость) и бронзовое зеркало в остатках кожаного чехла. Содержание валового фосфора в образце грунта под ожерельем показало наличие животной органики — остатков шапочки из кожи или войлока.

Все три погребения могут быть датированы XI в.

В северо-западном углу западного рукава храма открыты два плитовых ящика (II и III) (Рис. 2–4). В гробнице II была погребена женщина 35–39 лет (вытянуто на спине, ориентировка западная). Инвентарь не выявлен. Образец грунта из-под плит перекрытия позволяет предполагать наличие покрова из ткани растительного происхождения. В образце под правой голенью погребенной зафиксированы большие объемы растительной массы, возможно, вместе с речным или старичным илом (следы тростниковой или камышовой циновки?). Здесь же выявлены фитоолиты культурных злаков.

В каменном ящике III погребена женщина 40–49 лет (вытянуто на спине, ориентировка западная). Несмотря на то, что археологически сопроводительный инвентарь выявлен не был, в образце грунта в области подбородка погребенной обнаружена аномально высокая концентрация фосфора (5,42%), что однозначно свидетельствует о наличии больших объемов кожи или шерсти (войлока). В этом же образце выявлены фрагменты древесной коры. Под плитами перекрытия фиксируется покров из ткани растительного происхождения.

Датировка погребений затруднительна, так как они вторичны: кости первоначально захороненных в обоих ящиках двух человек (погребения IIIa-1 и IIIa-2) были извлечены и сложены с внешней северной стороны каменного ящика III.

Один из переотложенных скелетов (погребение IIIa-2) (Рис. 4) принадлежал мужчине 25–29 лет. По черепу погребенного была выполнена графическая реконструкция (Рис. 5).

На скелете погребенного зафиксированы многочисленные зажившие переломы: ребра, перелом левой локтевой кости с образованием ложного

сустава, перелом черепа в области левого надбровья. Причиной смерти стала рубленая рана, нанесенная в область центральной задней части левой теменной кости остро-рубящим лезвийным оружием (вероятнее всего, саблей). На бедренных костях отмечены специфические морфологические признаки, т. н. «комплекс всадника».

Травмы и морфологические особенности позволяют говорить о том, что человек много времени проводил в седле, и участвовал в боевых столкновениях, одно из которых стало причиной его гибели, скорее всего, перед нами профессиональный воин.

Следует заметить, что жизнь этого человека в подростковом возрасте не была комфортной и беззаботной. На периодические невзгоды, переживаемые им в отрочестве, указывают многочисленные (до 15) линии Гарриса отмеченные на рентгенограммах большеберцовых и бедренных костей — индикаторы физиологического стресса организма.

О социальном положении погребенного некоторую информацию могут дать особенности одного из выявленных переломов. Левая локтевая кость мужчины в результате травмы в центральной части диафиза была представлена двумя изолированными фрагментами, которые образовали ложный сустав. Можно полагать, что переломанная надвое локтевая кость мужчины была так зафиксирована, что она не только срослась, но и образовался новый сустав. Это может указывать на то, что у погребенного был доступ к высококачественной медицинской помощи, позволившей сохранить ему руку.

О привилегированном социальном положении, которого достиг мужчина к 25–29 годам, говорит сам факт его погребения во внутреннем пространстве одного из главных столичных храмов Алании, где совершались захоронения членов семей высшей аланской знати. С большой долей вероятности, местом его первоначального захоронения можно считать одну из каменных гробниц — II или III, выявленных в северо-западном углу храма. Причины, время и обстоятельства извлечения останков воина из гробницы не известны, но это произошло уже после того, как останки полностью скелетизировались. При этом кости мужчины были сложены у северной продольной стенки гробницы III не беспорядочно, а «паке-

том», с соблюдением подобающей христианскому обряду ориентировки — черепом на запад.

Возможно, изучение следа от ранения на черепе, которое послужило причиной смерти предоставит информацию о форме и размерах клинка, что, в свою очередь, позволит сузить датировку погребения. Пока же погребение может датироваться предварительно и широко: второй половиной X–XI вв.

Выводы

Суммируя полученные в результате комплексного антрополого-археологического исследования данные, можно прийти к выводу, что мужчина из переотложенного погребения Ша-2 поднялся по социальной лестнице, сделав военную карьеру, занимая к моменту своей гибели привилегированное положение в обществе. Время его жизни было связано с одним из периодов наивысшей активности связей Алании и Византии в русле протекавшего процесса христианизации. Этих периодов можно выделить три [см.: 4, с. 14–34]:

Первый (начало X в. — 932 г.) характеризуется такими событиями, как крещение алан византийскими монахами-миссионерами (прежде всего, аланская миссия монаха Евфимия), несшими «тягостный труд и стеснения» на земле язычников, закладка Среднего Зеленчукского храма (ближе к концу 920-х гг.), заключение аланами антивизантийского союза с хазарами и изгнание греческого иерарха и священников из Алании после 932 г., разрушение части храмов.

Второй период — после 945/950 гг. и до конца X в. — возобновление алано-византийского политического союза, восстановление Аланской церкви и превращение ее из архиепископии в митрополию, второй этап строительства Среднего Зеленчукского храма, строительство и освящение в 965 г. Сентинского храма.

Третий период — XI в. — время стабильности и расцвета для христианской Алании и ее Церкви.

Надо полагать, что наш герой оказал немалое содействие христианской светской или церковной элите Алании, погибнув во время военного

конфликта, чем заслужил честь быть погребенным в одном из главных храмов этого средневекового христианского государства. Возможно, именно причины и обстоятельства смерти повлияли на решение о погребении этого человека во внутреннем пространстве храма — месте захоронения представителей высшей аланской знати.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В. А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск: СНЕГ; 2017. 320 с.
2. Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю. Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг. Христианство в археологических и письменных источниках. Материалы IX международной научной конференции по церковной археологии. Симферополь: Антиква; 2020. С. 164–168. Вклейка 13–15.
3. Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Новейшие исследования Среднего Зеленчукского храма на городище Нижний Архыз. Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп: Качество; 2022. С. 293–295.
4. Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. 2-е издание, исправленное. М.: ИВ РАН; 2021. 440 с., ил.
5. Чхаидзе В. Н., Бабенко А. Н., Гольева А. А., Дружинина И. А., Медникова М. Б. Некрополь Среднего Зеленчукского храма: результаты комплексных исследований материалов раскопок 2019 г. Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп: Качество; 2022. С. 296–298.

REFERENCES

1. Kuznetsov V. A. Nizhny Arkhyz and Early Orthodoxy. Alan diocese in the X–XII centuries. Pyatigorsk: SNEG; 2017. 320 p.
2. Chkhaidze V. N., Vinogradov A. Yu. The Middle Zelenchuk church on the Nizhne-Arkhyz settlement. Excavations 2018–2019. Christianity in archaeological and written sources. Materials of the IX International Scientific Conference on Church Archaeology. Simferopol: Antiqua; 2020, pp. 164–168, Pasting 13–15.
3. Chkhaidze V. N., Vinogradov A. Yu., Beletsky D. V. The latest research of the Middle Zelenchuk church on the settlement of Nizhny Arkhyz. Ancient and medieval cultures

of the Caucasus: discoveries, hypotheses, interpretations. XXXII Krupnov readings. Materials of the International Scientific Conference on the Archeology of the North Caucasus dedicated to the 125th anniversary of the excavations of the Maikop mound. Maykop: Kachestvo; 2022, pp. 293–295.

4. Beleckij D. V., Vinogradov A. Ju. History and Art of Christian Alanya. 2nd edition revised. Moscow: IV RAN; 2021. 440 p.
5. Chkhaidze V. N., Babenko A. N., Goljeva A. A., Druzhinina I. A., Mednikova M. B. Necropolis of the Middle Zelenchuk church: results of complex studies of excavation materials 2019. Ancient and medieval cultures of the Caucasus: discoveries, hypotheses, interpretations. XXXII Krupnov readings. Materials of the International Scientific Conference on the Archeology of the North Caucasus dedicated to the 125th anniversary of the excavations of the Maikop mound. Maykop: Kachestvo; 2022, pp. 296–298.

Информация об авторах

Чхаидзе Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий Центром византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>, chkhaidze@yandex.ru

Виноградов Андрей Юрьевич — доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>, auvinogradov@hse.ru

Дружинина Инга Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия <https://orcid.org/0000-0002-3180-7697>, inga_druzh@mail.ru

Рассказова Анна Владимировна — младший научный сотрудник Центра физической антропологии Лаборатории пластической реконструкции, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия <https://orcid.org/0000-0002-4107-7923>, rasskazova.a.v@mail.ru

Information about the authors

Viktor N. Chkhaidze — PhD (History), Head of the Centre for the Study of Byzantium and Caucasus, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>, chkhaidze@yandex.ru

A. Yu. Vinogradov — Dr. habil. (Philology), PhD (History), Leading Research Fellow, Centre for the Study of Byzantium and Caucasus, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>, auvinogradov@hse.ru

Inga A. Druzhinina — PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for the Study of Byzantium and Caucasus, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation <https://orcid.org/0000-0002-3180-7697>, inga_druzh@mail.ru

Anna V. Rasskazova — Junior researcher, Center for Physical Anthropology, Laboratory of Craniofacial Reconstruction, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences Moscow, Russian Federation <https://orcid.org/0000-0002-4107-7923>, rasskazova.a.v@mail.ru

АРТЕФАКТЫ КУЛЬТУРЫ САНЬСИНДУЙ, ТАЙНИК ИЛИ РИТУАЛЬНОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Шаповалова Светлана Николаевна^{1*}

¹Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

¹ dasel-sv@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-1999-0767>

Аннотация. *Сенсационное археологическое открытие 1986 г., в Китае, в местечке под названием Саньсиндуй (Sanxingdui), с 869 артефактами относящимися к XIII–XI в. до н.э., которые сразу отнесли к содержимому жертвоприношений совершенных с разницей в несколько десятилетий. Общепринятое утверждение о разном времени захоронения двух ям, как и наличие обгорелых останков животных, вероятнее всего стало основным аргументом, связующим это захоронение с ритуальным жертвоприношением.*

Многие ученые, в том числе и профессор Принстонского университета Роберт Бэгли (Robert Bagley), отмечали что, вышеуказанный ритуал и нахождение артефактов являются достаточно необычными. В статье высказано предположение о том, что найденные находки не относятся к жертвенным дарам, а являются обычным тайником. Основой такого утверждения служит несхожесть обряда с известными ритуалами, а так же показаны некоторые признаки гетерогенности мировоззренческих взглядов у иньской и саньсиндуйской культур.

Ключевые слова: Бронзовый век, древний Китай, культура Саньсиндуй, археология Китая, шаманизм

ARTIFACTS OF THE SANXINGDUI CULTURE, A HIDING PLACE OR A RITUAL SACRIFICE

Svetlana N. Shapovalova^{1*}

1 Far Eastern Federal University. FEFU.

¹ dasel-sv@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-1999-0767>

Abstract. *A sensational archaeological discovery in 1986, in China, in a place called Sanxingdui, with 869 artifacts dating back to the XIII–XI century BC, which were immediately attributed to the contents of sacrifices made with a difference of several decades. The generally accepted statement about the different burial times of the two pits, as well as the presence of burnt animal remains, most likely became the main argument linking this burial with a ritual sacrifice.*

Many scientists, including Princeton University Professor Robert Bagley, have noted that the above ritual and the finding of artifacts are quite unusual. The article suggests that the found finds do not belong to sacrificial gifts, but are an ordinary hiding place. The basis of this statement is the dissimilarity of the rite with well-known rituals, as well as some signs of heterogeneity of ideological views in the Yin and Sansindui cultures are shown.

Keyword: Bronze Age, Ancient China, Sanxingdui culture, archaeology of China, shamanism

Введение

Искусство древнего Китая XV–XI в. до н.э. не ограничивалось шанскими городами, не менее интересным и исключительно особым стилем обладали периферийные зоны, такие как артефакты культуры Саньсиндуй история открытия которой, началась в 40 км к северу от Ченду, в Сычуани, в местечке под названием Саньсиндуй (Sanxingdui).

В 1980 году сычуаньские археологи начали раскопки стены и остатков древнейшего поселения. Построенная с применением техники хангту (что

может указывать на контакты с Эрлитоу или Эрлигангом), сохранившиеся части которой имеют высоту до 6 м и толщину 40 м у основания, (большая часть стены была разрушена), с возможной общей площадью в 2,6 кв. км. Внутри найдены фундаменты зданий, а за пределами стены были обнаружены обломки поселений на площади около 12 кв. км., указывая на то, что Саньсиндуй несомненно являлся достаточно крупным городом.

Еще более сенсационным оказалось открытие в 1986 г. артефактов в двух находящихся в 30 метрах друг от друга ямах с 869 предметами относящимися к XIII–XI в. до н.э. Находку, сразу отнесли к содержимому жертвоприношений, совершенных с разницей в несколько десятилетий. «The pits, 30 m apart, date from the twelfth century bc. Close in time but somewhat different in contents, they are most easily interpreted as sacrifices of some sort, but both the artifacts themselves and the manner of their burial are very strange. «Ямы, расположенные на расстоянии 30 м друг от друга, датируются двенадцатым веком до нашей эры. Близкие по времени, но несколько отличающиеся по содержанию, они наиболее легко интерпретируются как своего рода жертвоприношения, но сами артефакты, и способ их захоронения очень странные» [1:11].

В цели работы входит описание некоторых признаков гетерогенности мировоззренческих взглядов у иньской и саньсиндуйской культур, указывающих на то, что найденные археологические артефакты не относятся к захоронению связанным с ритуальным жертвоприношением, а вероятно всего являются обычным тайником.

В методологическую базу исследования входят методы: иконографический исследующий варианты изображения образа; иконологический раскрывающий исторически обусловленное образно-символическое содержание персонажа; герменевтический метод учитывающий правильное прочтение, истолкование смысла текстов и изображений, понимание эпохи и культуры; общенаучные методы исторического исследования: классический историко-культурный анализ письменных источников; семиотический метод с использованием методов синтагматики и прагматики. Ориентиром для правильного построения исследования являются работы профессора Р. Бегли, Кравцовой М. Е. и мн. др. авторов и исследователей.

Обсуждение

Первая находка представляла собой прямоугольную яму¹ размером 4,6 на 3,5 м в верхней части и глубиной 1,6 м, заполненная раковинами каури, тринадцатью бивнями слонов, 300 предметов из бронзы, нефрита и золота, а также три кубических метра обожженных костей животных и древесной золы, при этом никаких следов человеческих скелетов в ней обнаружено не было. «Since the contents of the pit all showed signs of burning while the pit itself did not, the deposit looks like the product of a ceremony in which animals were sacrificed, bronzes and jades deliberately broken, and everything then burned and buried. The ceremony has no close parallel at Zhengzhou or Anyang, and many of the artifacts are of types never seen before, including life-sized bronze heads with facial features that look distinctly extraterrestrial. «Так как артефакты имели признаки горения, а сама яма — нет, то археологи пришли к выводу, что это было результатом церемонии жертвоприношения, во время которой животные были убиты и сожжены, артефакты были сожжены и в некоторых случаях разбиты, а останки были сброшены в яму и покрыты толченой землей» [1:11].

Содержимое второй ямы² аккуратно разложенное в три слоя, с мелкими предметами (включая более сотни нефритов) на дне, крупными бронзовыми изделиями в среднем слое, и более шестидесяти слоновьих бивней сверху. Среди находок было бронзовое дерево в натуральную величину на пьедестале; сорок одно изделие в виде антропоморфных масок, некоторые из них дополненные золотым покрытием, с окрашенными киноварью глазами и ртом. Около двадцати похожих на маски предметов, различающихся по размеру и характеру, некоторые из них имеют сходство

---

¹ «Глубиной приблизительно 1,5 м (146–164 и 140–168 см), они имели почти вертикальные стенки и утрамбованную нижнюю поверхность, т.е. были заранее подготовленными схоронами. Многие изделия имели серьезные повреждения, на некоторых сохранились следы огня, в результате чего возникает впечатление, что их прятали в спешке, пытаясь спасти во время какой-то катастрофы» [2:1].

² «В «К1» были складированы в основном бронзовые сосуды, нефритовые украшения, предметы ритуально-церемониального назначения и ритуальное оружие. В «К2», под слоем слоновьих бивней, были спрятаны абсолютно необычные вещи, среди них произведения бронзовой пластики и предметы, отделанные золотом» [2:1].

с человеком, другие же напоминают животных. Самыми необычными предметами оказались фрагменты трех бронзовых деревьев, самое большое из которых высотой 4 метра, восстановленное, находится в музее Саньсиндуй к северу от города Чэнду. Найденные бронзовые вазоподобные сосуды относящиеся к типам цзун и лей, соответствующие образцам среднего региона Янцзы и вполне могли быть импортированы оттуда.

Результаты: В первую очередь, необходимо заметить что декоративно-оформительный почерк культуры Сансиндуй при всех своих значительных стилистических отличиях и сходствах с иньскими, имеет все признаки шаманского мировоззрения (как и у иньцев), на что указывает структура найденного бронзового дерева с птицами (рис. 1), которая близка по описанию с легендарным китайским деревом Фусан³, на что так же обращает внимание С. А. Комиссаров⁴.

Касаясь общепринятого китайскими учеными утверждения о разном времени захоронения двух ям, что вероятнее всего является основным аргументом, связующим это захоронение с ритуальным жертвоприношением, как и наличие обгорелых останков животных, учитывая точку зрения профессора Р. Бэгли, указывающего на то что, сам ритуал и нахождение артефактов являются достаточно необычными, можно предположить,

³ «Деревья располагались на подставках в виде соединенных вместе трех округлых зубцов, которые интерпретируются как художественное воспроизведение иероглифа шань (гора) и украшены «облачными» и солярными узорами. Самоочевидное отождествление этих находок с мировым древом подкрепляется также выраженной трихотомией дерева No 1: три вершины «горы», три узла на стволе, откуда отходят по три больших ветви, из которых одна, в свою очередь, имеет отросток. С их концов свисают плоды, которых всего 12. Это не нарушает общей троичной структуры бронзовых скульптур и одновременно обогащает нумерологический набор еще одной «магической» цифрой, которая, как правило, имеет календарную интерпретацию. На каждой из больших ветвей сидит по птице (на одной нижней ветке птица не сохранилась, но она восстанавливается по сохранившейся подставке и сопоставлению с деревом No 2). Таким образом, птиц всего девять, хотя можно предположить и наличие десятой птицы — на верхушке дерева» [3:121].

⁴ «Однако в целом они гораздо лучше коррелируют с описаниями фусан и жому, поскольку, во-первых, найдены в паре, во-вторых, на их ветках сидят птицы, само количество которых (девять или десять) указывает на солнечных воронов древнекитайских мифов, что подтверждается также солярными знаками (в виде кружка с точкой) на пьедестале» [3:121], которое можно дополнить уточнением, что по легенде десять солнц — золотых воронов, сидящих на девяти верхних ветвях, а один — на нижнем, что полностью соответствует виду бронзового артефакта. (Рис. 1.)

что найденные находки относились не к жертвоприношениям, а являлись обычным тайником⁵. Предположение основывается на несхожести обряда с известными ритуалами, а так же на предполагаемой разнице мировоззренческих взглядов у иньской и саньсиндуйской культур, основанной на различиях в изображениях бронзовых масок (по типу Тао-те) (зооморфные и антропоморфные черты), а так же на ассортименте захороненных изделий, который напоминает полный комплект ритуальных атрибутов древнего храма.

Индивидуальность саньсиндуйского стиля, указывающая на некоторые религиозные отличия, выраженного в гетерогенности представлений о внешнем виде изображенного божества, обладающего звериным или человеческим обликом, могла стать причиной тайного захоронения ритуальных предметов, сделанных в силу некоторых обстоятельств, например военных конфликтах между племенами. В связи с этим необходимо напомнить о существовании в эпоху Чжоу традиции описанной в текстах «Чжоу ли», о специальной должности чиновников отвечающих за сохранность табличек предков и всего переносимого храмового комплекса, и то что главной трагедией в любом сражении являлся не столько проигрыш, сколько потеря ритуального набора. Это обстоятельство показывает особое святое отношение к предметам культа, а находки культуры Саньсиндуй, могли быть преданы земле, только для того чтобы они не достались врагу. «Если поход был удачным, то спокойное возвращение табличек с именами предков не представляло проблемы, тогда как в случае поражения и возможной паники, бегства и т.д. о возвращении повозки нужно было позаботиться, ибо ее потеря была бы страшней, чем сама проигранная битва. Поэтому в обязанности дасыма (начальника войскового приказа) входила и забота об этой святыне, о чем в Чжоу ли говорится: «Если военный поход закончился неудачей, то [дасыма], надев траурный головной убор, заботился о повозке с табличками предков» [4:210].

Выводы: Часть саньсиндуйских изделий, как говорилось выше, при

---

⁵ «Многие изделия имели серьезные повреждения, на некоторых сохранились следы огня, в результате чего возникает впечатление, что их прятали в спешке, пытаясь спасти во время какой-то катастрофы. В «К2» видимо, поместили предметы, которые представляли особую ценность для их обладателей» [2:1].

своим неповторимым, индивидуально художественным стилем, соответствовала иньским стандартам, отдельные элементы декора, демонстрировали аналогию с орнаментом куйвэнь, особенным сходством обладали маски по типу напоминающие маску Тао-те (рис. 3), но при этом в состав саньсиньдуйских личин не входили зооморфные фигуры подобные иньским, и все ее виды имели в целом антропоморфные черты (рис. 2), что само по себе может указывать на разницу в представлениях облика мифологического божества.

Это обстоятельство несмотря на обоюдное шаманское миропредставление у двух культур, демонстрирует некоторые признаки гетерогенности в мировоззрении двух древних обществ, вполне вероятно являющихся одной из причин военных конфликтов между племенами. В этом предположении убеждают так же и антропоморфные бронзовые изделия с массивными трапециевидными ушами с продолговатым, узким типом лица, прямым носом и миндалевидной формой глаз, не имеющих аналогов у иньцев.

Обычай описанный в Чжоу-ли о трепетном отношении к ритуальной атрибутике, вероятнее всего не создавался в династию Чжоу, и имеет более раннюю историю в культуре древнего Китая. Перечисленные выше признаки гетерогенности миропредставления у двух культур и культ сохранения ритуальных атрибутов, может указывать на то, что найденные в двух ямах саньсиньдуйские артефакты относятся не к неизвестному виду жертвоприношения, а представляют собой обычный тайник.

Литература

1. Bagley Robert. The Bronze Age before the Zhou Dynasty / R. Bagley.— Princeton University 2018.
2. Кравцова М. Е. История искусства Китая. СПб, 2004
3. Китай и окрестности Мифология, фольклор, литература/ Институт восточных культур и античности, Выпуск XXV [Под редакцией КС Смирнова] Москва 2010–645 с.
4. Кучера С. Становление династии Чжоу (Чжоу Ли), перевод с китайского. / С. Кучера М., 2017.

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Материалы Всероссийской научной конференции 2021-2022 гг.
Том 2
Избранные доклады

Ответственный редактор *Ю.А. Пронина*

Макет и верстка *А.С. Яшин*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 22.03.2023. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 33,0.
Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 500 экз. Заказ №1065

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А.О. Захаров*
107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru